

Нияз Халит

МЕЧЕТИ
—
средневековой
КАЗАНИ

•

УДК 72:94(470.41)"653"
ББК 85.11:63.3(2Рос=Тат)41/44
Х17

Халитов, Н. Х.

Х17 Мечети средневековой Казани / Нияз Халит. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. — 183 с. : ил.
ISBN 978-5-298-02032-9

В книге впервые представлен уникальный материал о мечетях средневековой татарской столицы — Казани, рассказывается о взаимосвязи болгарской, татарской и мировой исламской цивилизаций, их воздействии на средневековую русскую культуру, даются сведения о знаменитых мечетях средневековой Казани (Кул Шарифа, Нур-Али, Хан-джами и др.), их изображения и авторские научные реконструкции, исторические и археологические материалы. Материал богато иллюстрирован. Иллюстрации оригинальные, в значительной степени авторские, ранее не опубликованные.

Книга рассчитана на учёных, краеведов, преподавателей и всех, кто интересуется отечественной историей.

УДК 72:94(470.41)"653"
ББК 85.11:63.3(2Рос=Тат)41/44

ISBN 978-5-298-02032-9

© Татарское книжное издательство, 2011
© Халитов Н. Х., 2011

ВВЕДЕНИЕ

Архитектура любого народа — это продукт его материальной и интеллектуальной деятельности. Возникая по вполне определённым социальным заказам, она в полной мере отражает этапы его истории, развития культуры создавшей его цивилизации. Подчеркну: именно цивилизации, потому что в отличие от народного зодчества, сопровождающего любую, даже самую примитивную этнографическую культуру, и решающего сиюминутные потребности населения, архитектура — это область высокой культуры. В понятие «архитектура» входят теория и история, градостроительство и эстетика и многое другое как особая форма профессиональной деятельности — то, чего нет в народном зодчестве. Создаваясь прежде всего из, так сказать, «подножного» материала, архитектурные сооружения неизбежно принимают формы, диктуемые им местными строительными материалами, их облик формируется под воздействием природно-климатических условий, образа жизни народа и его исторических традиций. Это общеизвестно. Однако, помимо этого, архитектура, как и культура в целом, подчиняется законам развития человеческого общества, отражая его уровень на современном историческом отрезке.

Несмотря на различие религиозно-политических систем, расколовшее в последнее тысячелетие значительную часть Евразии и север Африканского континента на соперничающие регионы, сам ход общественно-исторического развития оказался общим для всей европейско-передневожточной цивилизации, диктуя и сходные законы развития архитектуры и градостроительства, которые, в свою очередь, являлись как бы слепком с культурного контекста породивших их народов. Историко-архитектурные исследования последних вскрывают общие закономерности в развитии каменной монументальной архитектуры, присущие весьма обширному пространству, включающему в себя страны Восточной и Южной Европы, Балкан, Закавказья, Малой Азии и Ближнего Востока (см.: Яковсон А. 1987; Бретаницкий А. С. 1988: 44). Архитектура средневекового Поволжья, тесно связанного политически и экономически со странами этого региона, неизбежно подчинялась этим же закономерностям. Понимание этого даёт нам ключ к раскрытию закономерностей эволюции соб-

ственно болгарского и казанского зодчества в зависимости от этапов общественно-политического развития государства. Опираясь на такую методику, можно попытаться вывести достаточно ясную схему развития монументального зодчества Волго-Камья феодального времени, а в интересующем нас контексте — со дня основания Казани и до середины XVI века.

Нельзя сказать, что никто никогда не пытался представить себе картину прошлого наших городов и сёл, воспроизвести хотя бы умозрительно самые яркие произведения отечественного зодчества. Вопрос этот волновал всех, кто хоть однажды соприкасался с величественными следами средневековой мусульманской культуры Поволжья. К сожалению, уничтожение собственной государственности в XVI веке привело вместе с ней к исчезновению и официальной историографии, так же как и источниковедческой базы для исследователей. Всё это низвело татарскую историографию Нового времени на любительский уровень, не сопоставимый с уровнем российской науки XVIII и XIX столетий; поэтому по-своему ценные труды самодеятельных татарских историков изобилуют неточностями и нуждаются сегодня в тщательном анализе с целью отделить зерно от плевел. Критерии же оценки русских и западных учёных, далеко не всегда свободных от европоцентристских и имперских шор, приводили к иным векторам исследований и давали иные оценочные результаты, чем сегодня нам хотелось бы иметь с точки зрения собственной национальной истории и ментальности.

Архитектуроведение — сравнительно молодая наука, изучающая зодчество как область интеллектуально и эстетически осмысленной деятельности человеческого разума, как одну из ветвей человеческой культуры.

Обобщая опыт прошлого, можно с уверенностью утверждать, что цельной и связанной картины развития архитектурной культуры методами, использовавшимися до сего времени, добиться нельзя. Архитектура непрофессиональным исследователем обычно рассматривается как некая сумма сооружений, а каждое из этих сооружений — как некое материальное образование, имеющее внутреннюю планировку, конструкции и внешние декоративные формы. Сквозная идея, идеология и эстетические принципы организации и оформления архитектурного пространства, как правило, в расчёт не берутся, и главным методом реконструкции становится не уяснение той мыслительной конструкции, что легла в основу, а воспроизведение её материальной субстанции путём сопоставления найденных остатков с разнообразными аналогиями. Таким образом, становление цельной картины ставится в зависимость от количества найденных остатков и фрагментов, в то время как решение проблемы часто лежит в чисто умозрительных построениях, логи-

ческом моделировании. Например, для того чтобы настаивать на присутствии мечетей, караван-сараяв и медресе в средневековой Бугарии или Казани, совершенно необязательно находить их следы или документальные свидетельства, упоминания о них. Здесь вполне достаточно знания социально-экономической ситуации и идеологии государства: остальное вытекает из общих закономерностей родственных культур.

С помощью логического моделирования, опираясь на указанные ориентиры, можно достичь некоторых результатов, даже имея всего лишь единичные свидетельства и археологические фрагменты. *«Рискну высказать мысль, — писал архитектор А. Зинченко, — что наибольшую пользу практике история архитектуры приносит тогда, когда предметом её анализа становится не само сооружение, а та мыслительная конструкция, которая ему предшествовала»* (Зинченко Н. 1981), с чем также невозможно не согласиться.

Тысячелетняя история архитектуры показывает, что мир отнюдь не являлся конгломератом культур, не был разделён на какие-то «островки»: напротив, поражает всеобщность распространения принципиальных подходов и приёмов зодчества вне зависимости от культурной или религиозной ориентации народа. Другое дело, что художественно-образные и декоративные решения зданий, напрямую связанные с идеологией и традицией, оказывались различными, — но не о них речь.

Например, всем известен так называемый «сельджукизм» в архитектуре мусульманского Востока XI—XIV вв., с его характерными чётко ограниченными объёмами, вертикализмом членений и богатой монохромной пластикой фасадов. Однако что такое «готика», «владими́ро-суздальский» стиль, архитектура армянских и грузинских храмов того же времени, как не тот же «сельджукизм» на иной национальной почве? И как быть с архитектурой Волжской Бугарии XI—XIII вв., находившейся, можно сказать, далеко не в стороне от этого явления? Если исходить из выявленных фактов, то никак — их нет. Но разум подсказывает: богатое торговое государство с открытыми границами и развитой архитектурой не могло быть изолировано от этих всеобщих явлений; «сельджукизм» не мог миновать нас, и не обязательно нам найти изображения или десятки квадратных метров облицовки, чтобы убедиться в этом.

В конце XIII—XIV вв. в пластику стены начинает влетать цвет. И опять: памятники Ирана и Афганистана, Турции и России, Средней Азии и Золотой Орды говорят о том, что бугарское зодчество оперировало теми же принципами; археологические фрагменты могут лишь конкретизировать вычисленную картину.

Таких примеров можно привести много: центричность и многобашенность в XVI, вертикализм и ярусность в XVII—XVIII вв., остеклённость в XX в. и т. д.

Крайне важно, на мой взгляд, правильно определиться в идеологическом контексте изучаемой культуры: это определит направление поиска аналогий, характера развития культурных традиций.

Например, полемика вокруг происхождения форм известной казанской мечети Кул Шарифа выявляет два подхода, проистекающих из двух противоположных посылок о наличии или отсутствии русского влияния. С точки зрения С. Айдарова, мечеть была построена итальянскими и русскими мастерами после захвата Казани войсками Ивана III в 1487 году, что впоследствии и послужило причиной её воспроизведения на Красной площади в Москве. Более того, изыскания С. Айдарова обнаруживают следы массового итальянского и русского влияния на архитектуру Казани, которое он объясняет долговременным соседством двух народов и длительным культурным сотрудничеством, торговлей.

Исторический же опыт свидетельствует о другом.

Никакого неизбежного глубокого взаимопроникновения культур в зависимости от одной лишь территориальной близости и интенсивности торговых и политических контактов не наблюдалось. Где, например, признаки подобного взаимовлияния России и таких стран, как Иран, Афганистан, Турция, Крым, Китай, Монголия, Корея, государств Средней Азии за сотни лет их сосуществования? Эти процессы начались — да и то в весьма ограниченном слое городской аристократии — лишь после включения ряда этих государств в пределы Российской империи в связи с интенсивным освоением местных рынков российским капиталом и массовым расселением русских на «присоединённые» территории. В то же время многочисленные данные говорят о постоянных и плодотворных контактах многих из этих стран между собой в течение столетий вне зависимости от наличия общих государственных границ, несмотря даже на большую географическую удалённость их друг от друга, даже на разделённость враждующими государствами. Ярким примером тому является сама Россия, активно искавшая контакты с этнически родственными народами Балкан и православной Византией, о чём много и с гордостью пишут русские учёные.

В составе подобной же регионально-культурной общности государств находилась и Волго-Камская Булгария, мало контактировавшая с соседней Русью, но открытая культурным влияниям тюркского и исламского мира. Два независимых государства с многовековой историей, несмотря на общую границу и длительное сосуществование, имели совершенно различные этнокультурные контексты и придерживались,

мягко выражаясь, различных религиозных, культурных и политических ориентаций.

На мой взгляд, опираясь на те же самые материалы, что были использованы С. Айдаровым, можно прийти и к иным реконструкциям: всё дело в направленности поиска и подборе аналогий. Здание мечети Кул Шарифа, появившееся в период резкой военной и политической конфронтации Казани и Москвы — будь то время правления династии Гиреев или иных ханов — едва ли могло возводиться при содействии русских и с ориентацией на русскую или западноевропейскую школу зодчества. Напротив: очевидное противостояние с северным соседом, породившее стремление сблизиться с османами и крымцами, велит нам искать прототипы в среде этих культур. В итоге — рождается совершенно иная реконструкция и иная архитектурная идея не только исчезнувшей мечети, но и храма-памятника в Москве.

Определённые результаты даёт анализ национальной психологии в различные периоды развития нации, рождающие и самостоятельные архитектурные концепции, которые опирались бы на традиции государственности или отсутствие оных, имперскую или локальную школу зодчества, на экономическое благополучие или неопределённость. Всё это порождало соответствующие масштабы градостроительного мышления, выражавшиеся как в пространственной композиции столичных городов, так и в масштабах сооружений, размахе строительства.

Отсутствие собственных средневековых памятников, пригодных для полноценного анализа, понуждает нас искать косвенные следы их, отразившиеся в окружающих культурах. После вхождения в пределы Русского государства мусульманских земель Поволжья, Урала и Сибири в русской архитектуре можно было наблюдать загадочный всплеск декоративности, который исследователи обычно напрямую не связывают с этим фактом. Однако появление и широкое распространение в XVI—XVII веках на Руси характерных для мусульманского зодчества крещатых сводов, пёстрой раскраски и росписей, изразцов и надписей на фасадах, сталактитов («городки»), многолопастных, подковообразных, килевидных и стрельчатых арок, всё же наталкивает на некоторые размышления.

Этнографы и историки архитектуры отмечают резкую ориентализацию русской культуры начиная с XV века, с момента появления на исторической арене Казанского ханства. Известно, что барьер между противостоящими культурами падает после победы одной над другой; именно это явление мы и можем наблюдать в XVII веке, вскоре после того, как татарская национальная культура стала трофеем Москвы, ярким примером чему является архитектура храма-памятника Василия Блаженного в Москве.

Трофеем москвитов стала не только земля татар, но и их архитектурная традиция, целый набор «арабизмов», «фарсизмов» и других заимствований, которые столетиями копились в монументальном зодчестве Волжской Булгарии. Все эти болгаро-татарские «тюркизмы» и стали достоянием московской культуры, перекочевав впоследствии на фасады многочисленных теремов, церквей и других построек Московского государства. Уничтоженная архитектура татарских городов как бы «размазалась» по русским фасадам, породив знаменитое «узорочье», восточные корни которого пока, кажется, сегодня никто и не пытался искать.

Разумеется, восстановить достоверный оригинал в этом «кривом зеркале» сегодня — задача не из простых. Однако направление поиска, я думаю, здесь верное.

Исследуя загадочную средневековую культуру наших предков, нельзя быть гарантированным от ошибок. Думаю, в моих рассуждениях можно найти много недостатков и противоречий. Но современный уровень познания требует какого-то осмысления, не претендующего, может быть, на окончательность, но могущего стать почвой для более основательных изысканий и более глубокого осмысления этой проблемы. Наука не стоит на месте и каждый новый миг приближает нас к Истине, которая и является конечной целью деятельности всякого честного учёного.

МЕЧЕТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ (XI — середина XVI вв.)

**БУГАРСКИЙ
ПЕРИОД**
(XII — сере-
дина XV вв.)

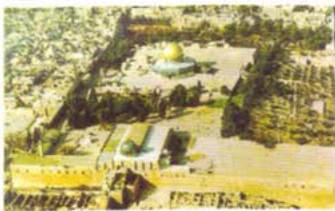
Опираясь на данные археологии, можно говорить о распространении ислама в Поволжье уже в конце VIII — начале XI в. (Халикова Е. А. 1976: 168), а по другим данным, на столетие позже (Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. 2007: 53). Таким образом, история мусульманского культового зодчества, неразрывно связанного с существованием религиозной общины, началась в Волго-Камье, возможно, задолго до официального принятия ислама эльтебером Алмасом в 922 г. и возникновения города Казани. И едва ли оно возникло на пустом месте. В его основу легли, как

Рис. 1-1.
Пути проникновения ислама в Поволжье.

А. Андалусия. Мечеть в г. Кордова (VIII—XIII вв.).

Б. Палестина, г. Иерусалим. Комплекс аль-Акса. Храм Куббат ас-Сахра (VII в.).

В. Ирак, г. Самарра. Мечеть Мутаваккиля (IX в.).

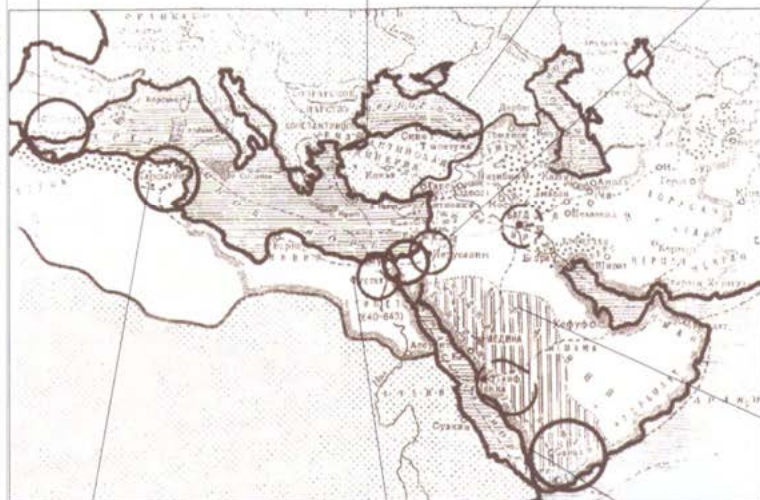
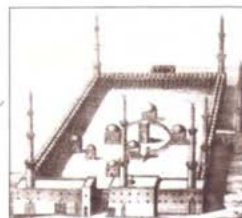
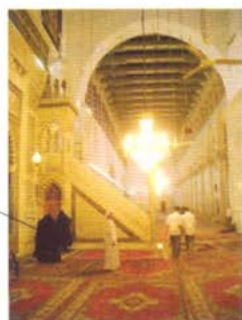

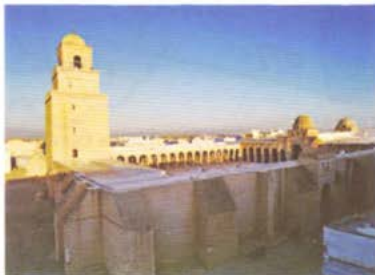
Рис. 1-2. Мировые центры ислама в VIII—IX вв.

Г. Хиджаз (Аравия) г. Мекка, аль-Масджид аль-Харрам. Рис. XVIII в.

Д. Сирия, г. Дамаск. Мечеть Омейядов (VIII в.).

Е. Тунис, г. Кайруан. Мечеть Сиди Окба, (VII—IX вв.).

Ж. Египет, г. Каир. Мечеть Ибн-Тулуна (IX в.).

З. Йемен (Аравия), г. Сана. Мечеть аль-Бакирия (XVI в.).

и повсюду в мировой практике, местные строительные традиции, и, вероятнее всего, как подсказывает логика, уже сложившиеся типические черты своих прародителей: архитектурных школ Бухары, Хорезма, Хазарии и Багдадского халифата (рис. 1-1).

Составляя господствующую социальную верхушку, болгары и были носителями ислама (Исхаков Д. М., Измаилов И. Л. 2007: 65). Поэтому архитектура мечетей в этнических центрах болгар (рис. 1-2) должна была стать активной, господствующей, градообразующей.

Одним из таких изначально исламских городов была и Казань. Об этом говорят богатые мусульманские захоронения знатных феодалов-болгар, обнаруженные как на территории города, так и за его пределами. Мечети должны были занимать видное место в городской инфраструктуре и силуэте поселения.

Казань основали во 2-й пол. X — нач. XI в. мусульмане-болгары, и, как это и полагается в мире ислама, в первую очередь здесь была заложена мечеть. Начало этой традиции заложил ещё пророк Мухаммет, появившись со своими учениками на границе Ясриба после бегства из Мекки. Лишь после закладки мечети и обязательной молитвы позволил он своим последователям заняться обустройством своего быта.

Мечеть — место для молитвы. Архитектурное оформление этого места может быть различным, здания могут

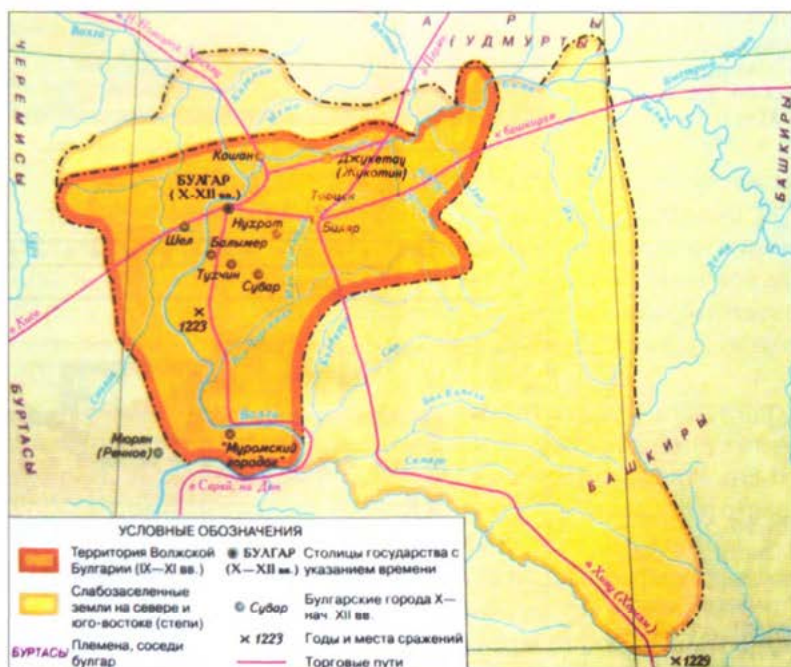

Рис. 1-3. Территория Волжско-Камской Булгарии в домонгольский период.

сменять друг друга, но само место, однажды выбранное, может сохраняться веками.

Местоположение мечети выбирается исходя из различных соображений:

1. Необходимости места для совершения молитвы определённой группой населения, составляющей махаллю.
2. В радиусе пешеходной или иной доступности.
3. В соответствии с количеством прихожан.
4. С гигиенической точки зрения подходящем месте.
5. В удобном для посещений месте по условиям ландшафта, гидрографии или городской инфраструктуры.
6. По привязанности к определённой группе прихожан по профессиональному, сословному, национальному или иному признаку.
7. По принадлежности к различным течениям ислама (суннизм, шиизм, дервишеские ордена, секты).

Рис. 1-4.
Мечеть Диггарон,
государство
Саманидов
(совр. Узбекистан)
(XI в.).

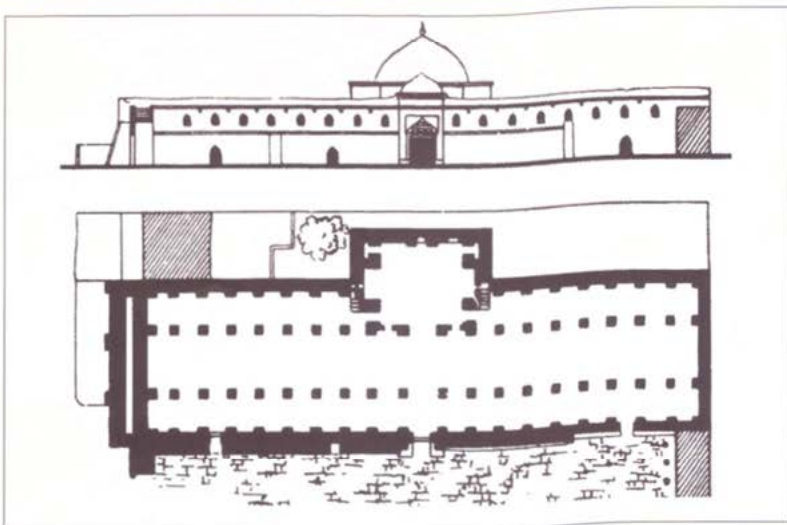

Рис. 1-5.
Мечеть Джума
в г. Дербенте,
Арабский халифат
(совр. Дагестан)
(VIII в.).

8. По привязанности к элементам городской инфраструктуры: торговому центру, речному порту, ежегодной ярмарке, поселению иностранцев и т. д.

9. Исходя из особенностей местного ландшафта, визуальных и эстетических соображений.

10. В соответствии с функционально-типологическими требованиями (махалля мечете, жомга мечете, аль-кабир, мусалла, кладбищенская и др.)

11. В ряде случаев — в местах священных захоронений, исторических событий, мемориальные и др.

В таком сложном по ландшафту и гидрографии месте, как Казань, местоположение мечети определяется всей совокупностью перечисленных факторов и оставляет не так много мест для благоприятного её размещения. Поэтому, опираясь на исторические сведения и данные археологии, вполне можно смоделировать схему расположения мечетей в различные периоды существования Казани, составляющую её мусульманский сакральный каркас.

Таким образом, соответственно перечисленным типам построек могли существовать и различные виды мечетей, выполненные в различной строительной технике, а именно:

1. Кирпичные, выстроенные в подражание среднеазиатским сооружениям, со стилиевыми признаками, присущими хорезмийской школе зодчества (рис. 1-4).

2. Каменные, выполненные в закавказских или малоазиатских строительных традициях (рис. 1-5).

3. Деревянные, с использованием местных традиций зодчества.

4. Глинобитные, на основе глинобитного жилища.

5. Передвижные, с использованием мобильной конструкции юрты [1].

1. XI — первая треть XIII вв. Пограничная крепость Керман (впоследствии — Казан) [2], если судить по исследованным остаткам первоначальных укреплений в крепости, занимала северную оконечность высокого мыса на берегу Казанки, составляющую лишь небольшую часть современной территории Кремля (260 x 225 м, т. е. около 40 000 м²) (см.: История Казани. 1988: 16).

Не имея сведений о градостроительной структуре Казани того времени, а самое главное, о социальной топографии, можно лишь умозрительно смоделировать некоторые принципиальные позиции о ситуации, которые, вероятно, мало отличались от большинства подобных же исламских поселений. Можно предполагать о существовании первоначального сакрального центра где-то внутри крепости у княжеского дворца. По мере роста города могли

постепенно и по собственной воле приобщившегося к исламу, должна была сказаться как в раскрепощённости общественной мысли, так и в архитектуре и искусстве. Неслучайно секретарь посольства халифа Ибн-Фадлан, прибывший сюда с проповеднической миссией, отмечал независимость поведения эльтебера Алмаса, отнюдь не спешившего отказываться от «неправильного», ханифитского толкования обряда, несмотря на нажим послов. Именно там, откуда был так прочно воспринят этот мазахаб, т. е. в Средней Азии того времени, прежде всего можно было бы поискать прототипы поволжских культовых центров. В то же время психология свободной нации с неизбежностью должна была отразиться в формировании своеобразного поволжского типа мечети, корнями уходящего в строительную культуру своего народа; она в меньшей степени ориентируется на иноземные матрицы, нежели нация угнетённая, утратившая пассионарную, либо не имеющая соответствующих архитектурных традиций.

Как уже говорилось, архитектура мечетей, хотя и заимствованная откуда-то, всегда развивалась опираясь на местные строительные традиции, и чаще всего именно под их влиянием. Каковы же были эти традиции у народов Волго-Камья к моменту возникновения Казани?

Рис. 1-8.
Деревянная мечеть
в г. Биляр (XI в.),
общий вид.
Реконструкция
автора.

Рис. 1-9.
Деревянная мечеть
в г.Бияр (XI в.),
главный фасад.
Реконструкция
автора.

Согласно описаниям арабских и персидских географов, в X—XI вв. города булгар в основном были застроены срубными домами, войлочными юртами и камышовыми хижинами. Эти постройки покрывались скатными и шатровыми кровлями, которые, в том числе и по данным археологии, являются одной из древнейших форм в Волго-Камье и вообще для северной части Восточной Европы. Кроме того, археологами были обна-

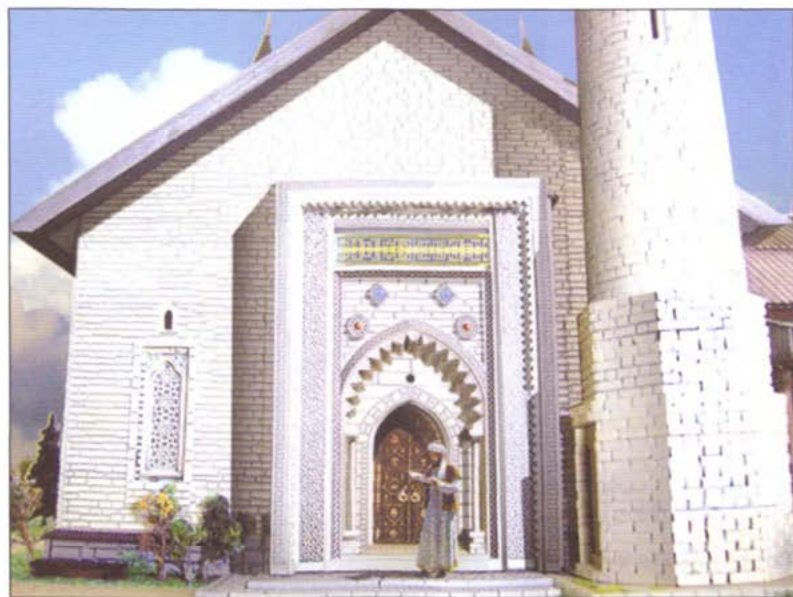

Рис. 1-10.
Каменная мечеть
в г.Бияр (XII в.),
главный фасад.
Реконструкция
автора.

Рис. 1-11.
Аль-Джами аль-Кабир г. Бияляр (Булгария, XI в.). Реконструкция автора.

ружены глинобитные дома с плоскими крышами, саманные и плетёные плоскоперекрытые дома, с покрытыми с обеих сторон глиняной штукатуркой стенами, и дома из больших глиняных блоков [2]. Кирпичные же здания и сооружения появились в Среднем Поволжье в IX—X вв. под воздействием среднеазиатской и закавказской культур как раз в период проникновения сюда ислама и именно из этих регионов.

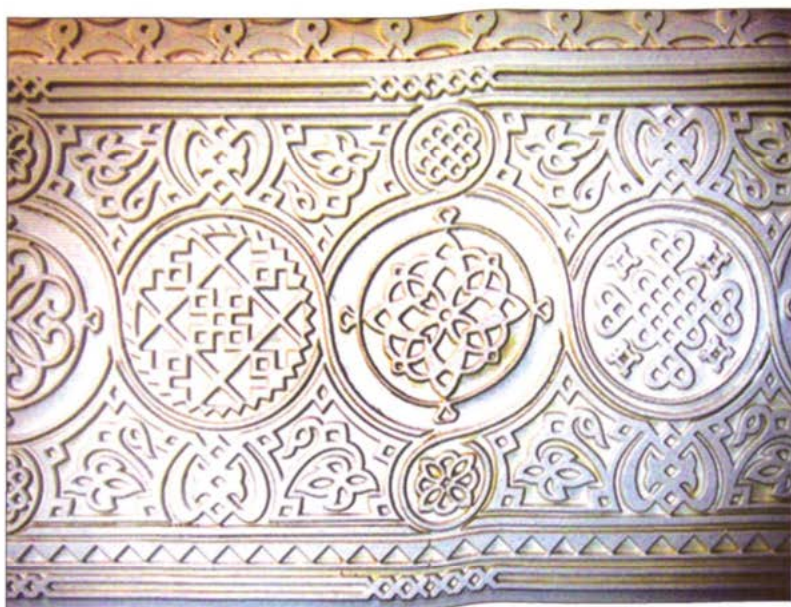

Рис. 1-12.
Каменная архитектурная резьба болгарской мечети (XI в.). Реконструкция Н. Хазиахметова.

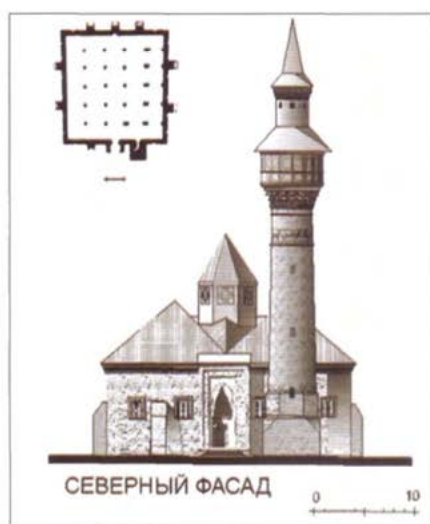
Мечети этого времени, как княжеская, так и квартальные за пределами крепости, могли иметь вид каменных, деревянных или глинобитных сооружений (подробнее см.: Халит Н. 1999: 21, 22). Композиция этих зданий нам неизвестна, однако, если судить по небольшим размерам крепости и локальному значению самого города, вначале вряд ли это были значительные сооружения. Мечеть аль-Кабир, судя по остаткам на городище Биляр, могла быть прямоугольным в плане одно- или двухэтажным зданием, к которому с северного торца примыкал портал входа, а рядом с ним стоял цилиндрический на кубическом основании минарет (рис. 1-10, 1-11).

2. Вторая треть XIII — первая половина XV в. В 1278 году Казань была разрушена русско-монгольскими войсками Менгу-Тимура и Фёдора Ростиславича и до 1320-х годов находилась в упадке. Однако во второй половине XIV века крепость возрождается и упоминается в русских летописях как защищённый город (см.: История Казани. 1988: 21, 22).

Этот период казанской истории мог ознаменоваться новым строительством в пределах городской территории, расширением крепости и возведением комплекса княжеского дворца, закрепившими его роль, наряду с Булгаром, как крупного центра многоотраслевого ремесленного производства и транзитной караванной торговли. Этому способствовали «открытые» границы с исламскими центрами Средней Азии и оживлённые политические и торгово-экономические связи Поволжья со странами Ближнего Востока, Малой Азией и Египтом. Для этой эпохи

Рис. 1-13.
Аль-Джами аль-Кабир г. Булгар (Булгария, XIII в.).
Реконструкция автора.

Рис. 1-14.
Михраб булгарской мечети (XI в.).
Реконструкция Н. Хазиахметова.

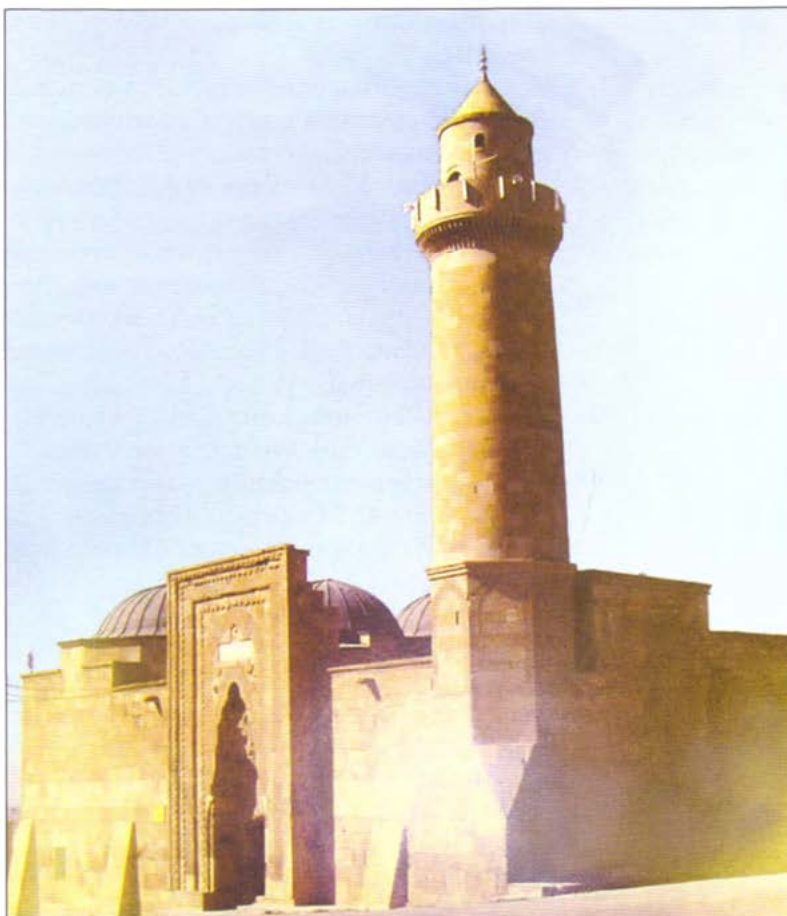

Рис. 1-15.
Иса Бег-джами
(1374 г.) близ
г. Эфес, Румский
султанат.

характерно, кроме того, перемещение мастеров-ремесленников на большие расстояния, как добровольное, так и насильственное, что подтверждается многочисленными «нисбами» (подписями) на памятниках Средней Азии, Закавказья и других стран Переднего Востока.

Судя по стилевой дифференциации каменных надгробий Булгарии XIII—XIV вв. (см.: Мухаметшин Д. Г., Хакимянов Ф. С. 1987: 40), Казанский край относился к зоне влияния центральнобулгарской культуры (так называемый Булгарский округ), включавшей в себя нижнее течение Малого Черемшана, Предкамье в среднем течении Меши, верховья Казанки и Ашита. Об этом, впрочем, красноречиво говорит и первоначальное название города — Булгар аль-Джадид, т. е. Новый Булгар. Это говорит об общности материально-культурных традиций Казани и Булгара, основывающейся и на этнокультурной общности. Следовательно, аналогии с монументальным зодчеством Казани XIII—XIV вв. надо искать в Булгаре, стилевые

характеристики которого нам в некоторой степени известны.

Археологические данные свидетельствуют, что сложная синкретическая культура золотоордынских городов Северного Кавказа, Заволжья и Поволжья была сходной (см.: Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987: 147, 217) и, стало быть, определённая стилевая общность монументальных памятников этого региона не является случайной. Булгары, сыгравшие видную роль в исламизации Золотой Орды (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950: 168; Фахрутдинов Р.Г. 1987: 21; Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987: 151 и др.), воздействовали и на развитие её монументальной архитектуры, о чём свидетельствуют найденные в столице Сарай-аль-Махруса (Селитренное городище), городе Бельджамен (Водянское городище) и Мечетном городище (Волгоградская обл.) мавзолеи булгарского типа (Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. 1987: 151 и др.).

Для монументальных зданий мусульманских стран в этот период было характерно значительное увеличение их размеров, в их композиции стали доминировать эффектные порталы, обогатился арсенал средств художественной выразительности. Одновременно углубился разрыв единства между строительным массивом зданий и их богатым убранством. Многие архитектурные формы постепенно утрачивали свой первоначальный тектонический смысл (Бретаницкий Л.С. 1988: 86, 87).

Рис. 1-16.
Центральная
площадь г. Булгар
(Золотая
Орда, XIV в.).
Реконструкция
автора.

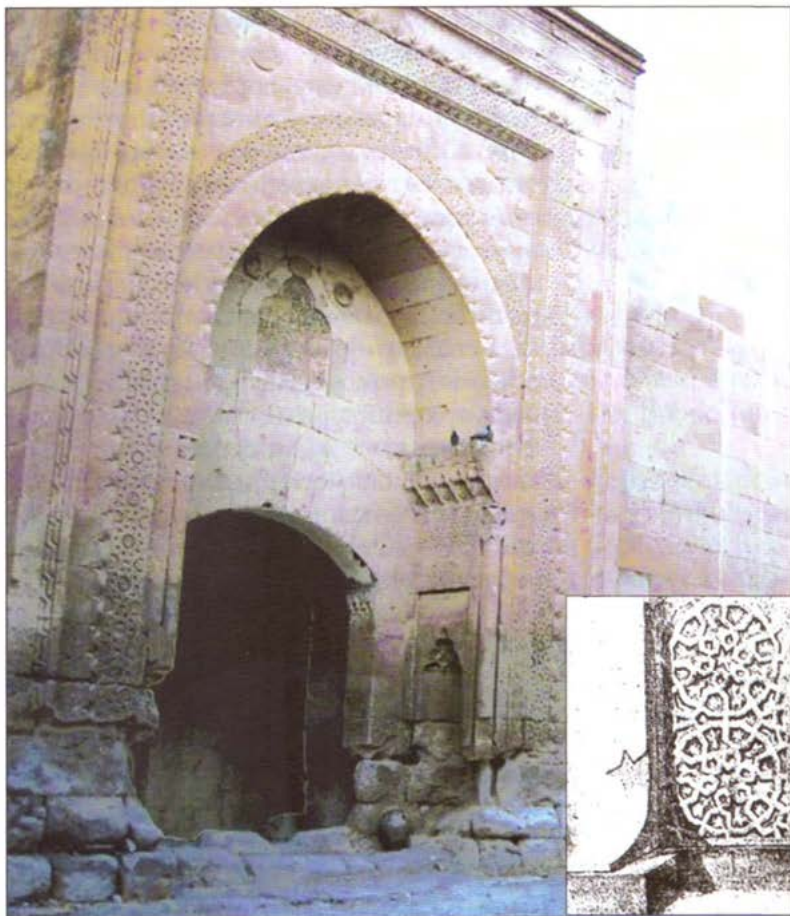

Рис. 1-17.
 Фасадная резьба
 аль-Кабир в
 г. Булгар (Золотая
 Орда, XIV в.).
 Резьба вокруг
 оконных проёмов.
Рис. Корсунцева.
 Аналог: Резьба
 портала караван-
 сарая сельджук-
 ского времени
 (Румский
 султанат, XIII в.).

Ярким свидетельством ориентации болгарской культуры в направлении этих стран служат сохранившиеся до настоящего времени наземные остатки монументальных каменных сооружений Булгарского городища, которые подверглись тщательному изучению как археологами, так и архитекторами, единодушно определившими их стиливую принадлежность к кругу памятников «сельджукского искусства». Эти здания, как культового, так и гражданского назначения, довольно близки по стиливым характеристикам к подобным же зданиям Крыма, Закавказья, Малой Азии и Египта. Это свидетельствует о мощном импульсе культурного воздействия, какими-то путями оказанного на Булгарию странами этого региона, с момента сельджукского завоевания большей частью перешедшего из шиизма в дружественное булгарам течение ислама — суннизм (Саркисов Н. А. 1988: 131).

В основе композиционного построения монументального здания периода «сельджукизма», как правило,

лежал принцип асимметрии, строившийся на сочетании уравновешенного, статичного горизонтального объёма и подчинённых ему вертикальных акцентов: цилиндрических минаретов, выносных порталов, шатровых покрытий. Мечети и медресе «сельджукского стиля» обладали статичностью композиции, основанной на гармоничной взаимосвязи ряда простых геометрических форм: прямоугольных параллелепипедов, цилиндров, призм, конусов и др. Чётки и логически ясны несложные решения планов: в основу организации пространства принимались только функциональные соображения. Внутренние объёмы сооружений, как правило, определяли композиции архитектурных масс, среди которых преобладали фронтальные. Целостность художественного образа в значительной мере была связана здесь с тектоничностью архитектурных форм, обусловленной логикой конструктивных решений. Немалую роль играли выразительная структура и характер каменной кладки. Художествен-

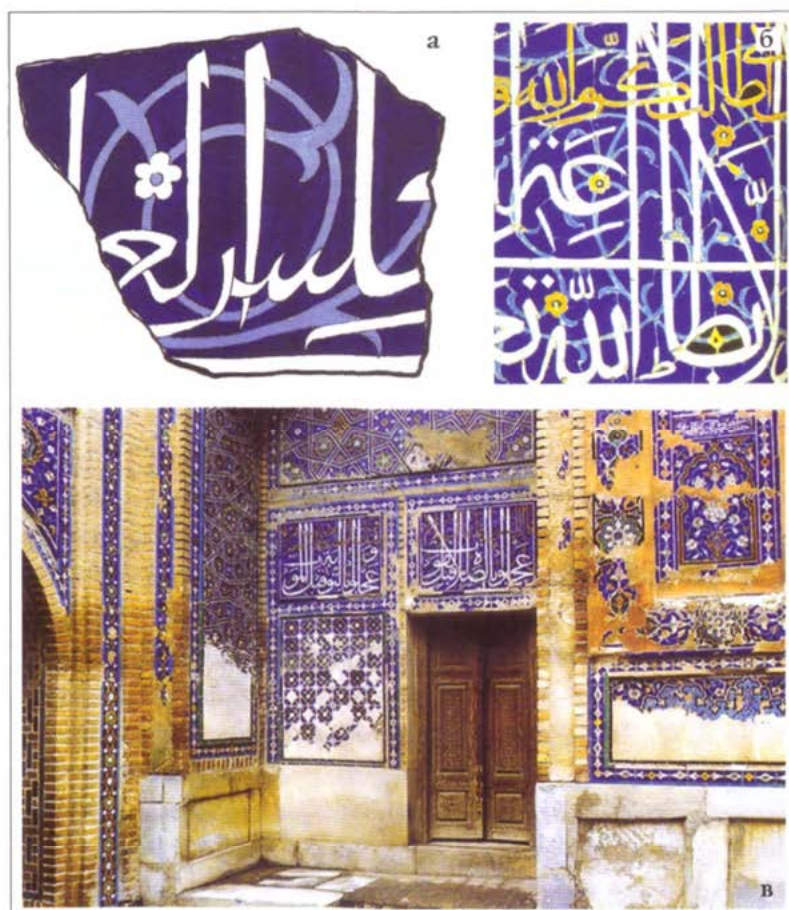

Рис. 1-18.

а. Фрагмент поливного изразца из Ханских дюрбе (XIV в.). Татарстан, городище Булгар. *Рис. автора.*

Аналоги:
б, в. Узбекистан, г. Самарканд, мечеть Туман-ака (XV в. Облицовка стены).

ный образ монументального здания создавался за счёт выразительного силуэта и игры светотени на гладких белых гранях и плоскостях, сложенных из тщательно выложенных блоков-квадров. Сравнительно немногочисленные, но тщательно разработанные элементы архитектурного убранства (входные порталы, оконные и дверные наличники, капители колонн, михраб) выделялись продуманным размещением на фоне глади каменной кладки и пластикой рельефа, создающими эффектную игру светотени (Бретаницкий Л. С. 1988: 82) (рис. 1-16). Это были суровые по своему облику и выразительные по силуэту монументальные постройки с высокими стенами и небольшими окнами, приспособленные для оборонных целей в случае необходимости.

Перечисленными чертами в полной мере обладали сохранившиеся и по настоящее время памятники монументального зодчества XIII—XIV вв. на городище Булгар: аль-Кабир и дюрбе центральной городской площади (рис. 1-18), Кече Манара (рис. 1-47). Отголоски этого стиля, ставшего национальным для Булгарии, несомненно, должны были проявиться и в архитектуре Казани XIII—XIV вв., составив основу для дальнейшего её развития.

XIII век, если рассматривать его с точки зрения развития монументального зодчества восточноевропейского и околосредиземноморского регионов, стал переломным в развитии культовой архитектуры как мусульманских, так и христианских культур, входящих в этот регион. Монотеизм, твёрдо завоевавший свои позиции на почти всей этой огромной территории, уже не нуждался более в обширных, демократичных, открытых для больших масс единомышленников религиозных зданиях, подобных Билярской Кабир или храмам Софии в Киеве и Новгороде. Феодальная раздробленность, характерная для этого периода истории, выдвинула социальный заказ на другой тип зданий, меньший по размерам, но репрезентативный по своей архитектуре. Данные строительной эпиграфики и письменных источников позволяют полагать, что именно в этот период из безымянной массы ремесленного люда выделяется зодчий или художник — автор архитектурного или художественного замысла, его исполнитель или руководитель работ. В этом сложном процессе решающее значение имело окончательное укрепление феодального способа производства с присущей ему регламентацией производственных процессов, формированием корпораций ремесленников, традициями сохранения производственных «секретов», упрочением передачи профессии из поколения в поколение (Бретаницкий Л. С. 1988: 32).

Уменьшение объёмов культовых зданий сопровождалось повышением их пропорций. Храмы вытягивались вверх, причём тенденция эта явно прогрессировала (Якобсон А. Л. 1987: 139). Особенно это должно было касаться княжеских моделей, как наиболее представительных и, кроме того, порой частично скрытых за стенами дворца. В этих условиях, когда господствующее значение религиозных зданий в центре города стало бесспорным, их пропагандистская роль была вынесена на фасады, которые по своей декоративной насыщенности стали преобладать над сравнительно камерными интерьерами, более направленными на решение чисто утилитарных задач. Ярким образцом такого здания стала аль-Кабир города Булгар, которая к XIV веку претерпела серьёзную реконструкцию, превратившись из относительно скромного по внешнему виду здания в богатую по композиции, силуэту и крупной фасадной пластике мечеть (рис. 1-16).

Идея высотной, пирамидальной композиции культового здания витала над обширными пространствами региона, хотя выражалась она у различных народов в совершенно различных формах. Для примера можно привести русские [3], сербские [4], армянские (Якобсон А. Л. 1987:167) церкви, башенные мавзолеи Азербайджана, Ирана [5] и Афганистана, Средней Азии [6] XII—XIV вв.

Повышение декоративности фасадов монументальных зданий вызвало расцвет монументально-декоративного искусства, выразившийся прежде всего в расцвете камнерезного искусства. Именно в XIII веке пышная резьба начинает покрывать фасады мавзолеев Азербайджана (см.: Бретаницкий Л. С. 1988: 43), мечетей Малой Азии и Средней Азии, а также соборов Владимиро-Суздальской Руси, к строительству которых, по сообщениям русских летописей, приложили руку и болгарские мастера. Именно в XIII в. появляются резные каменные надгробия на территории Волжской Булгарии (Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. 1987: 17), что прямо указывает на появление здесь камнерезного искусства. К концу XIII и 1-й пол. XIV века относятся реконструкции болгарской Джамии, в процессе которых она обрела пышную геометрическую резьбу наличников вокруг растёсанных оконных проёмов (Айдаров С. С., Аксёнова Н. Д. 1971: 22—24) (рис. 1-16).

Наконец, XIII век ознаменовался переходом от монохромной архитектуры к полихромной. Этот важный шаг, сделанный зодчими обширного восточноевропейско-переднеазиатского региона, проявился в различных его областях по-разному: в Закавказье и в Малой Азии в виде

каменной разноцветной мозаики [7], в Азербайджане и Средней Азии, Иране, Афганистане в виде комбинаций кладки из обожжённого и поливного кирпича, на Руси в виде комбинаций из кирпича и «дикого» камня или кирпича разного цвета [8]. Надо полагать, архитектура Волжской Булгарии, одного из крупных феодальных государств Восточной Европы, обрела элементы полихромии в это же время (рис. 1-18).

В течение XIV—XV вв. наблюдается рост городов, расцвет городской жизни, совершенствование архитектурного искусства всего передневожского региона. Резко увеличиваются масштабы дворцовых, культовых и общественных зданий, делаются попытки регламентации развития городов, создания архитектурных ансамблей. В обширном мусульманском регионе почти повсеместно распространяются сходные, а порой и попросту тождественные композиционные схемы, методы и приёмы строительства, архитектурно-художественные формы и инженерные конструкции, мотивы и средства убранства (Бретаницкий Л. С. 1988:24). Композиционные принципы, возникшие в XIII веке, не претерпели существенных изменений, но сама архитектура сильно видоизменилась в связи с эволюцией декоративной концепции. Деталь начинает преобладать над тектоничностью в образном решении фасадов. Рождается стиль живописной архитектуры, так ярко проявивший себя в последующие столетия во многих странах, в том числе и в России. Сплошная ковровая резьба в каменной и пышная полихромия в кирпичной архитектуре охватывают все страны региона: Византию и Грецию, Сербию и Болгарию, Русь, Армению и Грузию. Каждая культура

Рис. 1-19.

а. Фрагменты поливных изразцов из ханских дюрбе (XIV в.). Рис. автора. Татарстан, городище Булгар.

Аналоги: б. Узбекистан, г. Самарканд, мечеть Туман-ака (XV в.).

выражала этот художественный подъём по-своему, но все они следовали по одному широкому пути и в одном направлении (Якобсон А. Л. 1987: 217; Бретаницкий Л. С. 1988: 43), особенно в зоне мусульманского влияния. Едва ли стоит приводить примеры полихромии в сооружениях Средней Азии, Ирана, Афганистана, Азербайджана, Туркменистана, они общеизвестны. Не стало исключением и зодчество Поволжья: Золотой Орды и Булгарии, как уже говорилось, в некоторой степени родственных друг другу.

**КАЗАНСКОЕ
ХАНСТВО**
(1438—1552 гг.)

Мечети — неперемнная принадлежность исламского города. Их количество всегда бывает значительным и в какой-то степени зримо расшифровывает для наблюдателя градостроительную и демографическую ситуацию (рис. 1-22). «Разнообразием городских ситуаций, — пишет Ш. Аскар-ов, — зодчие всегда создавали пространство негласных команд для поведения горожан» (Аскар-ов Ш. Д. 1988: 152), и одним из важных компонентов для такой организованности городской среды служили мечети. Ложась на природный ландшафт, минареты и здания мечетей как бы материализуют реально существующий «сакральный каркас» города, зримо выделяя собою его как более важные, узловые точки, периферию и направления развития. Минарет всегда обозначал общественный центр, ранг которого отчётливо читался в его высоте и формах (рис. 1-24). Динамичные силуэты этих монументальных зданий выделялись как своими размерами, так и необычностью художественного образа на фоне рядовой мелкомасштабной застройки.

В наибольшей степени сказанное справедливо для группы монументальных джами Кермана, обративших на себя особое внимание современников. О том, какую роль в силуэте казанской крепости играли эти величественные сооружения, красноречиво свидетельствуют и средневековые изображения татарской столицы (рис. 1-24). В других частях города здание джами, несомненно, также было ведущим композиционным акцентом и обозначало зону общественно-религиозного или торгового центра.

Иную роль играли более утилитарные по своему предназначению махалля мечете, размещавшиеся среди разреженной усадебной застройки урамов (кварталов) и окружавших крепость слобод. Плотность застройки Казани и, соответственно, число мечетей на единицу

городской территории пока никем не изучались, но можно для ориентировки привести данные по другим регионам. Например, согласно закономерностям, общим для среднеазиатских и ближневосточных городов, выявленным Ш. Аскарковым, центры общения (обычно, квартальные мечети) размещаются на радиальных улицах в пределах 300—500 м и от общегородского центра в 900—1200 м. Внутриквартальные центры в большинстве своём размещались между радиальными улицами в 700 м от общегородского центра (Аскарков Ш. Д. 1988: 141). Служа центрами религиозного и культурного общения структурной городской ячейки махалли, эти здания являлись центрами по существу, но не обязательно по форме, и не всегда претендовали на роль её композиционного ядра.

Утилитарная функция культового центра не затмевала, однако, не менее значительной его градостроительной роли

Рис. 1-20.
Казань XVI века.
Художник
Р. Загидуллин.
Многобашенная
мечеть.

как ведущего композиционного центра махаллы: мечети занимали важное место в панораме татарской столицы. Все эти качества подчёркивались к тому же незаурядными ландшафтными достоинствами средневековой Казани.

ТИПОЛОГИЯ КАЗАНСКИХ МЕЧЕТЕЙ

Типологически мечети Поволжья подразделялись на:

1. Открытые (мусалла).
2. Полузакрытые (дворовые).
3. Закрытые.

Внутри этих типов можно было различить ряд разновидностей (см. таблицу 1-28) [9].

Комментируя приведённые в таблице данные, можно отметить следующее.

Открытый тип мечети (мусалла). В Казани такие мечети пока не обнаружены и обнаружить их следы весьма

Рис. 1-21.
Казань XVI века.
Художник
Р. Загидуллин.
Купольная мечеть.

Рис. 1-22. Турция. Мечеть — композиционное ядро городской инфраструктуры.

сложно, поскольку это — открытая мечеть-площадка. Однако в Булгарии, как и в любом исламском государстве того времени, они, несомненно, должны были существовать [10] (рис. 1-27, 1-28а, 1-37а). Именно к этой мечети я бы отнёс сообщение о строительстве «глиняной» мечети на высоком берегу озера Кабан в XIV веке переселенцами из Булгара, о котором нам известно из исторической книги «Таварихи Булгария» Мухаммед-Зарифа, сына Хусейна (в кн.: Знаменитые люди о Казанском крае. 1987:140). Вполне вероятно, что «глиняным» ядром этой мечети был монументальный михраб в её южной части (подробнее об этом см. ниже).

Полузакрытые (дворовые) мечети зафиксированы в Волго-Камье в деревянной [11] и дерево-каменной [12] разновидностях (рис. 1-8, 1-11, 1-28б). В чистом виде дворовая мечеть в Поволжье, вероятно, была мало распространена в силу сложности её эксплуатации в условиях местного климата, однако всё же не стоит исключать совсем бытования такой схемы в архитектуре наиболее представительных, не связанных с постоянной эксплуатацией зданий аль-джами аль-кабир.

Закрытые мечети представляли собой здания с моленной площадью, полностью изолированной от внешней среды (рис. 1-28в). Планировочными разновидностями этого типа были:

- а) колонные (столпные),
- б) купольные,
- в) зальные мечети.

Колонные (столпные) мечети известны по памятникам Центральной Булгарии X—XIV столетий [13]

[рис. 1-28 (3, 4, 5, 6)]. Это были прямоугольные в плане и иногда весьма значительных размеров здания. Их главные входы, располагавшиеся на северном фасаде, выделялись порталами. Многоколонные залы перекрывались плоскими потолками на протяжённых аркадах либо имели дополнительные сводчатые или купольные перекрытия. Они могли освещаться также и за счёт базиликальной конструкции крыши либо через световые фонари.

Колонные махалля мечете (например те, что сохранились до XVIII века в Татарской слободе) были деревянными одно- или двухэтажными зданиями под двускатной крышей, имели антресольную планировку при относительно небольших размерах, надкровельный минарет. В объёмно-композиционном отношении здесь можно различить две разновидности:

1. С минаретом над входом. Такие мечети зафиксированы на средневековых изображениях Казани [14] и, судя по некоторым из них, имели базиликальную планировку (рис. 1-32). Минарет оканчивался остроконечным шатром или куполом с далеко выступавшими свесами карниза (либо имел внешнюю галерею).

2. С минаретом на крыше. Минарет цилиндрической или многогранной формы увенчивал центральную часть крыши. Такие мечети неоднократно встречаются на средневековых миниатюрах [15] (рис. 1-34). Происхождение этого типа мечети, вероятнее всего, местное, основывающееся на строительных традициях домонгольского, может быть, и добулгарского зодчества Волго-Камья. Во всяком случае, конструктивная основа здания явно базируется на традициях местного жилища [16], а в её основе лежит сруб с двускатной крышей и башней-минаретом.

Рис. 1-23.
Кокандское
ханство, г. Хива
(совр. Узбекистан).
Силуэт на закате.
Современное фото.

Рис. 1-24.
Вид Казани.
Фрагмент
географической
карты Хуана де
ла Коза (1500 г.).

Колонные джами могли иметь две композиционные разновидности: простую и многобашенную.

1. Простая (одноминаретная) композиция была идентична описанной выше.

2. Многобашенные (аль-кабир) могли существовать как развитие одноминаретной композиции [17] (рис. 1-36).

Могли быть и другие варианты: купольная джами османского типа с различными надстройками и башенками, дворовая мечеть среднеазиатского типа с фланкирующими минаретами, поволжская Кабир с угловыми башнями и др. (рис. 1-37 в).

Купольные мечети возводились из камня или кирпича и по характеру планировочной структуры подразделялись на центрально-купольные, купольно-осевые и многокупольные.

— *Центрально-купольные* (мечеть Нур-Али в Казани) основной своей планировки имели купол с окружающими его вспомогательными помещениями, не нарушавшими общей центричности композиции (рис. 1-37 г). Это были каменные прямоугольные в плане здания с купольным перекрытием молельного зала, с примыкавшим или отдельно стоящим минаретом, с двумя или несколькими минаретами. Этот тип здания впервые зафиксирован в Волго-Камье лишь с XV века, хотя постройки подобной композиции на городище Булгар известны ещё с XIII—XIV вв. В болгарском зодчестве пока отмечена лишь портално-купольная разновидность этого типа здания.

— *Купольно-осевые* мечети в основе своей планировки имели продольную композиционную ось, ориентированную на кыблу. Вдоль неё размещались как купольные, так и зальные (сводчатые и плоскоперекрытые) помещения (рис. 1-37).

— *Многокупольные* мечети планировочно строились на сочетании нескольких равнозначных купольных помещений. Этот тип мечети мог появиться здесь как результат прямого воздействия османской школы зодчества, предположительно обладая объёмно-планировочными качествами, сходными с качествами многокупольных турецких джами того времени.

Зальные мечети имели две разновидности: мобильную и стационарную.

1. Мобильная мечеть. Кочевые и полукочевые племена использовали мобильную мечеть-юрту, приспособленную для исполнения мусульманского религиозного обряда. Мечети-кибитки астраханских татар, зарисованные в XVII веке Николасом Витсенем, имели вид плоского цилиндра с длинным, скошенным в сторону (вероятно, кыблы) шестом с полумесяцем, выходящим из крыши (Witsen N. 1692: 700 a) (рис. 1-38). Мечети кочевых башкир, судя по описаниям XVIII века, выглядели «просто

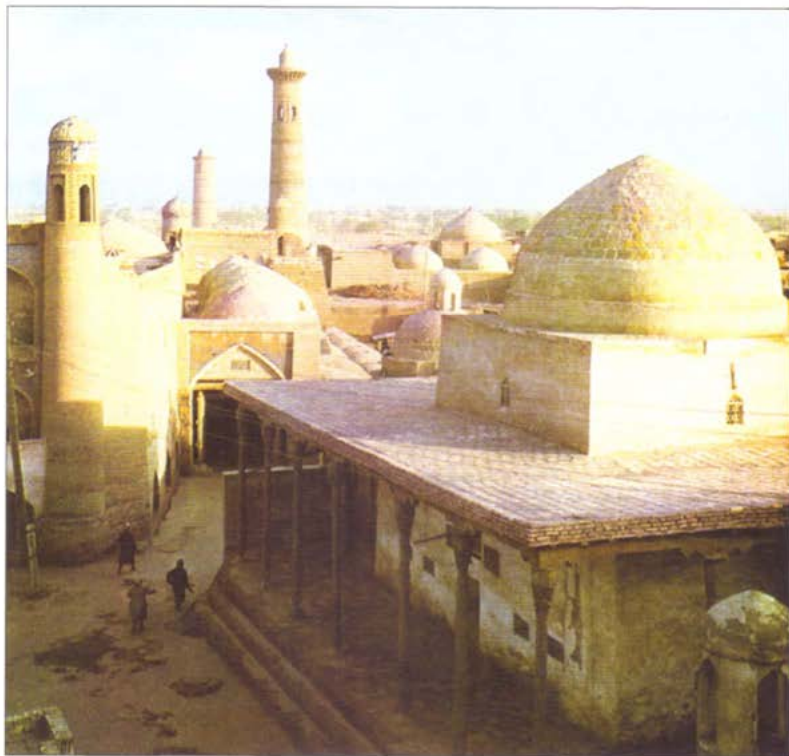

Рис. 1-25.
Кокандское
ханство, г. Хива
(совр. Узбекистан).
Мечети —
ориентир в
городской среде.
Современное фото.

Рис. 1-26.
В мечети
Кул Шарифа.
Художник
Н. Хазиахметов.

как их юрты без минаретов и шицев. По входе в оную мечеть к полдню на правой стороне значится поставленное возвышение, зделанное четырехуголно, вышиною до одного фута... на оное... становится мулла во время службы» (Богословский П. С. 1929). В устном народном творчестве сохранились сведения о конструкции юрты без окон, с отверстием в куполе, не пропускавшей ни дождя, ни ветра, с каркасом из 32—40 жердей-решёток (Исанбет Н. 1970. Цит. по: Фахрутдинов Р. Г. 1984: 75). Анализ летописных миниатюр XVI века, произведённый А. Арциховским (Арциховский А. В. 1944: 69), позволил установить два типа мобильного жилища: конического шатра, использовавшегося как татарами, так и русскими, и «вежи», характерных для татар и половцев. Шатры были «широкими, цилиндрическими с коническим верхом, яркие, разноцветные. Держится такой шатер на толстом столбе посередине». Вежи были с «узкими, плетеными, с закругленными верхами сооружениями». Подобные структуры известны в болгарском зодчестве: их археологические остатки зафиксированы на Билярском и Булгарском городищах и датированы X веком. Опираясь на эти данные, можно приблизительно представить себе и внешний вид мобильной мечети того времени (рис. 1-38, 1-39).

2. Стационарная зальная мечеть. Следует отметить, что в исламском мире распространены универсальные композиции, употреблявшиеся в самых разнообразных функциях. В частности, центрально-купольный объём при совершенно

№	Планировочный тип	Функциональный тип	Композиционный тип	Разновидность
1.	Открытые	Мусалла	Огороженная площадь	1. С михрабом, с мимбаром, без минарета 2. С михрабом, с мимбаром, с минаретом
2.	Полузакрытые	Аль-кабир, аль-джами		
3.	Закрытые			
	1. Колонные	1. Аль-джами, аль-масджид 2. Аль-джами, аль-кабир	1. С одним минаретом 2. Многобашенные	1. Минарет в центре крыши 2. Минарет над входом
	2. Купольные	1. Аль-джами, аль-масджид 2. Аль-джами, аль-масджид 3. Аль-джами	1. Центрально-купольные 2. Купольно-осевые 3. Многокупольные	1. 1-2 минарета 2. 1-2 минарета
	3. Зальные	1. Аль-масджид, поминальные		1. Мобильная (без минарета) 2. Стационарная (с минаретом)

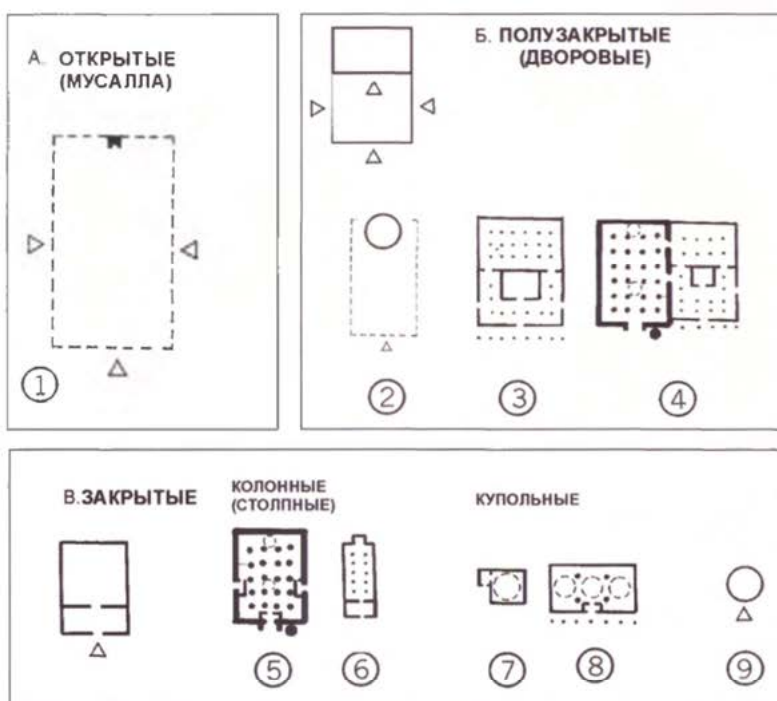
Рис. 1-27.

Типология средневековых мечетей Поволжья.

Рис. 1-28.

Планировочные типы средневековых татарских мечетей:

- 1) г. Булгар, мусалла (комплекс Кече Манара);
 - 2) мечеть-юрта с двором-мольней (гипотеза);
 - 3) г. Биляр, аль-Кабир (XI—XIII вв.);
 - 4) г. Биляр, аль-Кабир (XIII в.);
 - 5) г. Булгар, аль-Кабир (XIII в.);
 - 6) г. Казань, мечеть в Кураише (XV—XVIII вв.);
 - 7) г. Казань, мечеть Нур-Али (XIII—XVI вв.);
 - 8) г. Казань, Хан-джами (XIII—XVI вв.);
 - 9) мечеть-юрта.
- Рис. автора.

идентичных параметрах мог быть использован под мавзолеем, мечеть, торговое помещение или что-либо ещё. Например, в средневековом Азербайджане «по типу к мечетям примыкают купольные гробницы. Повторяя во многом планировку и архитектурное решение мечетей, гробницы отличаются от них в основном отсутствием михраба. Некоторые из них являются переделкой мавзолеев центрально-купольного типа.» (Саламзаде А. В. 1964: 13). Видимо, характерным образцом такого здания были типы мечетей литовских татар, занесённые воинами хана

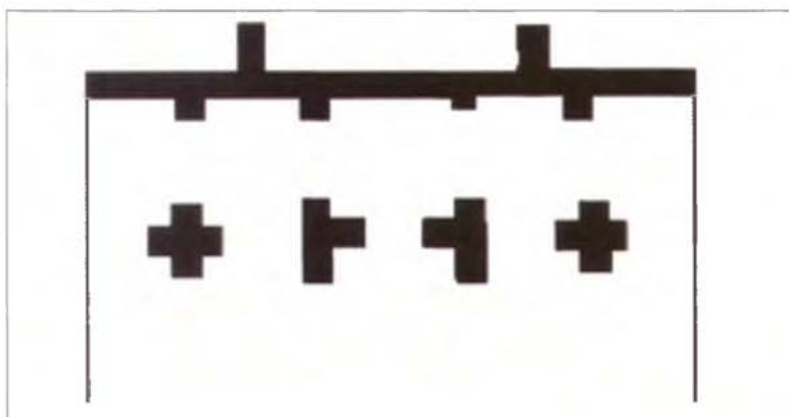

Рис. 1-29.
Мусалла в г. Бухаре.
Фото михраба,
план.

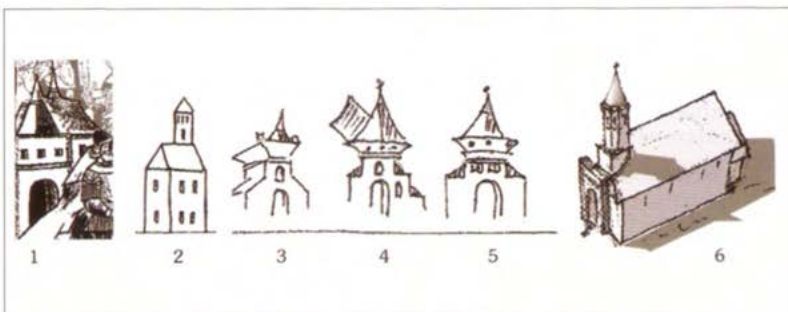
Рис. 1-30.
Мечети с минаре-
том в углу здания
на средневековых
рисунках.

Рис. 1-31.
Мечеть с отдель-
но стоящим
минаретом на
средневековых
рисунках (ЛЛС).

Рис. 1-32.
Мечети с минаре-
том над входом.
*Реконструкция
автора.*
1. ЛЛС.
2. На «копии
подинного
1552 года чертежа
осады Казани».
3. ЛЛС, л. 532 об.
4. ЛЛС, л. 875.
5. ЛЛС, л. 875 об.
6. Реконструкция.

Токтамыш из Золотой Орды во владения великого князя Витовта в XIV веке. Это были деревянные квадратные в плане здания с шатровой крышей, увенчанной низкой башней-бельведером, в основании которой размещалась площадка-шерефе [18] (рис. 1-39).

К этому можно было бы добавить, что «иногда поминальные мечети строились рядом с мавзолеем, зачастую без архитектурной увязки с ним» (Саламзаде А. В. 1964: 13). Аналогично могли решаться и культовые комплексы в Казани, о чём свидетельствует акварель Корнеева, запечатлевшая именно такой сюжет (см.: Гончарова Н. Н. 1987: Рис. 78) (рис. 1-42).

Население Казани в XVI веке оценивается исследователями в 40 тыс. человек. Несложный расчёт (1 махалля мечете на 100—150 чел.) даёт цифру в 300—400 махалля (приходов). Учитывая, что в городе существовали кварталы немусульманского населения (армяне, русские, черемисы и др.), условно уменьшим число махалля мечете до 200—250 — тоже немалая цифра.

Махалли могли формироваться по территориальному признаку (ограниченность естественными складками рельефа, водными и иными преградами), по профессиональному (воинские, ремесленные и т. д.), земляческому (переселенческие, инонациональные и др.) признакам и т. д.

Джами (если считать 1 джами на 10—15 махалля мечете) могло быть около 15—20; вероятно, их можно привязать к естественно сложившимся территориям (низинной, верхней, заречной и т. д.). Рассуждая таким образом, можно предполагать джами внутри Кермана и за его пределами на горе, в прибулачной части города — под Керманом и в Забулачье за городской стеной, в ауле Кураиш. Аналогично, на Арской стороне можно предполагать 1—2 джами в городе и 1—2 за его пределами (рис. 1-7).

В основном торговые центры городов также имели свои мечети — **базарные**. Таких могло быть как минимум две: на городской ярмарке Ташаяк в устье оврага Тазик и на «торговище» за Арскими воротами.

Городская **аль-Кабир**, как правило, располагалась за пределами цитадели, но внутри городской стены. Будучи самым высоким сооружением города, минарет аль-Кабир должен был служить дозорной башней, и в то же время не представлять опасности для цитадели в случае захвата его врагом. Вероятно, так было и в Казани. Портовая прибулачная часть города едва ли годилась для аль-Кабир — украшения города. Это была сырая, подверженная наводнениям и несколько суматошная из-за близости ярмарки Ташаяк с её неизбежными складами, стойлами для скота, грязью, купеческими караван-сараями и т. п. территория. Здесь же, недалеко от проточной воды, вероятно, располагались и ремесленные кварталы. Наиболее благоприятной для проживания и более заселённой была Арская

Рис. 1-33.
Казань XVI века.
Художник
Р. Загидуллин.
Мечети с мина-
ретом над входом.

сторона, где размещались усадьбы более благополучных горожан. С точки зрения же градостроительной задание аль-Кабир требовалось разместить в таком месте, где она наилучшим образом бы читалась на панораме города [19]. В сущности, таких мест внутри городской стены было только два: у Царских ворот Кермана, где впоследствии разместился Гостиный двор, и Николо-Гостинодворская церковь и территория «Старого Городища» (позднее — Казанского Богородицкого монастыря). Рисунок из книги А. Олеария не запечатлел это яркое сооружение, что вряд ли бы случилось, если бы оно находилось на западной панораме вблизи Кермана. Поэтому наиболее вероятен второй вариант — высокий берег Казанки на «Старом Городище».

Местоположение мусалла пока неопределённо. Учитывая, что это должна была быть ровная сухая площадка за городом, способная вместить всё население города в ежегодный праздник Курбан-байрам, можно предположить её за пределами городской стены в Арском направлении либо южнее, в районе «Кабанского городища» (Архиерейской дачи). Как уже говорилось выше, именно там, по сведениям Хисамуддина аль-Булгари, существовала «глиняная» мечеть, основанная переселенцами из Булгара.

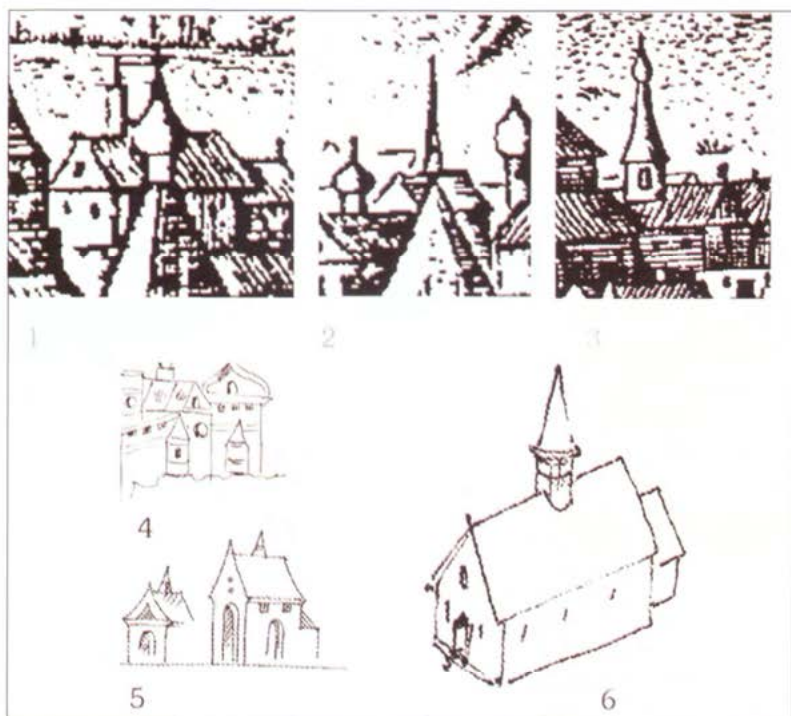

Рис. 1-34.
Мечети с минаретом на крыше в средневековых изображениях. 1-3) с рисунка Казани 1-й пол. XVI в. из книги А. Олеария; 4) иллюстрация из Казанского летописца; 5) по иллюстрациям ЛАС; 6) реконструкция автора.

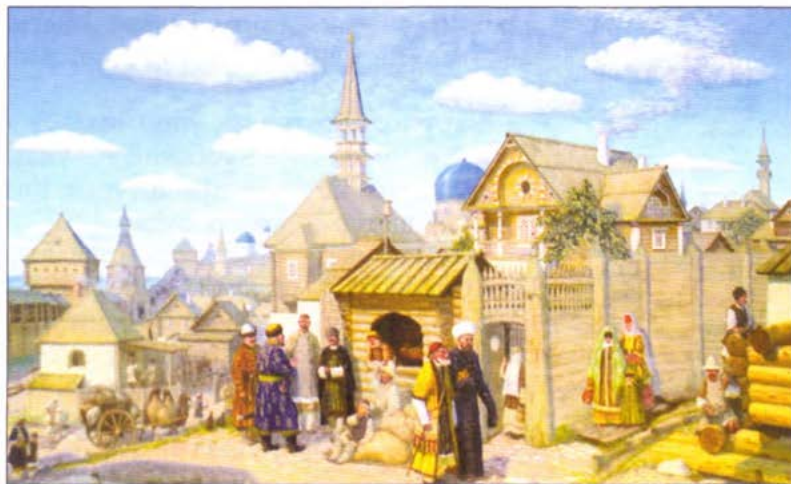

Рис. 1-35.
Казань XVI в.
Художник
Р. Заидуллин.
Мечети с мина-
ретом на крыше.

Упоминают о посадских мечетях и другие источники (Татищев В. Н. 1966: 28). Зная о том, что мечети часто сопровождалась некрополями, можно предположить их местоположение, в частности, в районе находок древних татарских надгробий: в юго-восточной части Гостиного двора (Худяков М. Г. 1923: 267), в юго-восточном углу Кремля (Калинин Н. Ф. Архив ИИ АНТ, ф. 8, оп. 1, д. 296) и др.

Обратим внимание на следующую фразу из КЛ: «...град же Казань взял, и кумиры сокрушил, и вте место церкви воздвигнул... (выделено мною — Н. Х.), первый храм среди града Благовещение» (История о Казанском царстве... 1791: 247). Слово «кумиры» здесь можно понимать и как мечети, и как гробницы. Если принять второй вариант, то получается, что на месте (или, что вероятнее, рядом) Благовещенского собора стояла чья-то усыпальница (или мечеть). Надо ли понимать «вте место» как на «этом месте», как на месте «разрушенных кумиров», или просто — «там же»? Сказать определённо трудно. Может быть, именно поэтому А. Халиков, и (впрочем, без какой-либо аргументации) указал, что именно здесь «находились царские мавзолеи» [1]. В другом месте КЛ этот факт изложен уже иначе: «...мечети поганья раскопати и святые церкви воздвигати на месте их» (ПСРЛ, т. XIX. — Ст. 169; Казанская история. — С. 161).

А. Курбский в своих мемуарах упоминал о высоких каменных мечетях в районе Ханского двора (возможно, пяти: в тексте об этом сказано неопределённо). О них же, не называя их числа, пишет и КЛ. Стало быть, кроме уже рассмотренных выше мечетей Нур-Али и Ханской, а также общеизвестной мечети Кул Шарифа, здесь могли

находиться еще минимум две «высоких мурованных» мечети (не считая, разумеется, «не высоких» и «не мурованных»).

В других источниках упоминались «на Царевом лугу... Отучева мизгитъ» (Курбский А., указ. соч.: 56) у истока Булака, возле которой при штурме Казани расположился царский шатёр и мечеть Бухар [20].

Что же могли из себя представлять эти здания?

Архитектура **махалля мечете** всегда непритязательна и малоакцентирована: прихожане прекрасно знают, где она находится и не нуждаются в высотных ориентирах. Более того: высокий минарет махалля мечете создаёт соблазн заглянуть туда, куда заглядывать не полагается: во двор мусульманского жилища. Высота для минарета и не требуется: азан прекрасно слышен в пределах махалли и

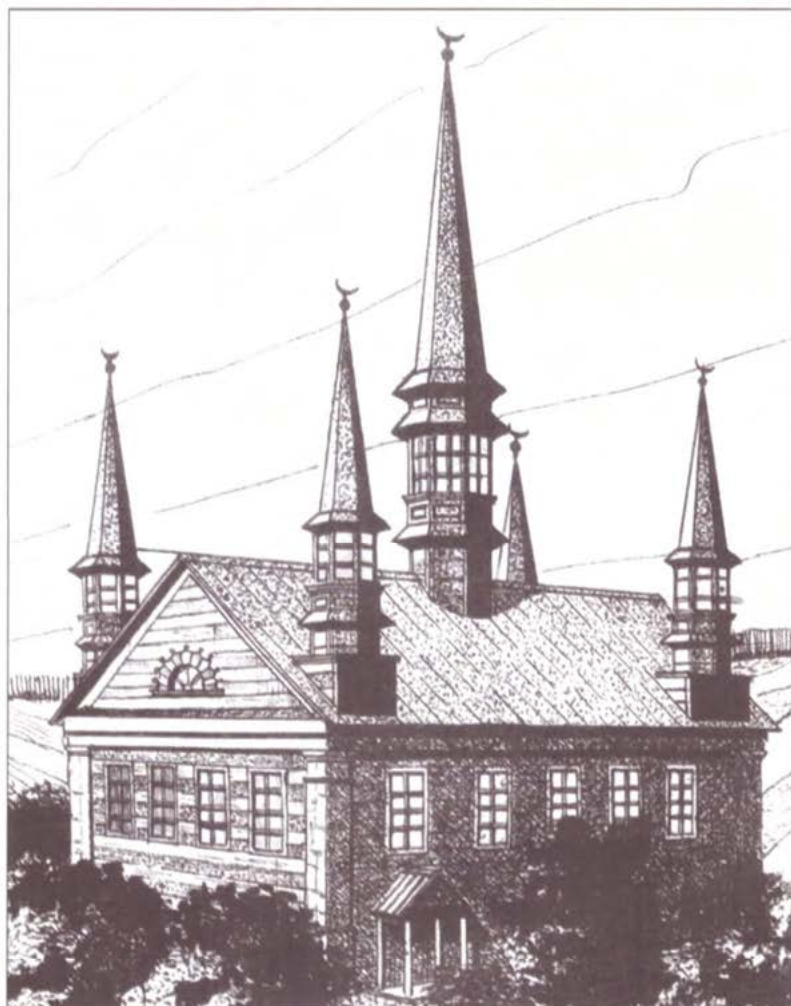

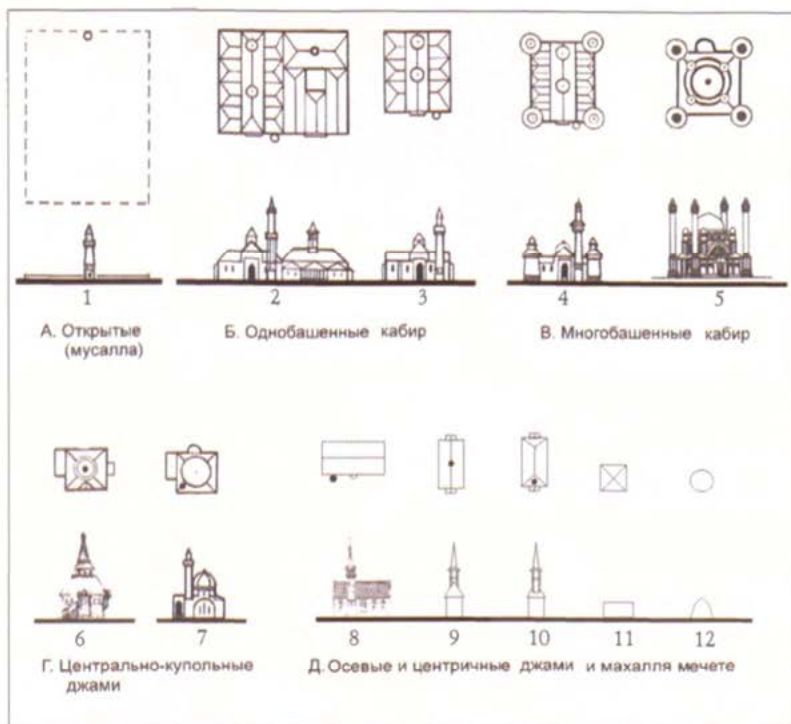
Рис. 1-36.
Главная
Казанская мечеть.
Реконструкция
Ф. Валеева.

Рис. 1-37.

Объемно-композиционные типы средневековых татарских мечетей:

- 1) г. Булгар, мусалла (комплекс Кече Манара);
- 2) г. Биляр, аль-Кабир (XI—XIII вв.);
- 3) г. Булгар, аль-Кабир (XIII в.);
- 4) г. Булгар, аль-Кабир (XIV в.);
- 5) г. Казань, аль-Кабир (XVI в.);
- 6) г. Казань, аль-джами (XIV—XV вв.);
- 7) г. Казань, аль-джами (XIII—XVI вв.);
- 8) г. Казань, аль-масджид (XIII—XVI вв.);
- 9) аль-масджид (XIII—XVI вв.);
- 10) аль-масджид (XIII—XV вв.);
- 11, 12) мечеть-юрта, VIII—XVIII вв.

Рис. автора.

с низкой башни. По этой причине часто махалля мечете во многих странах обладали весьма скромным внешним видом и размерами. Как уже говорилось, характерным образцом такого здания были мечети литовских татар [21] (рис. 1-39).

Вариантом этого же здания можно считать и распространенную в наших краях тип мечети с минаретом на крыше (или вообще без минарета) (рис. 1-43, 1-45).

Как показывает практика мирового культового строительства, махалля мечете наиболее приближена к архитектуре местного жилья, свидетельством чему является большинство и наших сельских мечетей этого типа. Мечети такого вида встречаются на средневековых изображениях Казани [22] повсеместно (рис. 1-34).

Архитектура джами бывает более монументализирована по отношению к махалля мечете и призвана собою внушать праздничное настроение прихожанину, соответствующее пятничному богослужению. Эти здания, несмотря на относительно небольшие размеры, имеют повышенные пропорции, высокие минареты, яркий художественный образ. Вероятно, деревянные и каменные джами обладали разной архитектурой и опирались на разные строительные традиции, и, возможно, разные культурные истоки.

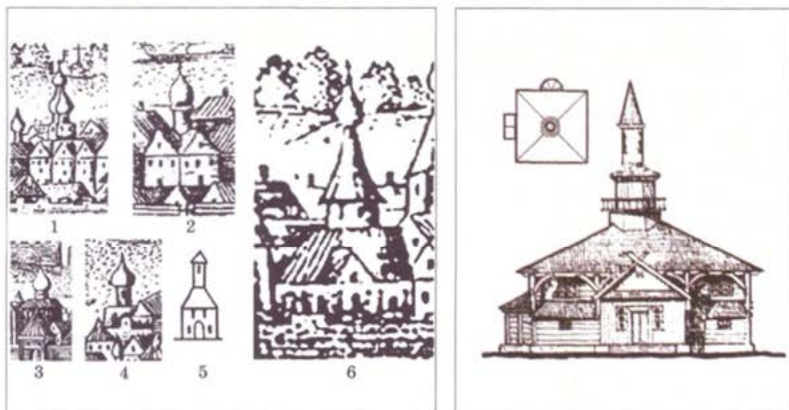
Рис. 1-38.
Монгольский
царевич
изучает Коран.
Средневековая
восточная
миниатюра.

Рис. 1-39.
Интерьер мечети-
юрты.
Реконструкция
автора.

Рис. 1-40.

Центричные мечети на средневековых рисунках. 1—4, 6 — с рисунка Казани 1-й пол. XVI в. из книги А. Олеария; 5 — на «Копии с подлинного 1552 года чертежа осады Казани».

Рис. 1-41.

Аналог: Беларусь, Гродненская обл., с. Ивье. Мечеть литовских татар.

Опираясь на летописные и другие средневековые изображения, можно реконструировать как минимум четыре вида джами:

1. С минаретом над входом (рис. 1-32).
2. Купольные, с минаретом в углу здания (мечеть Нур-Али) (рис. 1-30, 1-33).
3. С отдельно стоящим минаретом (Хан-джами).
4. Центричная, с минаретом в центре скатной (шатровой или многоскатной) крыши (рис. 1-40, 1-41).

Таковы, кажется, запечатлённые на рисунке Казани 1-й пол. XVI века из книги Адама Олеария, в том числе и мечеть в Кермане (на её месте впоследствии появилась церковь Киприяна и Устиньи) (см.: Халит Н. 1999: 187, 188) и булакской части города у ворот Кураиш и Аталык, а также монументальная мечеть в центре Кермана (на её месте впоследствии появилась Троицкая церковь, а сегодня находится мечеть Кул Шарифа).

Архитектура аль-Кабир всегда была уникальна. Кабир представляла лицо города, являлась как бы его «визитной

Рис. 1-42.

Средневековая мечеть в Казани, (начало XIX века). Рисунок Е. Корнеева.

Рис. 1-43.
Молельный дом
«Булгар» в Казани.
Фото автора,
1992 г.

Рис. 1-44.
Мечеть
в дер. Чишма
Казанской губ.
Фото начала XX в.

карточкой», была видна отовсюду. «К минарету — башне соборной мечети, — пишет Л. Ремпель, — как к светящемуся в ночи маяку, были прикованы взоры путника, приближавшегося к городу... Каждый пришелец, прежде чем пользоваться привилегиями горожан, должен был прийти в соборную мечеть и тем как бы подтвердить своё безусловное подчинение всем установлениям местной духовной и светской власти. Видимо, не случайно название башни (маноре по-арабски: маяк); её архитектурная форма, очень своеобразная в ряду других высотных сооружений города, стала общераспространённым в странах символом веры мусульман (Thirch. Pharos. Antike. 1909; Массон М. Е. 1933; Воронин Л. Н. 1937: 71 и сл.). Минарет стал ориентиром, вехой, указывающей в лабиринте улиц место сбора прихожан всех кварталов города» (Ремпель Л. И. 1978: 48).

Возможно, именно аль-Кабир города Казани и послужила тем образцом, что вдохновил зодчих Постника и Барму на создание необычайного образа памятника в честь победы над Казанским государством — храма Василия Блаженного в Москве.

АРХИТЕКТУР- НЫЕ ОСОБЕН- НОСТИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ МЕЧЕТЕЙ

Аль-масджид с минаретом на крыше

Мечети такой композиции имели самое широкое распространение в XVIII—XX вв., прослеживаются они и в XVI столетии. Строительный материал (дерево) определил конструктивное решение этого типа мечети: сруб с балочным перекрытием и скатной крышей.

Разнообразные источники указывают на средневековое происхождение мечети с минаретом на крыше и форм её башни. В частности, сохранились сведения о средневековой деревянной мечети Казани такого типа в пригородной Татарской слободе; здание существовало вплоть до его разрушения по указу Анны Иоанновны в 1743 г. [23] Из описания видно, что оно ничем не отличалось от обычных деревянных мечетей с минаретами на крыше, широко распространённых во 2-й пол. XVIII — начале XX в. в Волго-Камье. Весьма возможно, что основные композиционные закономерности этого типа мечети канонизировались ещё во времена Казанского ханства и без существенных изменений воспроизводились затем в XVIII и XIX вв. в памятниках народного зодчества.

Мечети с минаретом на крыше, как каменные, так и деревянные, были совершенно однотипны и представляли

собой прямоугольное в плане одно- или двухэтажное здание с двускатной крышей, ориентированное с севера на юг. С южного торца примыкал прямоугольный в плане объём михраба. Крышу прорезал восьмигранный или иногда цилиндрический минарет, завершавшийся высоким пирамидальным или коническим шатром. Минарет располагался в большинстве случаев над геометрическим центром здания (иногда у северного торца) и представлял собой двух-трехъярусную башню, состоящую из стержня (с основанием или без), внутренней, обычно остеклённой, площадки азанче (иногда обнесённой внешней галереей) и шатра. Деревянные минареты всегда были восьмигранными, каменными, кроме того, могли иметь цилиндрическую форму или быть комбинированными. Каменный минарет конструктивно опирался на толстую поперечную стену, разделявшую мечеть обычно на ритуальную и вестибюльную зоны; деревянный крепился к стропилам и балкам перекрытия.

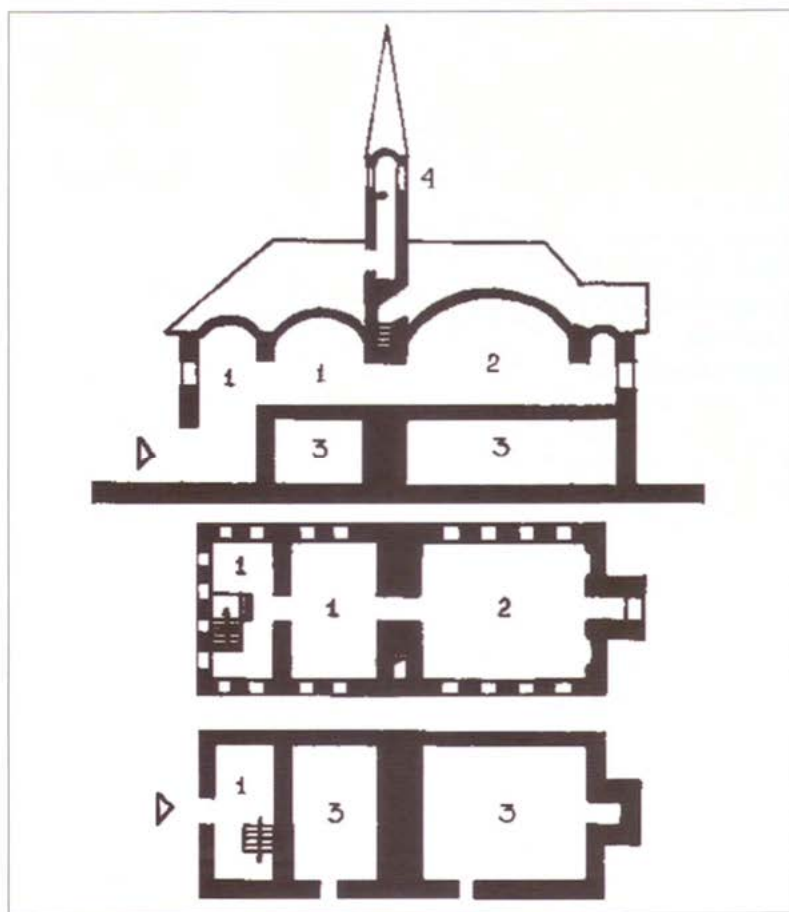

Рис. 1-45.
Функциональная
схема мечети
с минаретом
на крыше:
1 — вестибюльная
зона;
2 — ритуальная
зона;
3 — служебно-хо-
зяйственная зона;
4 — минарет.
Рис. автора.

Функциональная схема мечети с минаретом на крыше имела вполне чёткие закономерности (рис. 1-45). Если здание было двухэтажным, то на первом этаже располагалась служебно-хозяйственная зона, где наряду с необходимыми для мечети принадлежностями (инвентарь, библиотека, дровяные склады и др.) имелись негорючие кладовые для хранения товаров местных купцов в виде изолированных сводчатых помещений с отдельными выходами. Часто на первом этаже, кроме того, располагались медресе или мектебы махалли этой мечети. Северную часть здания занимала вестибюльная зона (сени, вестибюль, гардероб, администрация), занимавшая по площади около $1/5$ этажа. В южной половине здания размещалась ритуальная зона (молитвенные залы, михраб). Эти закономерности прослеживаются как на сохранившихся памятниках, так и в описаниях современников.

Особую функцию выполнял минарет, с верхней площадки которого провозглашался *азан* (призыв к молитве). Деревянный минарет, конструктивно связанный со зданием мечети, был устойчив к ветровой нагрузке в отличие от отдельно стоящего, так как по сравнению с каменной башней его вес невелик. Наилучшим решением в этом случае была постановка минарета прямо на крыше с использованием стропил в качестве дополнительных крепящих конструкций. В этом случае относительно небольшая высота башни компенсировалась высотой здания и крыш, и в то же время она хорошо противостояла ветровой нагрузке. Завершающий шатёр, защищая внутренность минарета от осадков, при максимуме высоты хорошо выполнял ту же самую задачу. Сечение стержня могло иметь любую форму, однако наибольшим приближением к каноническим формам при сохранении конструктивной простоты обладал восьмигранник [24]. Для большей монументальности здания его необходимо было ставить на высокий подклет (или второй этаж) и предельно увеличивать высоту крыши и завершающего шатра с полумесяцем.

Таким образом, надо полагать, и сложился постепенно оптимальный для условий средней полосы облик деревянной мечети с минаретом на крыше.

Минареты таких мечетей, судя по средневековым рисункам сохранившихся памятников XVIII—XIX вв., состояли из удлинённого одно-, двухъярусного стержня, закрытой площадки для провозглашения азана и высокого шатра с полумесяцем. Обращает на себя внимание некоторое композиционное сходство татарского деревянного минарета со средневековыми и более поздними турецкими,

Рис. 1-46.
Конструкции болгарских минаретов:
1 — каменный;
2 — комбинированный (каменно-деревянный);
3 — деревянный.
Рис. Н. Халита.

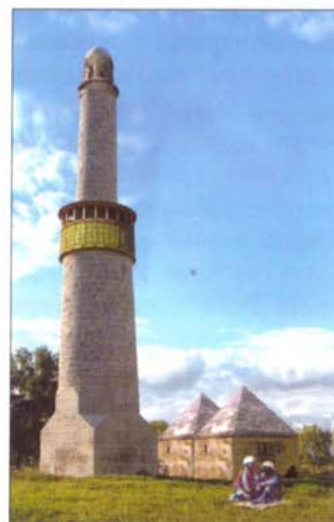
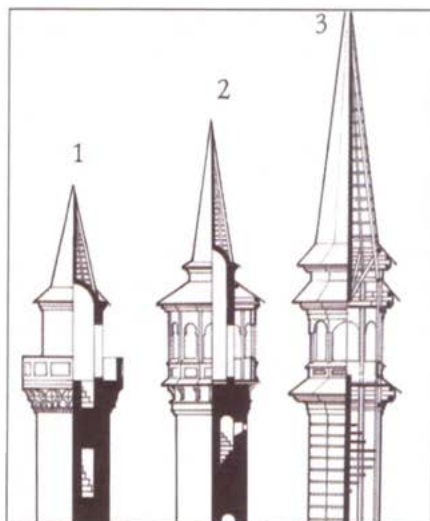

Рис. 1-47.
Кече Манара на
городище Булгар
(Булгария, XIV в.).
*Реконструкция
автора, 1972 г.*

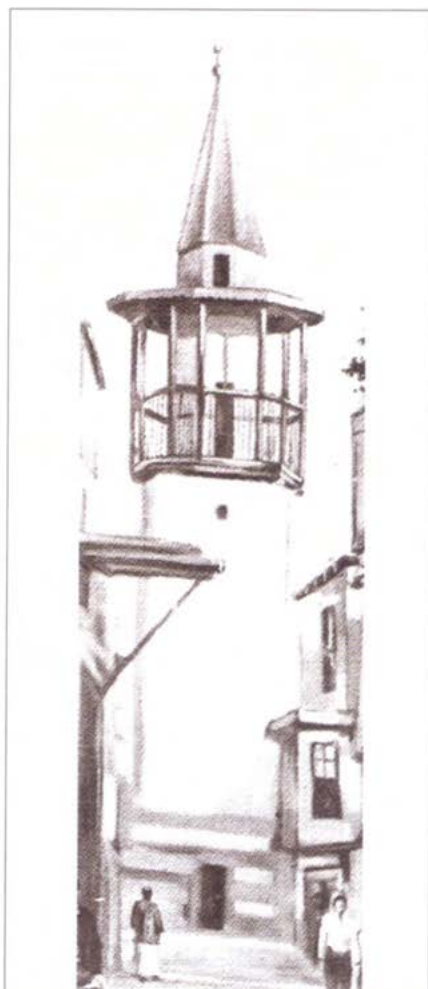
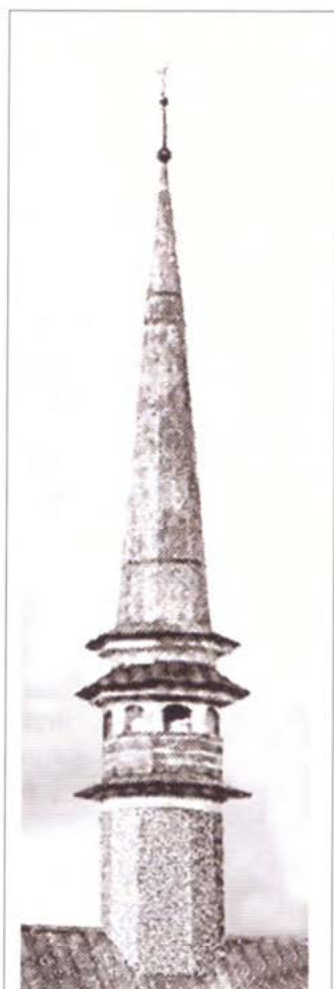

Рис. 1-48.
Сирия. Дамаск.
Один из город-
ских минаретов.
*Рис. Дж. Химмата,
1993 г.*

Рис. 1-49.
Минарет мече-
ти с. Уразбахты.
Мамадыш-
ский р-н РТ.
Фото нач. XX в.

среди которых можно найти достаточно близкие аналогии. Вполне возможно калькирование форм каменного арабского и «сельджукского» деревянного зодчества XI—XIV вв., в результате чего и мог появиться болгарский деревянный минарет, т. к. именно эта форма оказалась вполне подходящей для применённого строительного материала. Увеличение же высоты шатра могло произойти уже позже, когда в моду стал входить османский стиль с его вытянутыми вверх пропорциями.

Нельзя не отметить того факта, что минареты XVI века на миниатюрах Лицевого Летописного Свода, посвящённых осаде Казани, при всей своей условности сильно напоминают формами и даже пропорциями минареты XVIII и XIX вв. Это тоже высокие тонкие башни без внешней галереи, увенчанные высоким шатром. Так же как и у любого татарского минарета, стержень башни завершается выступающим карнизом, под которым расположены окошки галереи азанчи. Основание шатра резко расширяется книзу, образуя далеко выступающие свесы. Все эти детали отсутствуют, например, у турецких минаретов, внешне напоминающих татарские [25]. Любопытной особенностью такого минарета являются высокие профилированные карнизы под свесами, тщательно выполнявшиеся из дерева, хотя и без видимой конструктивной необходимости. Это явно реликтовые формы, законсервировавшие в себе более ранние традиции, вероятнее всего, каменной архитектуры (см.: Червонная С.М. 1987: 71).

Видимое отличие внешнего вида восьмигранного деревянного минарета от цилиндрического каменного не говорит о принадлежности их к различным архетипам. Каменные многогранные и цилиндрические минареты Переднего Востока и Малой Азии часто снабжались деревянной закрытой галереей над консольно выступавшей площадкой для азана. Таковы минареты мечетей Бенджадида (VIII—IX вв.), Амра и Акмара в Каире (Египет) и многие другие. Так же, хотя и в иной стилевой манере, решались минареты Ирана и Ирака (Масджид-и-Шах в Исфахане, мечеть Масума в Куме, мавзолей Хазрат Имам Роза в Мешхеде и др.) (рис. 1-50). В результате внешний вид такой башни приобретал зримые черты сходства с болгарским деревянным минаретом, где эти конструкции срослись в едином материале и составили неразъёмное целое. В сущности, в мечетях Хивы, Бухары, Самарканда, Синьцзяня, а также в Афганистане и Иране мы видим ту же схему, что и у татарской деревянной мечети, но только выполненную из кирпича. В каменных же минаретах эти деревянные крытые площадки давно исчезли, обнажив каменную скелет-

РАЗНОВИДНОСТИ КРЫТЫХ МИНАРЕТОВ

Рис. 1-50.
Минареты Переднего Востока с крытыми площадками:
1) Золотая Орда. Минарет мечети Татартуп в Эльхотово (совр. Сев. Осетия) (XIV в.).
2) Ирак, г. Кум. Комплекс Хазрат Масума (XIX в.).
3) Узбекистан. Хива. Минарет Сеид-Шеликербая (сер. XIX в.).
4) Индия, г. Агра (XVII в.).
5) Марокко, г. Фес. Минарет.
6) Самарканд. Минарет мечети Ходжа Хызр.
7) Иран. Минарет Масджид-и-Шах в Исфахане.

ную конструкцию, ассоциирующуюся с привычным для нас образом болгарского минарета (подробнее об этом см.: Халит Н. Загадки болгарских минаретов. 1995: 65—74). Именно канонизированными реликтовыми формами такой конструкции легко объясняется неизменный двухъярусный карниз над площадкой азанчи, который можно видеть на любом татарском минарете (но отнюдь не на турецких, внешне близко напоминавших болгарские). Изначально он складывался из карниза над деревянной площадкой азанчи и карниза меньшего по диаметру внутрен-

него стержня, несколько возвышавшегося над деревянной галереей (рис. 1-46).

Существуют и другие гипотезы о возникновении этих форм (см.: Приложение 1).

Центрально-купольные мечети с примыкающим минаретом нам хорошо известны по памятникам Переднего Востока XIII—XIV вв., однако о существовании их в архитектуре Казани пока достоверных данных нет, если не брать во внимание изображение на миниатюре из Лицевого Летописного Свода (Шумиловская рукопись, л. 880 об.), на которой, обладая некоторым воображением, можно разглядеть высокое здание с двускатной крышей, к углу которого примыкает цилиндрическая башня с внешней галереей, увенчанная куполом. С противоположного торца постройки проглядывается пристрой михраба, над крышей возвышается остроконечная надстройка. Всё это вполне соответствует представлениям о вероятных формах мечети такого типа. Не исключено, что подобные же мечети изображены и на л. 872 об., и л. 882 Летописного Свода, причём на л. 882 здание, похоже, увенчано куполом (рис. 1-31).

Такую композицию имела каменная мечеть Нур-Али, которая стояла рядом с проездными северо-западными воротами Нур-Али [26].

Минареты этого типа мечети представляли собой, если судить по сохранившимся в Булгаре и Касимове остаткам [27], а также средневековым рисункам Казани, цилиндрическую башню, иногда на квадратном в плане основании с восьмигранным промежуточным ярусом, завершённую меньшим по диаметру цилиндрическим ярусом с выходом на внешнюю галерею. Минарет увенчивался крутым коническим шатром с шаром, или, возможно, луковичной маковкой. В родственных архитектурных школах этот тип минарета устойчиво сохранялся в течение X—XVI вв.

Многобашенные мечети. Многобашенная мечеть в архитектуре мусульманского Востока — явление обычное. Например, мечеть Кааба в Мекке имеет 7 минаретов, у многих турецких мечетей — по 4 и 5 минаретов, у индо-мусульманских — по 9—11 минаретов. Есть прецедент и на нашей земле: Джамии города Булгар, снабжённая, кроме высокого минарета при входе, четырьмя угловыми башнями. Завершённые высокими шатрами, эти башни вполне могли иметь вид минаретов, если, конечно, сами не служили основаниями для минаретов. В деревянном зодчестве пятиглавая композиция трактовалась иначе. Опубликованный Ф. Х. Валеевым «*рисунок-рекон-*

струкция Казанской главной мечети», сделанный на основе татарского памаиля 2-й пол. XIX в., демонстрирует развитие композиции «минарет на крыше» ещё четырьмя шатрами над углами здания (рис. 1-36). По утверждению автора, такие мечети существовали ещё в конце XIX в. в деревнях Атна и Сулабаш Арской волости Казанской губернии (см.: Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987: Рис. 53, с. 163, п. 53, с. 133).

Имеющихся сведений об архитектуре Казанского ханства и, в частности, о мечетях Казани пока явно недостаточно, чтобы составить полное представление обо всех особенностях новобулгарской столичной архитектурной школы. Тем не менее, опираясь даже на весьма скудную информацию об этих давно исчезнувших с лица земли зданиях, хочется высказать ряд суждений о возможных стилевых и образно-художественных качествах монументальных сооружений булгарской столицы.

ОБРАЗНО- ХУДОЖЕ- СТВЕННЫЕ СРЕДСТВА

Композиционная основа, заложенная в архитектуру мечети, предполагала, как правило, главенство принципа асимметрии и вытянутости пропорций, обогащённость силуэта и живописность масс при сохранении простоты и геометрической чёткости, функциональной логичности планировки.

Средствами крупной пластики, активно формировавшими и силуэты каменных зданий, служили внешние абрисы куполов и сводов, перекрывавшие центральные зальные помещения. Они могли покрываться скатными кровлями, могли оставаться и без покрытия (на что недвусмысленно указывают водомёты касимовских текие и рисунки летописцев), облицовываться деревянной или керамической черепицей (лемехом). Эти конструкции могли также дополняться различными деревянными надстройками, что значительно обогащало силуэт здания.

Важным элементом композиции и образно-художественного строя мечети служила неотъемлемая часть её архитектуры — **минарет**. Его тонкая остроконечная башня, по своей высоте обычно значительно превосходящая высоту самого здания, придавала особую выразительность силуэту мечети. Как указывали исследователи исламского зодчества, «уже в первых веках существования минарета его утилитарные функции отходят на задний план, и он приобретает чисто архитектурное значение монумента,

господствовавшего над архитектурными ансамблями и олицетворявшего силу власти ислама и местных государств» (Нильсен В. А. 1956: 126). Влияние башенных вертикалей (среди которых были не только минареты) на силуэт поселения было тем более значительным, чем более монументальными и многочисленными оказывались там здания мечетей.

Минареты Булгарии, *типологически* подразделявшиеся на надкровельные (встроенные) и примыкающие (либо отдельно стоящие), композиционно группировались на простые (призматические, цилиндрические) и комбинированные (рис. 1-52). Общие закономерности их композиционного построения укладывались в следующие схемы:

- четверик-восьмерик-цилиндр (малый цилиндр) — конус (маковка),
- четверик-восьмерик (малый восьмерик) — шатёр (маковка),
- цилиндр (малый цилиндр) — конус (маковка), которые могли реализоваться как в каменном, так и в деревянном вариантах (либо в смешанной технике), с внешней галерсеей (*шерефе*) или без неё.

Венчающая часть минарета могла принимать различные формы. Наиболее распространённым типом завершения, неразрывно сомкнувшись в нашем сознании с архитектурой татарской мечети, является высокий конический шатёр, увенчивающий практически любой деревянный, да и не только деревянный, минарет. Но единственный ли это был вариант завершения? Неужели тысячелетняя традиция культовой архитектуры не выработала никаких иных выразительных форм для всех видов минаретов: каменных, кирпичных, деревянных...? Ведь архитектура исламского мира, с которой Поволжье соединялось тысячами нитей, оперирует достаточно многообразными вариантами завершения башен — этих выразительных градостроительных вертикалей, образ которых играл важнейшую роль в симфонии городской панорамы.

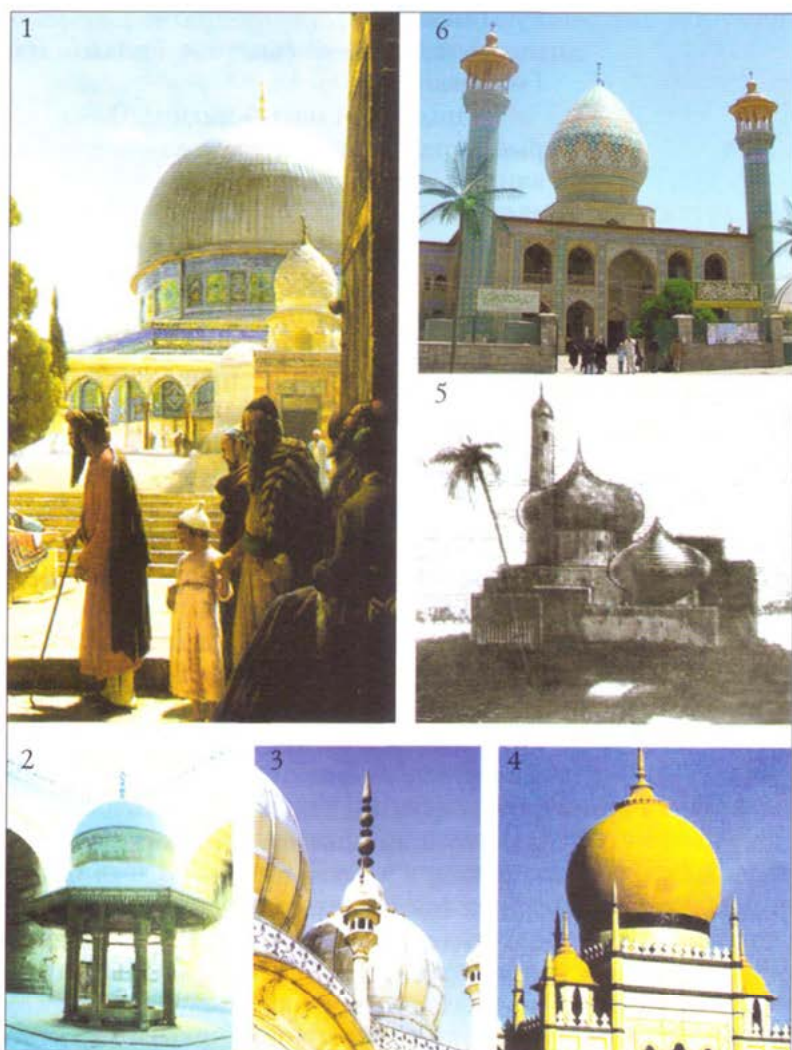
В этой связи необходимо остановиться на следующем факте. На рисунке из книги Олеария большинство минаретов и башен (наряду с коническими) имеют выраженные луковичные завершения. Такого числа церковных маковок в Казани в то время (да и позднее тоже) ни при каких обстоятельствах быть не могло. Если не отвергать саму идею о реальности изображённой ситуации, то можно прийти к мысли о том, что на рисунке отображены какие-то реальные формы, в условной трактовке дающие абрис луковицы. Исходя из аналогий, которых в исламском

мире великое множество, можно увидеть в них как собственно луковичные (каменные и деревянные), так и купольные завершения башен в Казани. Луковичные маковки вполне обычны в архитектуре мечетей Египта [28], Судана, Ливана (Geiger A. 1942:138), Турции [29], Ирана [30], Индии (рис. 1-52). Купольные завершения, внешне напоминающие луковичные, ещё более распространены: они встречаются в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Малой и Средней Азии, в Индии и других местах (рис. 1-51). Можно предположить, что подобные формы не были чужды и архитектуре булгар, найдя своё отражение как в постройках XVI века, до нас не дошедших, так и в XVIII столетии [31]. Отголоском именно этой яркой архитектурной формы могут оказаться и экзотичные

Рис. 1-51.

Купольные завершения в архитектуре исламского мира, получавшие обобщённую трактовку как «луковичные» в рисунках европейских путешественников и художников:

- 1) Палестина. Иерусалим. Храм Куббат ас-Сахра (VII в.);
- 2) Каир. Медресе Баркукия (XIV в.). *Фото автора;*
- 3) Индия. Бишапур, Жемчужная мечеть (XVII в.);
- 4) Сингапур.
- 5) Ливан. Мечеть на рисунке французского художника XIX в.;
- 6) Мечеть в Иране.

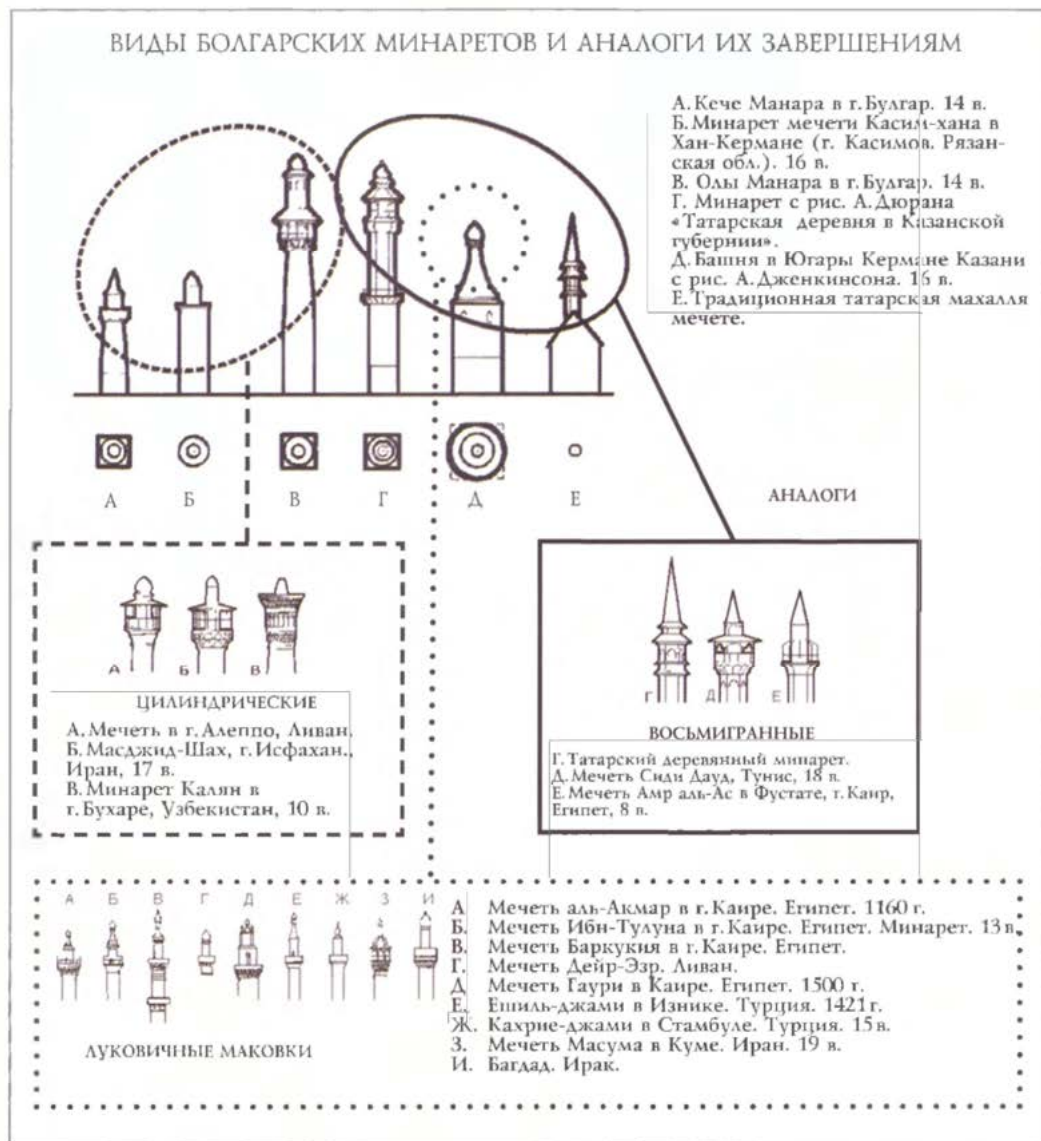

Рис. 1-52.
Луковичные маковки в архитектуре минаретов Переднего Востока.

маковки собора Василия Блаженного в Москве, не имеющие себе никакого подобия в русской церковной архитектуре не только XVI века, но и в более ранней. Впрочем, факт заимствования этой формы русскими у мусульман давно уже отмечался исследователями: «Только в конце XV в. русский архитектурный стиль начинает отступать от византийского — формы, которые напоминают татарское происхождение, как луковичная форма глав и др.» (Розенгартен. Цит. по: Успенский А. 1927: 46).

Примером такого заимствования может послужить известная колокольня Иван Великий в Московском

Рис. 1-53.

Великое княжество Московское, г. Москва. Колокольня Ивана Великий. Арх. Бон Фрязин, XV в.

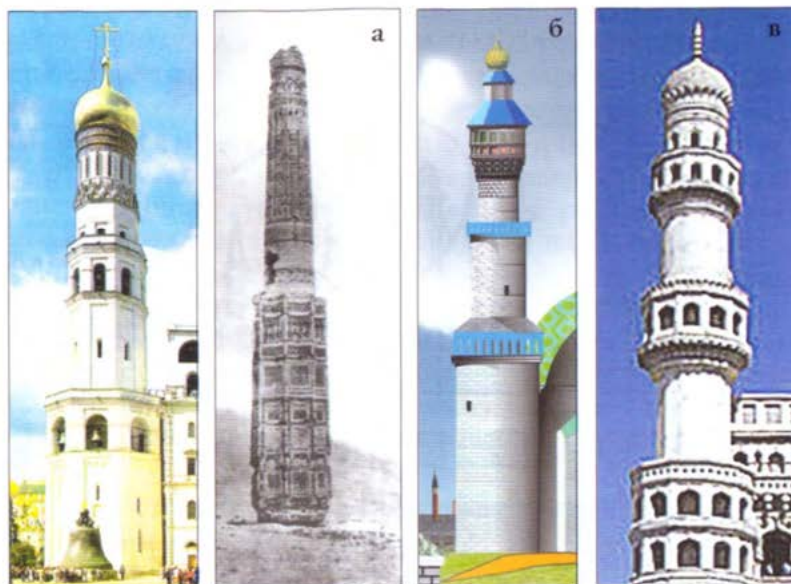
Композиционные аналоги:

а. Минарет Масуда III, государство Газневидов (совр. Афганистан, XII в.).

б. Минарет Хан-джами в Хан-Кермане (Касимовский Юрт, XVI в.).

в. Угловая башня ворот Чор Минар в Хайдарабаре.

Деканский султанат (совр. Индия) (XVI в.).

Кремле — одна из первых башен подобного типа в русской церковной архитектуре, заменившая традиционную для этой функции звонницу (рис. 1-53). Её внешнее сходство с мусульманскими минаретами настолько очевидно, что невольно рождает мысли о заимствовании этих форм, возможно, из архитектуры христианских храмов, например Золотой Орды. Здесь же наблюдается и яркий случай подкарнизной подкупольной надписи, совершенно подобной многочисленным аналогиям в исламском мире (рис. 1-55),

Рис. 1-54.

Завершение центрального столпа храма Василия Блаженного и его аналоги в казанских и мамлюкских памятниках:

а. Завершение центрального столпа храма Василия Блаженного.

б. Завершение шатра Николо-Гостинодворской церкви в Казани.

в. Каир. Маковка минарета мечети султана Хасана.

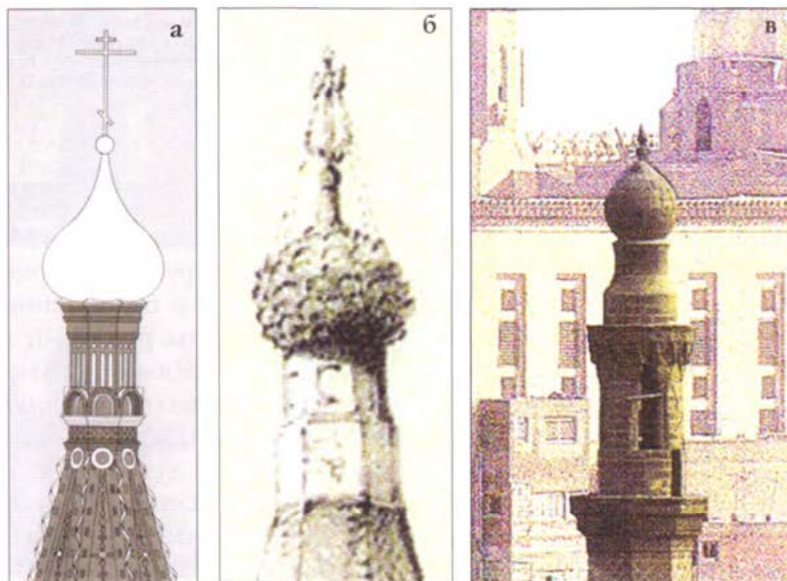

Рис. 1-55.

Великое княжество Московское, г. Москва. Колокольня Иван Великий.

Аналоги:

а. Купол медресе Шир-Дор в Самарканде (XVII в.).

б. Купол мавзолея Хуррем хатун. Комплекс мечети Сулеймание в Стамбуле. Зодчий Синан (XVI в.).

ПОДКАРНИЗНЫЕ НАДПИСИ В РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ И ИХ АНАЛОГИИ

относящийся к 1-й пол. XVII века, когда такие формы уже прижились в русской архитектуре. Показательно, однако, что первый случай подкарнизной медной позолоченной надписи был отмечен в литературе в Средней Золотой палате Московского Кремля в росписи, выполненной в 1552 году (!), куда она была включена 10 лет спустя (Г. С. Евдокимов, Е. И. Рузаева, Д. Е. Яковлев).

Кроме рассмотренных типов сооружений, существовала также и архитектура надгробных усыпальниц, караван-сараев, инженерных и оборонительных сооружений. Однако сведения о них столь неопределённые и отрывочные, что рассматривать её, на мой взгляд, сейчас было бы преждевременно.

Совершенно неисследованными пока остаются проблемы архитектурных и строительных конструкций каменных и кирпичных сооружений. Обратим внимание в этой связи на ряд своеобразных черт архитектуры Благовещенского собора (1556—1562 гг.) в Казанском Кремле, отразившем типичные черты псковско-новгородского стиля и, возможно, строительного искусства татарской Казани. Первым своеобразием этого здания отметил Н. Брунов, известный исследователь древнерусского зодчества, заметивший в конструкциях собора заимствования из местной архитектуры. К примеру, в интерьерах собора мы видим на месте обычных для русского зодчества того времени парусов тромпы — конструктивный приём перекрытия, характерный для архитектуры Востока (Брунов Н. И. 1928). Исследования подвальной части собора,

Рис. 1-56.

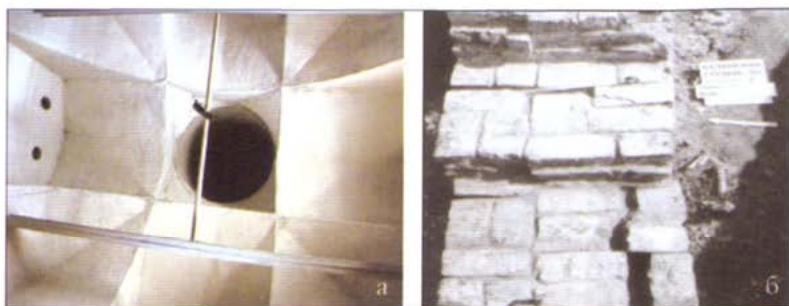
Кладка из каменных блоков времён Казанского ханства. Казанский Кремль, 20-й раскоп. Фото автора.

Рис. 1-57.

а. Крещатый свод и подкупольные трюмпы церкви Трифона в Напрудном, г. Москва (2-я пол. XV в.).

б. Кирпичная кладка времён Казанского ханства в Казанском Кремле.

проведённые в 1995 году, дополнили картину: судя по результатам зондажей фундаментов, произведённых инженером В. В. Машкиным, ядро собора XVI века является единовременным сооружением, не несущим на себе следы перестроек и реконструкций. Таким образом, версия о разрушении на этом месте мечети и возведении на её фундаментах собора пока не подтверждается. Но есть и неожиданности. Фундаменты собора покоятся на песчано-лессовом грунте, изначально размеченном через регулярные промежутки короткими кольшками, не имевшими конструктивного значения. Совершенно аналогичная конструкция фундамента у аль-Кабир (Соборной мечети) в Булгаре, отмечает В. Машкин, обследовавший фундаменты обоих памятников. Вероятнее всего, это пример сотворчества псковских зодчих и пленных татарских мастеров (архитекторов или каменщиков). Ничего подобного нигде ему больше не встречалось: русские памятники, к примеру, Свияжска, бесспорно выстроенные русскими именно в середине XVI века, имеют иную конструкцию фундамента [32].

Присовокупим к сему явно исламского происхождения конструкции — крещатые своды (рис. 1-57) и своды на пересекающихся арках, получившие распространение в архитектуре русских церквей уже в XV веке. Их корни следует искать в зодчестве Золотой Орды, одним из центров которой был и Булгарский вилайет, в том числе и Казань.

Преимущественное направление движения исламской культуры в Поволжье через Турцию и Крым могло породить и сходные мотивы в деревянной и гипсовой резьбе, трактовке растительных орнаментов в фасадных и интерьерных росписях. Косвенным подтверждением этому могли бы послужить многоцветные растительные орнаменты на стенах собора Василия Блаженного, находящие много аналогов в культуре Переднего Востока. Например, общее композиционное построение их, равномерный

«ковровый» стиль, — характерный атрибут раннего арабского орнамента; подобные решения встречаются повсеместно как на Ближнем Востоке уже в VIII—IX вв., так и в Поволжье в период Золотой Орды (рис. 1-58). Сами же цветочные мотивы на стенах собора Василия Блаженного настолько характерны для орнаментов тюркских народов, что их происхождение вообще не вызывает сомнений. Наиболее же близки им орнаменты самих татар всех времён (рис. 1-59) и турок-османов, хотя подобные же мотивы можно встретить у персов и арабов [33].

К сожалению, находки декоративных деталей на территории самой Казани немногочисленны. За последние 150 лет было обнаружено всего несколько обломков гипсовых облицовочных плит, покрытых резными геометрическими [34] и растительными [35] узорами, профилированных тяг [36] (рис. 1-60, 1-61). Впрочем, для живущего города это не очень удивительно: бесследное исчезновение целых районов Казани буквально у нас на глазах наглядно демонстрирует механизм уничтожения материального наследия прошлого в процессе хозяйствования. Реконструированные орнаментальные мотивы этих находок имеют вид достаточно стандартный для подобных же декоративных деталей в странах Переднего Востока [37], но в то же время истоки таких мотивов легко найти и в архитектурно-декоративном искусстве Центральной Болгарии (рис. 1-62).

Композиционное расположение многих из этих резных деталей на фасадах (или в интерьерах) каменных зданий пока неизвестно, однако, если исходить из собственных традиций центрально-болгарского зодчества XIII—XIV вв. и многочисленных аналогов за рубежами Болгарии, то можно предположить в монументальных постройках Казани применение характерного для передневосточной архитектуры приёма включения резного камня и гипса в плоскость стены из гладко отёсанных квадратов [38] (рис. 1-63).

Орнаментальные мотивы и техника каменной архитектурной резьбы Казанского ханства хорошо известны: это декор каменных надгробий (рис. 1-64 а). Разумеется, никто не стал бы изобретать специально два разных вида искусства каменной резьбы: для архитектурных сооружений и для надгробных стел. И те и другие исполнялись в единой манере, единым стилем, и, возможно, теми же мастерами. Блестящим подтверждением этому является резьба каменного мимбара османской мечети Сулеймание в Каирской цитадели (сер. XVI в.). Орнаментальные мотивы на его боковой поверхности (рис. 1-64 в) настолько близки известной нам резьбе каменных татарских надгробий того

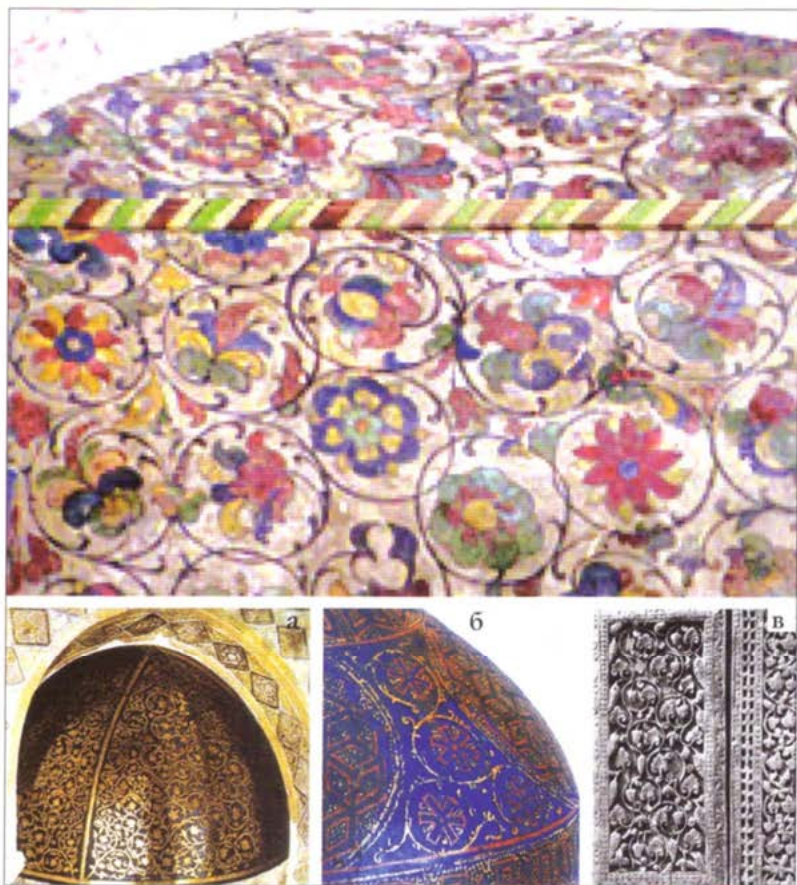
Рис. 1-58.
Роспись интерьера
собора Василия
Блаженного
в Москве.
Фото автора,
1997 г.

Аналоги:

а. Тунис. Роспись
михраба Большой
мечети в Кайруа-
не (VIII в.).

б. Золотая Орда.
Подливной сосуд
(XIV в.).

в. Ирак. Деревян-
ное резное панно
из г. Тикрита
(IX в.).

же времени, что можно подумать: это выполнялось той же рукой. Впрочем, может быть, так оно и было. В качестве возможных вариантов можно предположить, что мастера Казани прошли выучку в османских мастерских, либо наши резчики эмигрировали на Восток подальше от неблагополучной Казани; возможны и иные варианты. Обращаясь к наследию золотоордынской и постзолотоордынской эпох в Дагестане, Азербайджане, Крыму и Турции, мы видим там буквально такие же мотивы, выполненные в той же самой манере. Поразительно близкие аналоги встречаются и в деревянной резьбе Бухары и Хивы XV—XIX вв. Всё это говорит об универсальности орнаментальных мотивов и техники их воплощения в материале на огромных пространствах родственных культур Переднего Востока и Поволжья.

До самого последнего времени трудно было говорить сколь-нибудь определённо о таком важном компоненте архитектурного образа, как **цвет в монументальных сооружениях средневековой Булгарии** [39]. Судя по

археологическим остаткам цветной штукатурки, окраски и фресковых росписей интерьеров некоторых болгарских общественных зданий, многочисленным архитектурным изразцам, некоторые элементы полихромии в болгарской монументальной архитектуре действительно существовали.

Рис. 1-59.

Роспись интерьера собора Василия Блаженного в Москве. Фото автора, 1997 г.

Аналоги:

а. Османский архитектурный изразец (сер. XVI в.).

б. Деталь шапки Мономаха. Золотая Орда (XIV в.).

в. Татарская узорная кожа: голенище сапога.

г. Мотив татарского народного орнамента.

д. Фрагмент вышивки татарского платья (начало XX в.).

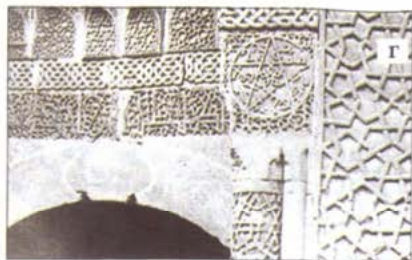
Рис. 1-60.
Облицовочная
плита из ханского
мавзолея (раскоп
1977 г.).
Реконструкция.

Рис. 1-61.
Декоративные
архитектурные
детали из г. Бул-
гар и Казанского
Кремля (XIV—
XVI вв.).

Упомянутые изразцы были найдены в развалинах болгарских мавзолеев, а также в виде отдельных групп, и их первоначальное местоположение пока точно не определено. В отношении болгарских зданий XI—XIV вв. этот вопрос пока остаётся открытым для полемики, однако достоверно известно о существовании изразцовых вставок на фасадах кирпичных зданий Казанского и Касимовского ханств (мавзолеев на Бальнгузе близ Биляра (Халиков А. Х. 1978:113) и текия Афган-Мухаммед-султана в Хан-Кер-

Рис. 1-62.
Техника кладки и
декорировки сте-
ны в средневеко-
вой архитектуре
Волго-Камья и её
аналоги:
а, б. Резные
детали Кече
Манара г. Булгар.
Золотая Орда
(XIV в.).
в. Оформление
оконного проёма
аль-Джами аль-
Кабир г. Булгар,
(XIV в.).
Фото автора.
г. Оформление
сельджукского
мавзолея
Мамахатун
в Теркане.
Турция (XIV в.).

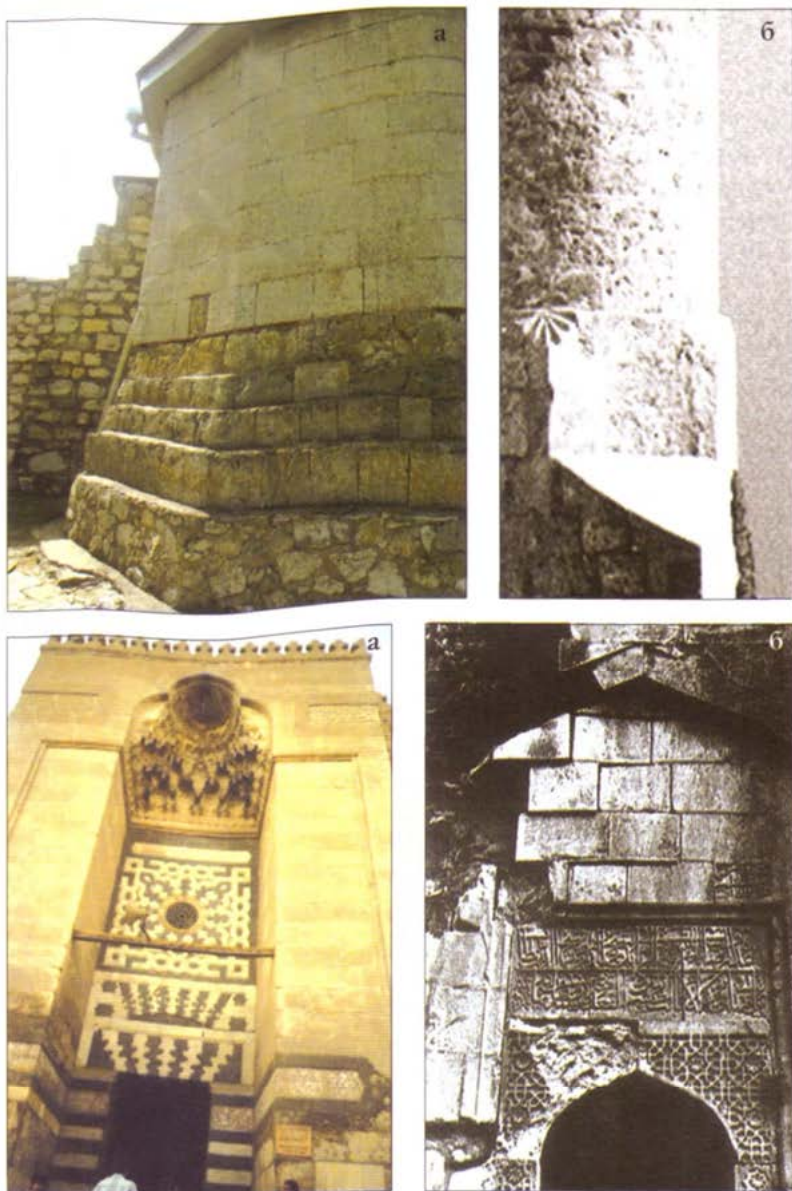

Рис. 1-63.

Техника кладки и декорировки стены в средневековой архитектуре Волго-Камья и её аналоги: Золотоордынские памятники г. Булгар: аль-Джами, аль-Кабир, Кече Манара (XIV в.). Примеры решения стены в родственных культурах: а. Мамлюкской; б. Азербайджанской.

мане), есть такие находки и на территории Казани. Обломки голубой поливной архитектурной керамики на белоглиняной основе были найдены также и при археологических исследованиях Казанского Кремля в 1995 году. Эти единичные находки, указывая на факт их присутствия в городской архитектуре (впрочем, по мнению исследователей, не нашедших широкого распространения) (Калинин Н. Ф. 1953: 30; Валеев Ф. Х. 1969: 11), мало что говорят об их предназначении и месте в системе декора. Однако изобилие таких изразцов в центрально-

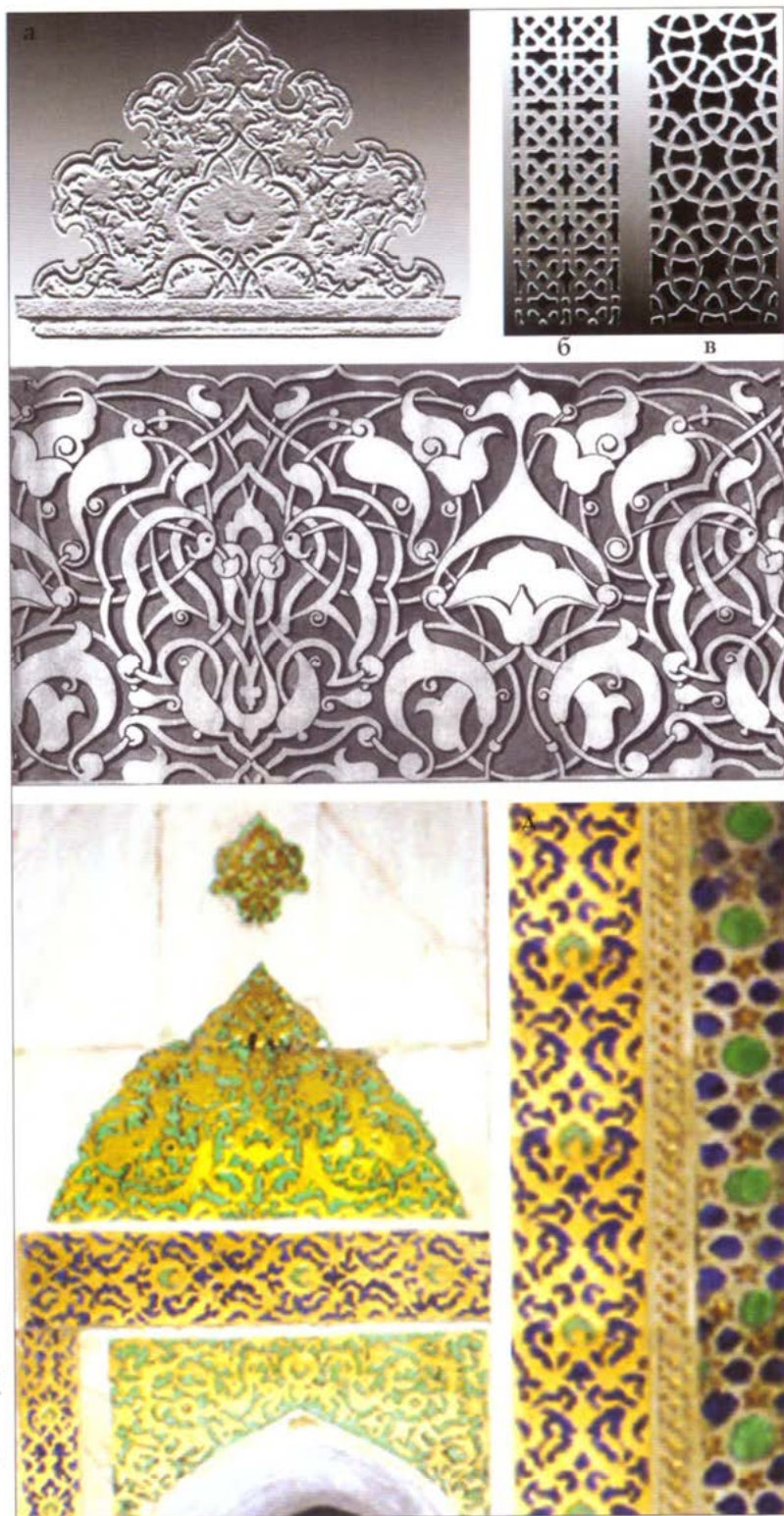

Рис. 1-64.
 Каменная архи-
 тектурная резьба в
 Казанском ханстве.
 а. Надгробие
 XVI—XVII вв.,
 с. Ср. Аты Арского
 р-на РТ.
 Рис. Ф. Валеева.
 (компьютерная
 обработка автора)
 б, в. Гипсовые
 рельефы из Казан-
 ского Кремля,
 находки 1861 года
 близ Благовещен-
 ского собора.
 г. Орнаментальная
 резьба с
 неизвестного
 здания в Поволжье.
 Аналог: д. Резьба
 мимбара мечети
 Сулейман-паши из
 Каирской цитадели
 (сер. XVI века).
 Фото автора.

булгарских городах в XIII—XIV вв., где они сочетались с росписями по штукатурке, в т. ч. и цветной, а также, если вспомнить о массовом употреблении цвета в архитектуре уже много более поздней, в XVIII—XIX вв., говорит об устойчивой традиции архитектурной полихромии в Волго-Камской татарской культуре и подводит к мысли о существовании подобной же практики и во времена Казанского ханства (подробнее об этом см.: Халитов Н. Х. 1981: 72—79; Халитов Н. Х. 1982: 20—22).

Если судить по данным археологии, количество изразцов к XV веку стремительно снижается, что не противоречит общим тенденциям в архитектуре ближайших исламских регионов. К примеру, в Азербайджане в XVI веке «исчезают изразцовая орнаментика и поливные кирпичи, за исключением единичных, к тому же качественно невысоких примеров. В изразцовом убранстве преобладают растительные мотивы, предваряющие мотивы стеновых росписей последующего времени» (Саламзаде А. В. 1964: 10) [40].

Впервые мысль о полихромности деревянного зодчества Булгарии и её основных принципах была высказана М. Г. Худяковым, который, считая пёструю многоцветную окраску неотъемлемой принадлежностью монументальных деревянных сооружений казанских татар, отнёс её появление к эпохе монгольских завоеваний, сопоставив архаичную архитектуру татарских деревянных мечетей XVIII—XIX вв. с архитектурой монгольских дацанов и калмыцких хурулов (Худяков М. Г. 1921: 58) [41].

Обращаясь вновь к летописным миниатюрам как к единственному источнику, графически отразившему общее впечатление от средневекового казанского зодчества в период его расцвета, можно отметить очевидный деко-

Рис. 1-65.
Примеры рас-
краски татарских
деревянных
минаретов
в XIX—нач. XX вв.
Рис. автора.

ративизм его внешних форм, на который впервые обратила внимание искусствовед С. М. Червонная. «Всеми возможными средствами, — пишет она, — русский миниатюрист стремится подчеркнуть декоративную узорчатость казанской архитектуры: полосатую кладку или роспись шатровых покрытий, ажурные решётки, растительные узоры в орнаментике кованных или резных дверей, в обрамлении арок, оконных наличников и т. п.» (Червонная С. М. 1987). Это в целом согласуется с предложенной концепцией декоративности как в камне, так и в дереве.

Отголоски навсегда, казалось бы, исчезнувших черт средневековой Казани, возможно, следует искать и среди русских построек, так или иначе связанных с татарской архитектурой.

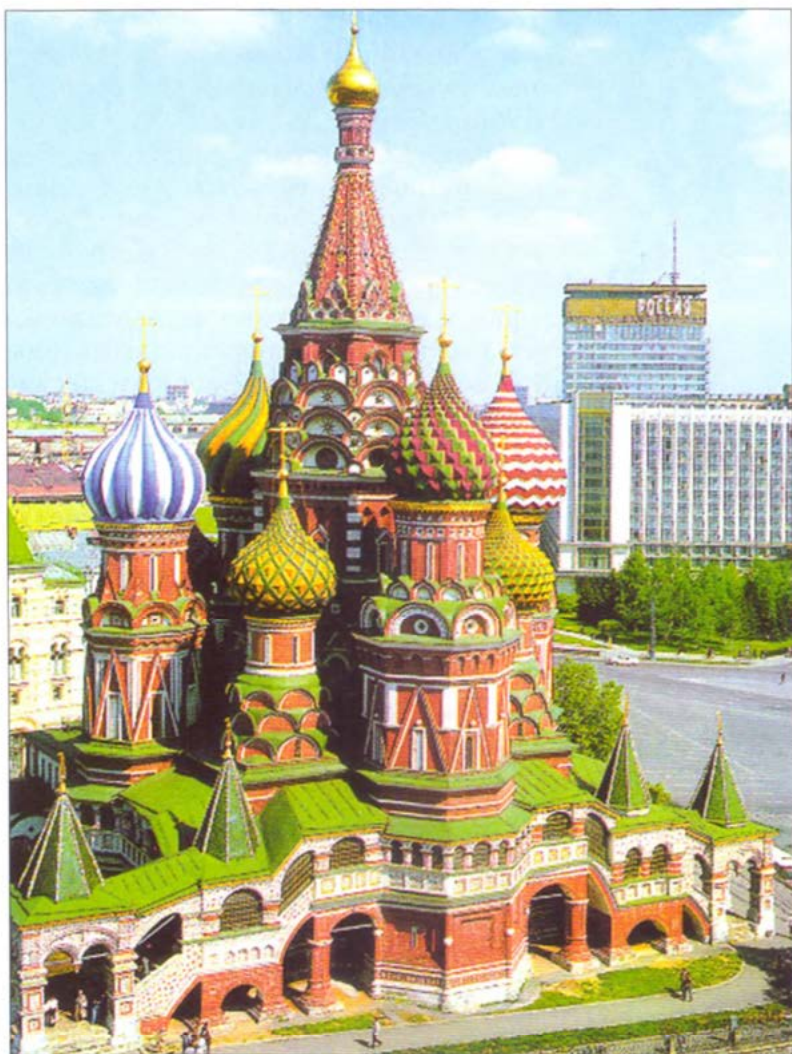

Рис. 1-66.
 Великое княже-
 ство Московское,
 г. Москва. Церковь
 Покрова на Рву
 (храм Василия
 Блаженного)
 (1556—1559 гг.).
 Фото 1970-х гг.

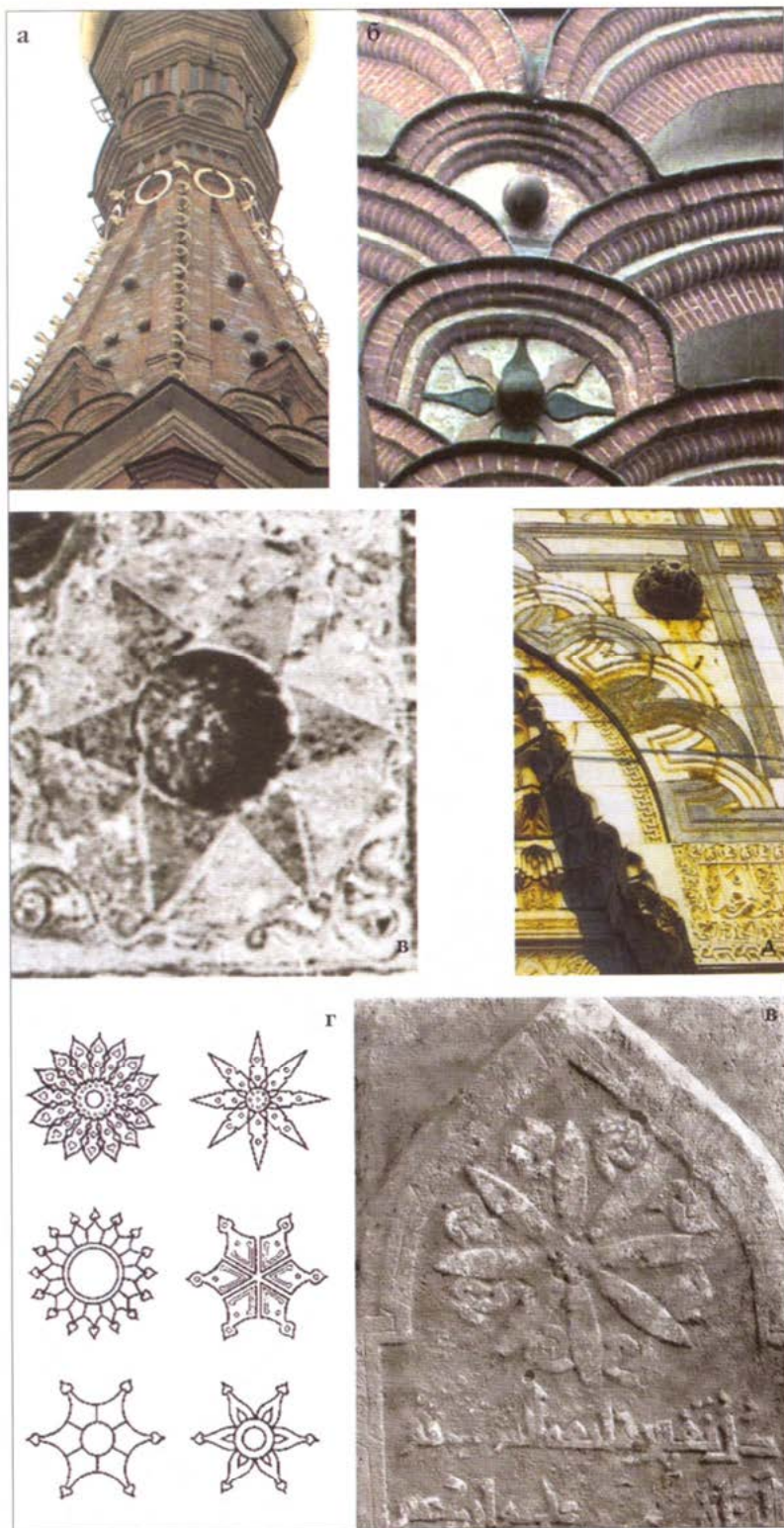

Рис. 1-67. Изразцовые композиции на шатре Покровского собора в Москве и их аналогии в татарском и турецком зодчестве.

а. Изразцы на поверхности шатра Покровского собора.

б. Изразцы в основании шатра Покровского собора.

в. Надгробие с городища Булгар, 1288 г.

г. Характерные детали татарского деревянного зодчества XIX—XX вв. (по Ф. Валееву).

д. Деталь портала Каратай медресе в Конье. Конийский султанат (XIV в.), Турция.

Наибольшую пищу для размышлений даёт храм-памятник в честь завоевания Казани — собор Покрова на Рву в Москве (рис. 1-66). Загадочная архитектура этой церкви является исключением, а не правилом в русской культуре XVI века, полна символического смысла и не поддаётся расшифровке с помощью традиционного церковного архитектурного языка. «Варварский», по определению академика Игоря Грабаря, стиль её, чуждый уже сложившимся традициям церковного зодчества, подтверждает мощное влияние какой-то иной эстетики, подавившей здесь уже наметившуюся тенденцию к заимствованию русскими западноевропейской ордерной системы. Именно с возведением этого здания, а точнее говоря, с завоеванием Казани и колонизацией Среднего и Нижнего Поволжья, впервые появились в русской архитектуре изразцы, яркая многоцветная полихромия, подкарнизные надписи, городковые карнизы (которые можно прочесть как своеобразную трактовку восточных сталактитовых карнизов) [42], стрельчатые и многолопастные арки (рис. 1-68) и некоторые другие формы, резко отличавшие её архитектурно-художественный строй от зодчества предшествующих времён (см.: Добровольская Э. Д. 1974; Виолле ле-Дюк Э. Э. 1879: 231 и др.). Короткая вспышка применения поливных цветных белоглиняных изразцов связана именно с этим

ОТГОЛОСКИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДЕКОРА
В РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Рис. 1-68.
Окно Теремного дворца в Московском Кремле (XVII в.).

Рис. 1-69.
а. Великое княжество Московское, г. Москва. Церковь Вознесения в Коломенском (1532 г.).
Аналог:
б. Шатёр мимбара мечети Пиалапаша в Стамбуле. Зодчий Синан, XVI в.

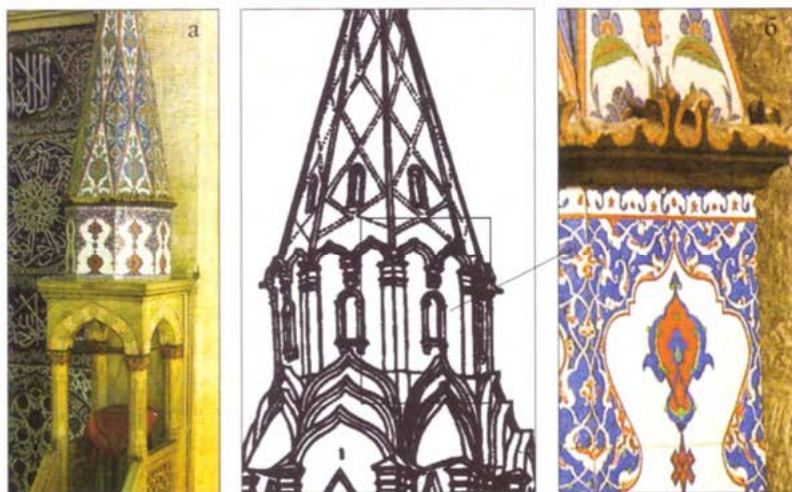

Рис. 1-70.

Великое княжество Московское, г. Москва. Церковь Вознесения в Коломенском, 1532 г.

Аналог:

а, б. Турция, Стамбул, Соколлау Мехмед-паша-джамии. Шатёр мимбара. Арх. Синан, 1571—1572 гг.

событием и приписывается исследователями татарским (или безымянным «иностранным») мастерам [43] (Г. С. Евдокимов, Е. И. Рузаева, Д. Е. Яковлев). Такие изразцы были отмечены сразу после завоевания Казани в архитектуре храма Василия Блаженного (рис. 1-67), Старицкого собора (1552 г.), Среднего Золотого дворца и шатровой церкви Сергия на Троицком подворье (1557 г.) в Московском Кремле (Г. С. Евдокимов, Е. И. Рузаева, Д. Е. Яковлев). Затем поливные изразцы из русской архитектуры исчезли почти на сто лет и вновь появились уже в другой технике и явно западноевропейском исполнении.

Именно в этом памятнике можно было впервые встретить узорчатые луковичные головки, характерную для среднеазиатского и закавказского зодчества систему кладки куполов и сводов, свойственных исламскому зодчеству и др.

Ситуация, кстати, в христианском, и в частности православном мире, вовсе не уникальная. Кроме широко известного Петропавловского кафедрального костёла с турецким минаретом в г. Каменец-Подольский (см.: Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. 1986: 172), можно привести множество примеров из сербской [44], болгарской, румынской церковных архитектур, где в характерно византийский стиль органично вплетаются чисто исламские декоративные мотивы.

Особо следует остановиться на обоснованной гипотезе о происхождении русских шатровых храмов как отражении образа завоёванной Казани. Исследователи обращали внимание на то, что все шатровые церкви XVI века носят мемориальный характер, а в 1550-х гг. целая цепочка таких храмов обозначила пункты на пути Казанского похода Ивана Грозного (рис. 2-28). Шатровый храм ви-

дится изначально как памятник русской боевой славы, апофеозом чему стал Покровский собор в Москве [45].

Наиболее ранним примером такого сооружения является храм Вознесения в Коломенском (1532г.), возведённый, по одной версии, ко дню рождения царевича Ивана (впоследствии Грозного), а по другой — к очередному Казанскому походу (рис. 1-69). Рассматривая обе версии, думается, следует взглянуть на события глазами не нашего современника, знающего последующий ход истории, а человека той эпохи. Сопоставимы ли эти два события: рождение у великого князя очередного младенца с неясным будущим в ту бурную и антисанитарную эпоху

Рис. 1-71.
Возможные отголоски средневековой татарской архитектуры в русских сооружениях Казани XVI—XVII вв.
а. Храм Иоанна Предтечи в г. Казани, XVI в.
б. Дворец казанских ханов, XV—XVI вв.
Фрагмент панорамы Казани 1-й пол. XVI в., опубликованной А. Олеарием.

и взятие Казани, столицы могущественного государства на Волге, извечного соперника и блистательного победителя во многих войнах?

Думаю, ответ можно поискать в архитектуре самого храма-монумента, о загадочных формах которого сложено немало гипотез, однако ясной и убедительной расшифровки его художественного образа пока не прозвучало.

Если исходить из идеи воплощения в облике храма-памятника некоего запоминающегося образа победы над врагом, и особенно над врагом-иноверцем и инородцем, то идеи лучше, чем водружение креста над символом иноверческого молитвенного сооружения, принципиально

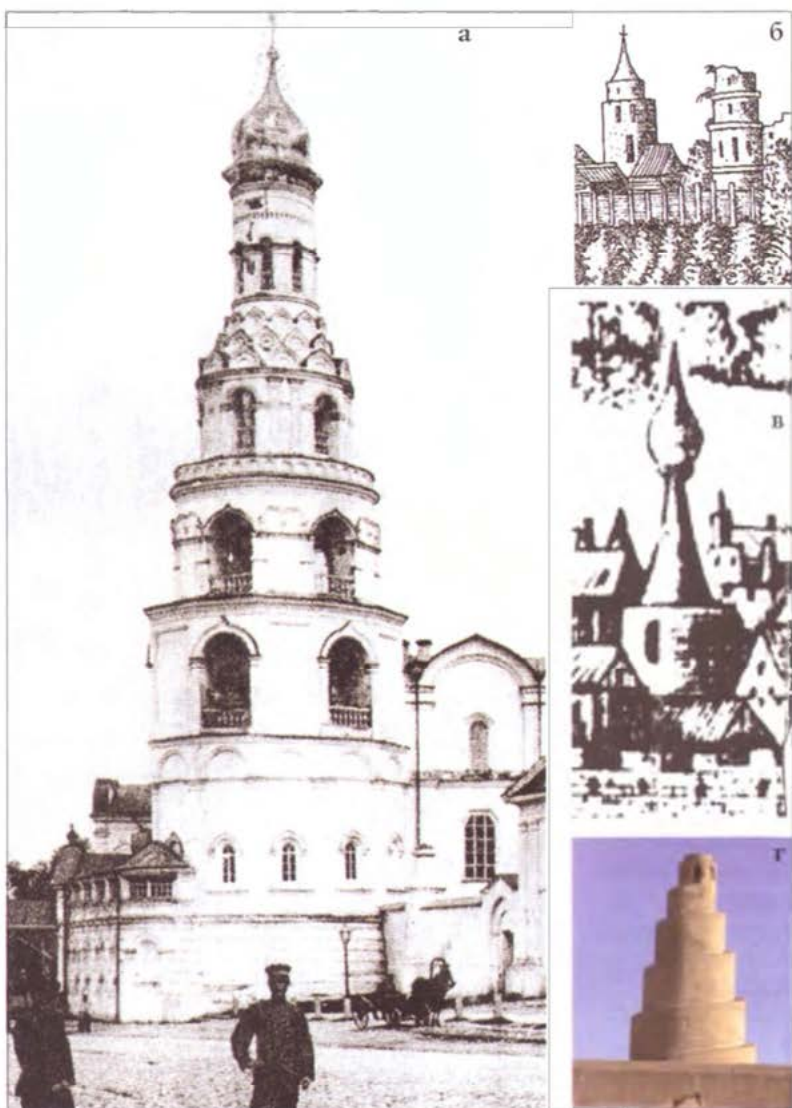

Рис. 1-72.
Возможные отголоски средневековой татарской архитектуры в русских сооружениях Казани XVI—XVII вв.
а. Колокольня Благовещенского собора в Казани. Фото конца XIX в.
б. Дозорная башня Ханского двора в Хан-Кермане (Касимов). Рисунок из книги А. Олеария.
в. Башня на рву Тазик Югары Кермана. Рисунок из книги А. Олеария.
г. Исламский аналог: минарет мечети Ибн-Тулун в Каире (Египет, мамлюкская эпоха, XV в.).

не похожего на «свой» храм, не придумаешь. Как увидим позже, целый ряд подобных сооружений, приуроченных к завоеванию Казани, именно на эксплуатации такой идеи и создавался.

Тогда появился первый на Руси шатровый храм. Вразрез с незыблемыми канонами византийского православия, диктовавшими крестово-купольную схему с барабанами и шлемовидными куполами.

Так откуда же шатёр? Что стало его прототипом? Можно было бы сомневаться, обращая взоры на Кавказ, где у армян и грузин шатры тоже были, но почему-то до казанских войн примерами не служили. Да и причём здесь армяне и грузины, полуеретики из далёких стран? Пропорции, детали внешнего оформления и художественного образа указывают на другой прототип: священное место в татарской мечети — мимбар, откуда ведётся проповедь во время молитвы. Мимбары монументальных мечетей Казани того времени не сохранились, но в Османской империи, особенно в тех мечетях, что построены по проектам великого зодчего Синана в середине XVI века, можно найти образцы, удивительно схожие с образом Вознесенской церкви (рис. 1-69, 1-70).

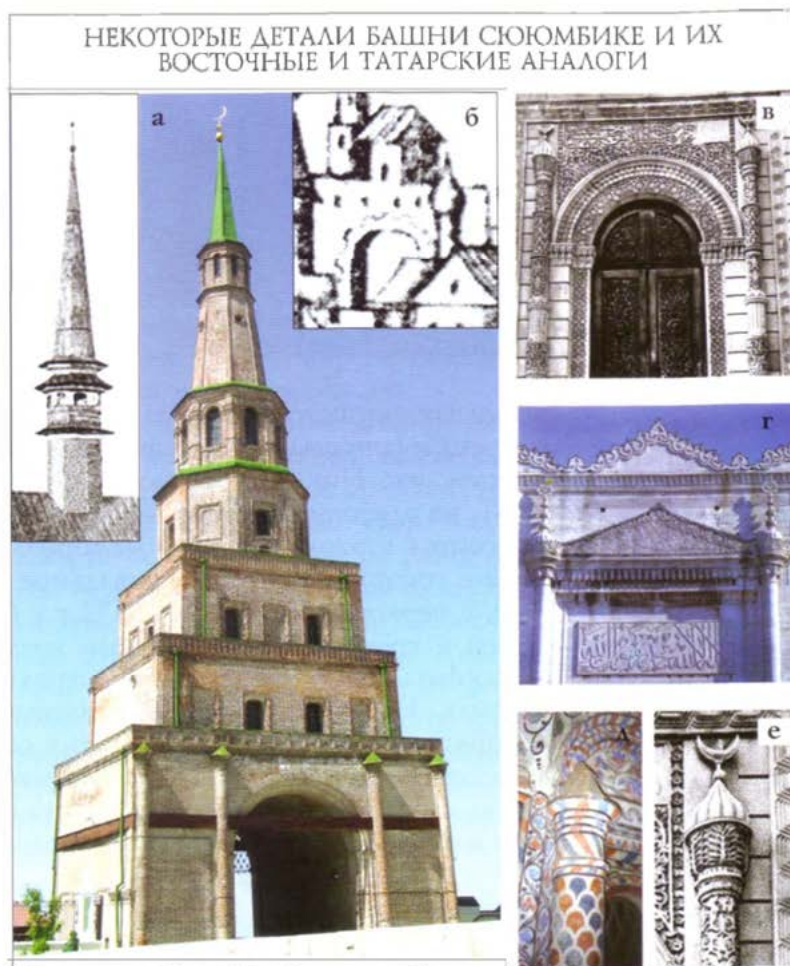

Рис. 1-73.
Башня на месте
колокольни
Благовещенского
собора.
Рисунок из книги
А. Олеария.
Аналог:
одна из башен
в г. Стамбуле
(Турция).
Рисунок XIX в.

Рис. 1-74.
Завершение башни Сююмбике и его аналоги.

Рис. 1-75.
Оформление арки проезда башни Сююмбике и его аналоги.
а. Башня Сююмбике. Современное фото.
б. Прототип: Сары Капка (западные ворота казанского Арка — Ханского Двора).
Аналогии оформлению арки:
в. Оформление входа Джума-мечети в Ичери Шехер г. Баку (Азербайджан, XIX в.).
г. Оформление входа Валидеджами в Стамбуле (XVI в.).

Аналоги приставной колонны:
д. Москва, собор Василия Блаженного. Колонны по сторонам западных входов северо-восточного и юго-восточного малых приделов.
е. Джума-мечеть в Ичери Шехер г. Баку (Азербайджан, XIX в.).
Фото автора, 1989 г.

Другим возможным отражением какого-то казанского прототипа может оказаться также «построенный при участии Грозного в 1558—1561 г. оригинальный, из ряда вон выходящий по своей конструкции пятишатровый храм города Старицы Тверской губернии, богато украшенный белокаменной резьбой и цветными изразцами с крупным декоративным изразчатым панно распятия, с изразчатой летописью под карнизом храма... Своеобразие замысла и смелость зодчего, поставившего западные шатры на особую систему столбов и арок» (Грабарь И. Э. 1909: 91), дают иные, но опять же явно несвойственные русской архитектуре 1-й пол. XVI в. формы, анализ которых мог бы многое прояснить в загадке исчезнувших мечетей Казани.

Впоследствии этот тип храма закрепился в московском зодчестве и стал применяться повсеместно — видимо, как

Рис. 1-76.

Капитель фланкирующей колонны проезда башни Сююмбике и её аналоги:

а. Узбекистан. Бухара. Мечеть Болохауз. Капитель главного айвана.
б. Узбекистан. Коканд. Дворец Худаяр-хана. Капитель.

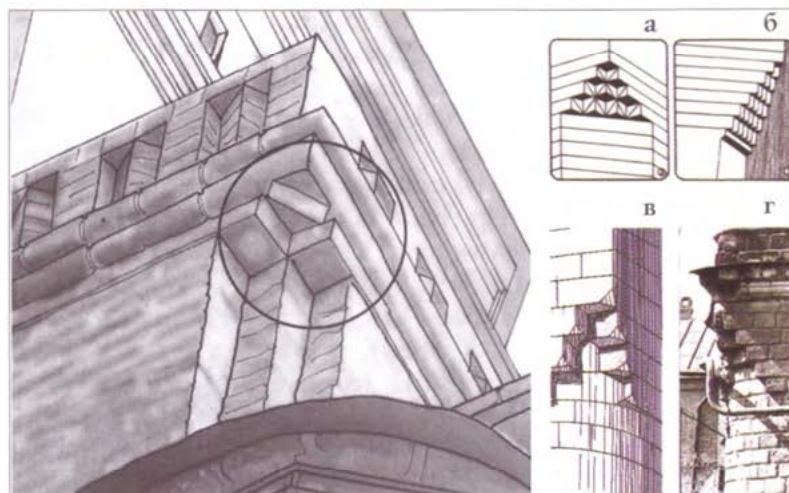
народная инициатива, поскольку уже к сер. XVII века был запрещён церковью как неканонический. Можно предположить, что Николо-Гостинодворская церковь в Казани [46], не имеющая пока точной датировки строительства, относится к этому же ряду мемориальных сооружений, о чём говорит её почти буквальное сходство, например, с церковью в Балахне (1552 г.) (рис. 2-24). Близок к ней и трёхшатровый холодный храм Иоанно-Предтеченского монастыря прямо напротив главных ворот Кремля. Несмотря на яркие стилевые характеристики, говорящие о принадлежности этих сооружений к московской школе зодчества, в их облике можно заметить и ряд своеобразных особенностей, указывающих на возможное воздействие архитектуры татарской Казани. Такие признаки читаются в их силуэте, общей композиции, пропорциях, ритме членений, декоративном облике. В частности, это касается необычной цилиндрической многоярусной колокольни Благовещения, относительно которой есть подозрение, что она была построена ещё

Рис. 1-77.

Ячеистые консоли на фасадах башни Сююмбике и их аналоги:

а, б. Ячеистые консоли на фасадах мусульманских сооружений Переднего Востока.

в, г. Ячеистые консоли на фасадах татарских домов г. Казани.

булгарскими мастерами (подробно об этом см.: Халит Н. 1999: 71, 74, 75, 205—207). В отличие от обычных в русской архитектуре многоярусных башен типа «восьмерик на четверике» или «восьмерик на восьмерике», она представляла собою многоярусное сооружение из нескольких поставленных друг на друга многогранников и цилиндров, своими пропорциями и композиционным строем близко напоминавшее татарские башни Казани и Хан-Кермана. В её архитектурном убранстве, типичном для гоудуновского времени, можно усмотреть и детали, сближавшие её с булгарскими минаретами, например с Кече Манара в городе Булгар.

Ярким примером подобной же «передачи мысли на расстояние» — а точнее сказать сквозь века — может послужить загадочная архитектура башни Сююмбике (подробнее об этом см.: Нияз Халит. 2005). Она появилась, по всей видимости, не ранее конца XVII столетия и, тем не менее, ярко отразила своей архитектурой татарские монументальные традиции. В числе таких особенностей можно назвать её необычайно стройные пропорции, силуэт (рис. 1-74), а также некоторые декоративные детали, не имеющие себе прямых аналогов в русском зодчестве того времени. В их числе, в первую очередь, следует назвать приставные трёхчетвертные колонны, фланкирующие арку проезда (рис. 1-75). Этот элемент, встречающийся, к примеру, в исламской архитектуре Закавказья, внешне трактован здесь в духе характерных для среднеазиатских и закавказских, а также малоазиатских мечетей интерьерных и айванных деревянных колонн с ячеистыми многоярусными капителями [47] (рис. 1-76). Интригует внешнее сходство оформления нижнего яруса башни с каноническим образом михраба в монументальных мечетях Переднего Востока. Не думаю, что целью архитектора было отображение образа именно михраба, но здесь читается некий обобщённый мотив, связывающийся в памяти с образом средневековой Казани. Видимо, подобный пример перед глазами архитектора всё же был, и он нашёл своё воплощение в «татарской башне». Обратим внимание и на раскрепованные углы второго яруса башни, завершающиеся характерными для исламской архитектуры ячеистыми консолями (рис. 1-77). Этот элемент встречается повсеместно в архитектуре Переднего Востока: как в гражданской архитектуре, так и в культовой.

В числе других своеобразных особенностей названных зданий можно обратить внимание на увлечение в казанском каменном зодчестве поливной облицовкой зелёного и голубого цветов, которая сплошь покрывала, к при-

Рис. 1-78.

Царские врата церкви Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле и их мусульманские аналоги:

а. Индия. Мечеть Акбара (XVII в.).

б. Золотая Орда.

Ниша Малого Минарета

в г. Булгар (XIV в.).

в. Азербайджан.

Джума-мечеть в Ичери Шехер г. Баку (XIX в.).

г. Египет. Мечеть Бейбарса в Каире (XIV в.).

меру, высокий кирпичный шатёр Николо-Гостинодворской церкви, шатры Фёдоровского монастыря, маковку колокольни Николо-Низской церкви, некоторые другие сооружения (рис. 2-25, 2-19).

Темой особого исследования могли бы стать формы церковных царских врат, претерпевшие любопытные изменения с течением времени. Наблюдающиеся в их абрисах,

Рис. 1-79.

Царские врата церкви Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле и мусульманские аналоги оформления арки и тимпана.

Аналоги:

а. Крым.

Тимпан арки железных дверей Бахчисарайского ханского дворца.

Арх. А. Фиорованти, XV в.

б. Турция. Павильон Мурада II во дворце Топ Капы в Стамбуле (XVI в.).

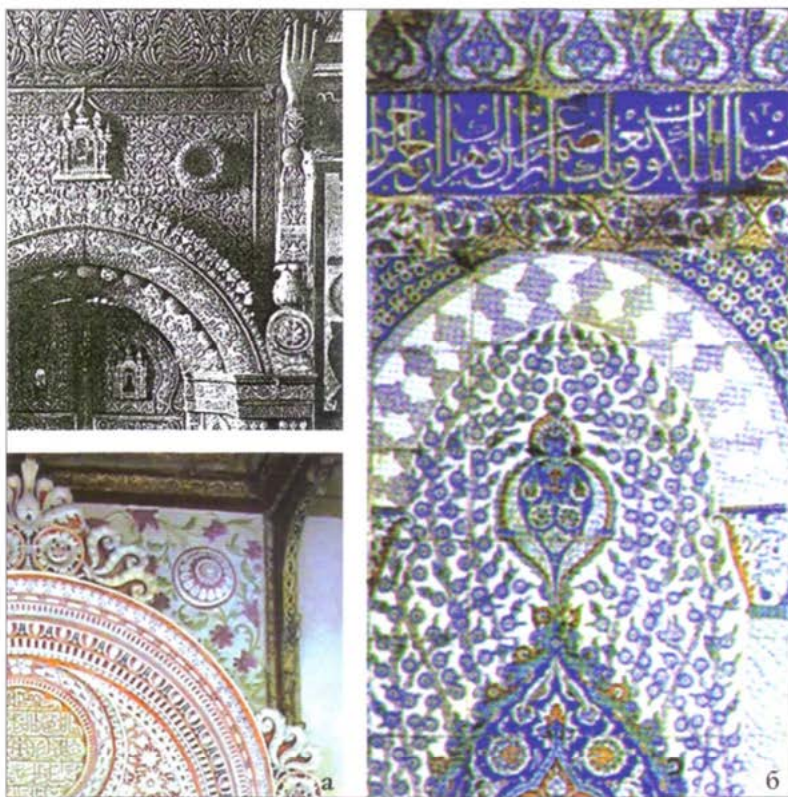

Рис. 1-80.

Отголоски казанского архитектурного декора Волго-Камья и мусульманского ареала в русской культуре.

а. Царские врата церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, в Ярославле.

Резьба карниза.

Аналоги:

б. Резьба одной из арок во дворце Альгамбре.

(Испания, XV в.).

в. Орнаментальный мотив на турецкой ткани XVI в.

г. Деталь ограды татарского сельского дома.

(Татарстан, Арский район, XX в.).

д. Татарское ювелирное украшение — чулпы.

(Татарстан, XIX в.).

е. Деталь мозаичного узора на татарском женском сапожке (XIX в.).

ж. Деталь татарского головного убора: вышивка жемчугом (XIX в.).

з, и. Резные бордюры входа в Малый Минарет г. Бугар (XIV в.).

к. Орнамент на памятнике В. И. Ленину в г. Казани (сер. XX в.).

л. Изображение райского дерева — пальмы в рукописном Коране (VIII в.).

композиции и элементах декора явные параллели с искусством ислама достойны особого анализа, результатом которого может стать расшифровка многих загадочных моментов средневековой истории России. Меня же заинтересовал один конкретный объект: Царские врата церкви Иоанна Предтечи в Толчкове, в г. Ярославле (рис. 1-78). Согласно легенде, это незаурядное изделие было вывезено из Казани, где было изготовлено в XVII веке специально по заказу местных купцов. Уже беглый взгляд на врата рождает ассоциации с мусульманскими входными порталами и михрабами — в пропорциях, художественном образе, наборе и компоновке составляющих их элементов. Не

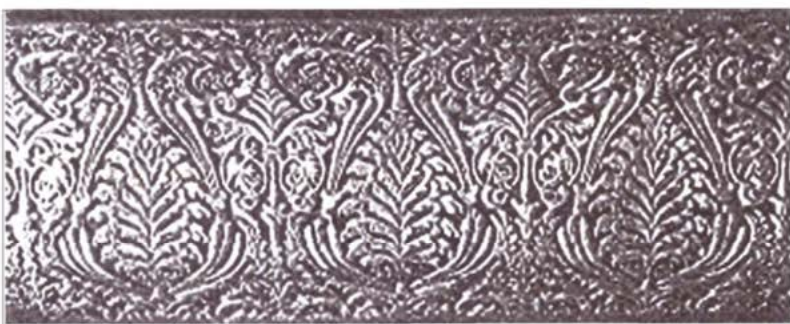

Рис. 1-81.

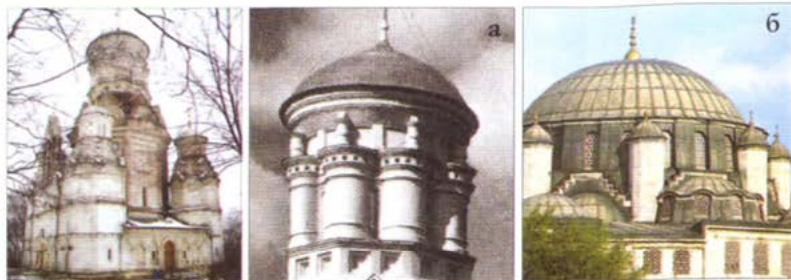
Отголоски архитектурного декора и конструкций зодчества Казани и мусульманского ареала в русской культуре.

Дьяковская церковь.

а. Дьяковская церковь, фрагмент центрального столпа.

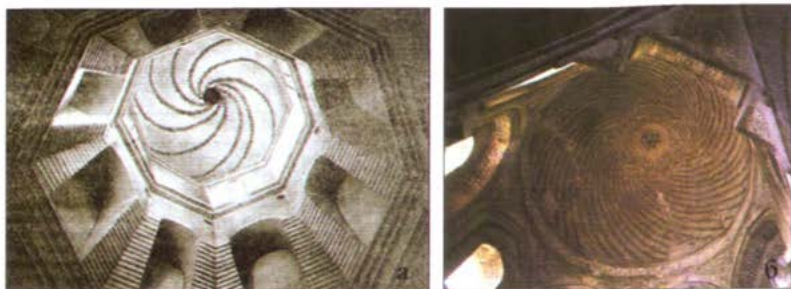
б. Аналог: Сокоглу Мехмед-паша-джами в Стамбуле, Турция.

Арх. Синан, 2-я пол. XVI в.

Рис. 1-82.

а. Имитация конструктивной системы исламских куполов в архитектуре храма Иоанна Предтечи.

б. Аналог: Улуджами в Малаатии (Турция, XII в.).

Рис. 1-83.

Вероятные отголоски архитектурного декора Казани и мусульманского ареала в русской культуре.

а. Изразцы в ярославском зодчестве.

Аналоги:

б. Оформление изразцами входа в мавзолей Афган-Мухаммед-султана в г. Касимове (Рязанская губ., 1749 г.).

в. Михраб мечети Сиди Окба в Кайруане (Тунис, VIII в.).

менее красноречивы и декоративные детали, в числе которых орнаментальные мотивы козырька-карниза (рис. 1-80), обрамления арки (рис. 1-79), резьба поля тимпана и др., говорящие о реальном мусульманском прототипе этого изделия (рис. 1-78). Складывается впечатление, что этот резной портал был скопирован с реального объекта (каменного или деревянного) татарского происхождения, использовавшегося в одной из церквей Казани в качестве, возможно, тех же царских врат. Где они находились — в Преображенском соборе, Николо-Гостинодворской церкви или где-то ещё — пока неизвестно, но, опираясь на сохранившийся образец, можно реконструировать и сам прототип, который говорит как о характере, так и об уровне архитектуры того времени.

Другим примером появления в русской архитектуре загадочных и малообъяснимых декоративных мотивов могут стать детали оформления подкупольного барабана Дьяковской церкви в форме целого пучка башен-минаретов, поддерживающих купол с крестом (рис. 1-81). Мотив несомненно символический, смысловой. Можно было бы не задумываться о его конкретных прототипах, но, возвращаясь всё в тот же Ярославль XVII века, нельзя не обратить внимания на башенки-минареты, примыкающие к углам четверика колокольни церкви Рождества Христова. В литературе этот мотив объясняется прямыми контактами купцов, строивших церковь, с Казанью и Золотой Ордой. И верится, потому что башенки, в отличие от стереотипов минарета с открытым шерефе, воспроизводят золотоордынский прототип с закрытой площадкой, примеров которого мы знаем множество, но только, как говорится, «по вновь выявленным обстоятельствам» и про-

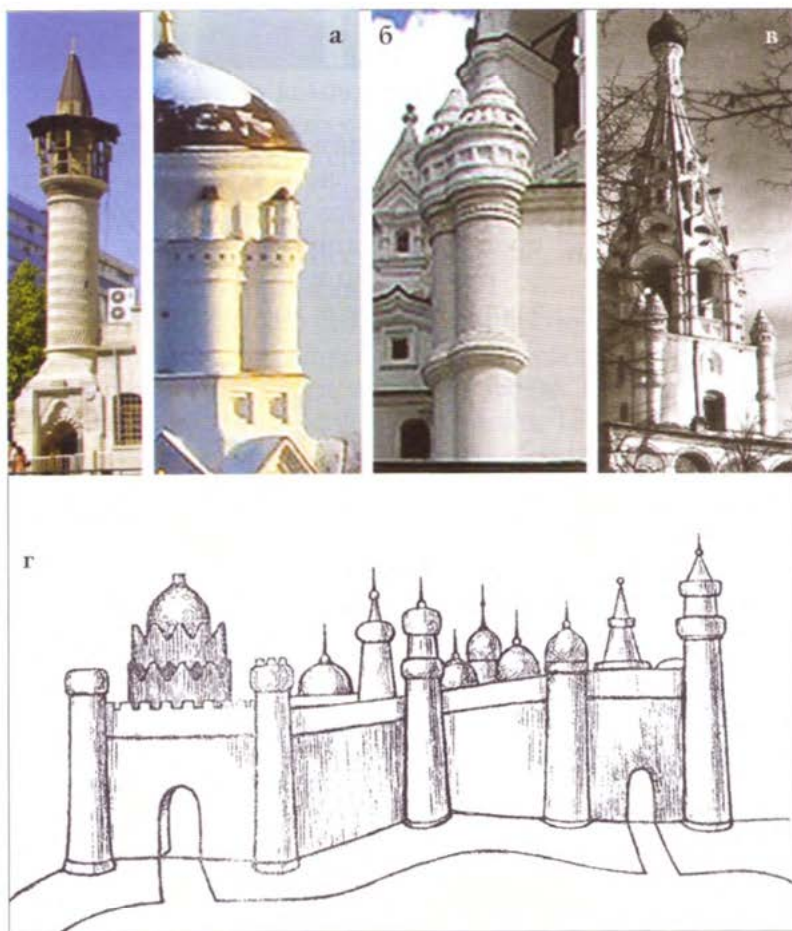
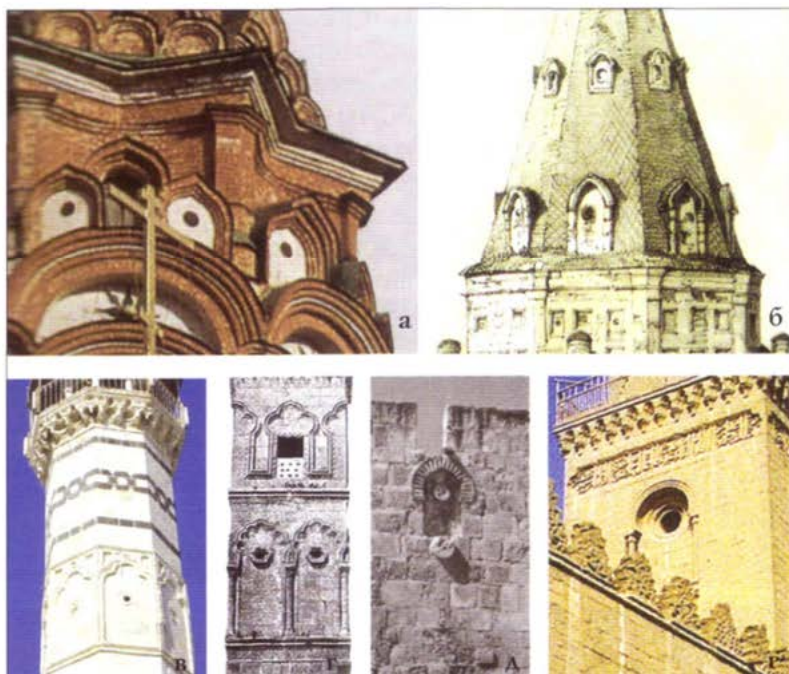

Рис. 1-84. Символические минаретоподобные формы в русской церковной архитектуре.
 а. Оформление подкупольного барабана церкви Иоанна Предтечи в Дьяково (г. Москва, 1553 г.).
 б, в. Оформление верхнего четверика колокольни церкви Иоанна Крестителя в Ярославле (XVII в.).
 г. Аналог: вид г.Сарая, столицы Золотой Орды, в XV в. на западно-европейской карте.

Рис. 1-85.

Декоративные детали центрального столпа храма Василия Блаженного и их аналоги в казанских и исламских памятниках:

а. Храм Василия Блаженного. Декоративные ниши верхнего яруса.
 б. Николо-Гостинодворская церковь в Казани.
 в. Иерусалим. Ворота Сан-Стефана, бойница над проездом.
 г. Египет. Каир. Мечеть-медресе Калауна, фрагмент минарета.
 д. Сирия, г.Халеб. Минарет Большой мечети (XI в.).
 е. Турция, г. Адана. Минарет Большой мечети (XIV в.).

тотипам, а также по средневековым рисункам. Только очевидец мог знать в те времена о существовании таких минаретов в Поволжье, где они ещё сохранялись на руинах брошенных татарских городов.

Любопытно и совпадение, к примеру, пропорций венчающих башенок холодного храма Иоанно-Предтеченского

Рис. 1-86.

Сопоставление форм и пропорций завершений некоторых башен Казани.

а. Храм Иоанна Предтечи (XVI в.).
 б. Мечеть №1 в Бишбалте (1805 г.).
 в. Башня Сююмбике.
 г. Минарет мечети в с. Чиканас Арского р-на РТ (1902 г.).
 д. Колокольня Петропавловского собора (1720-е гг.).

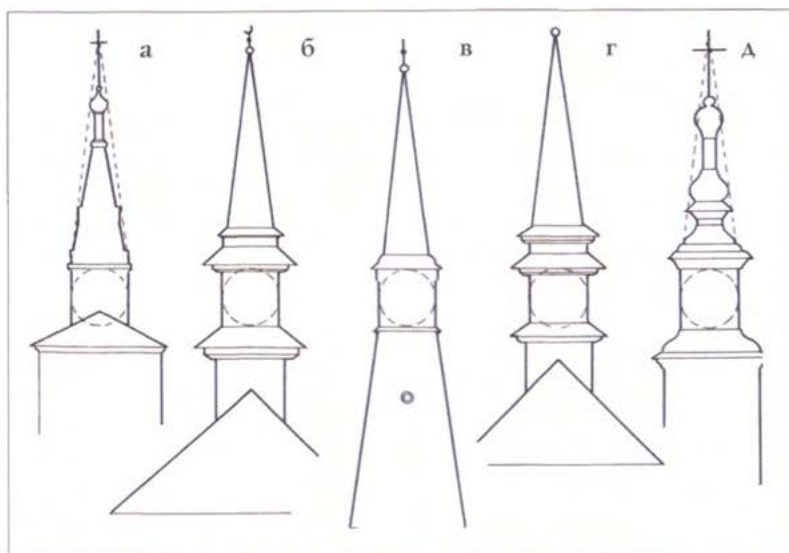

Рис. 1-87.
Губернаторский дворец в Казанском Кремле
Арх. Ф. И. Петонди, 1846 г.
Оконный проём.
Фото автора.
а. Аналог:
входной портал мечети Болохауз в Бухаре (XIX в.).

Рис. 1-88.
Губернаторский дворец в Казанском Кремле
Арх. Ф. И. Петонди, 1846 г.
«Гирька» оконного проёма.
Фото автора.

монастыря с надкровельными же минаретами татарских деревянных мечетей, с которыми они довольно странно совпадают как по композиции, так и по общему впечатлению от их внешнего облика (*рис. 1-86*).

Никто, разумеется, специально эти пропорции не копировал, но, видимо, в Казани сложилась своеобразная эстетика пропорций, подталкивавшая зодчих к соблюдению некоторых закономерностей, традиционных для этого края и «ласкавших взор» заказчика.

О том, насколько сильны были воспоминания о великолепии зодчества татарской Казани, говорят и более поздние примеры. В частности, на фасадах Губернаторского дворца в Кремле (арх. Ф. И. Петонди, 1846 г.) мы видим в точности «венецианские» арочки с «гирькой», имеющие исламские корни и в самой Венеции. В качестве «гирьки» здесь вылеплена миниатюрная модель четырёхминаретной османской джамии — воплощение легенды о главной мечети Казани (*рис. 1-86*). Та же легенда о многобашенной мечети, стоявшей когда-то на месте Благовещенского собора в Кремле, намёком проступает и на фасадах этого собора после его реконструкции (арх. Ф. И. Петонди, 1846 г.). На углах его трапезной, выстроенной в XIX веке, мы видим совершенно нехарактерные для церковной архитектуры многогранные угловые башенки — намёк на угловые башни аль-Кабир города Булгар или Казани?

**АЛЬ-ДЖАМИ
АЛЬ-КАБИР
(ГЛАВНАЯ
МЕЧЕТЬ)
ГОРОДА
КАЗАНИ**

АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Как и любой крупный мусульманский город, столица государства, Казань имела главную, столичную мечеть аль-Кабир. Как и многие другие весьма значительные явления того времени, казанская Кабир исчезла в потоке времени, не оставив ни воспоминаний о себе, ни документальных свидетельств. И можно было бы лишь с сожалением принять этот факт, не пытаясь угадать конкретные формы её архитектуры, если бы сама История не предоставила нам уникальный документ той эпохи: храм-памятник в честь окончательного завоевания Казани русскими — собор Василия Блаженного на Красной площади в Москве

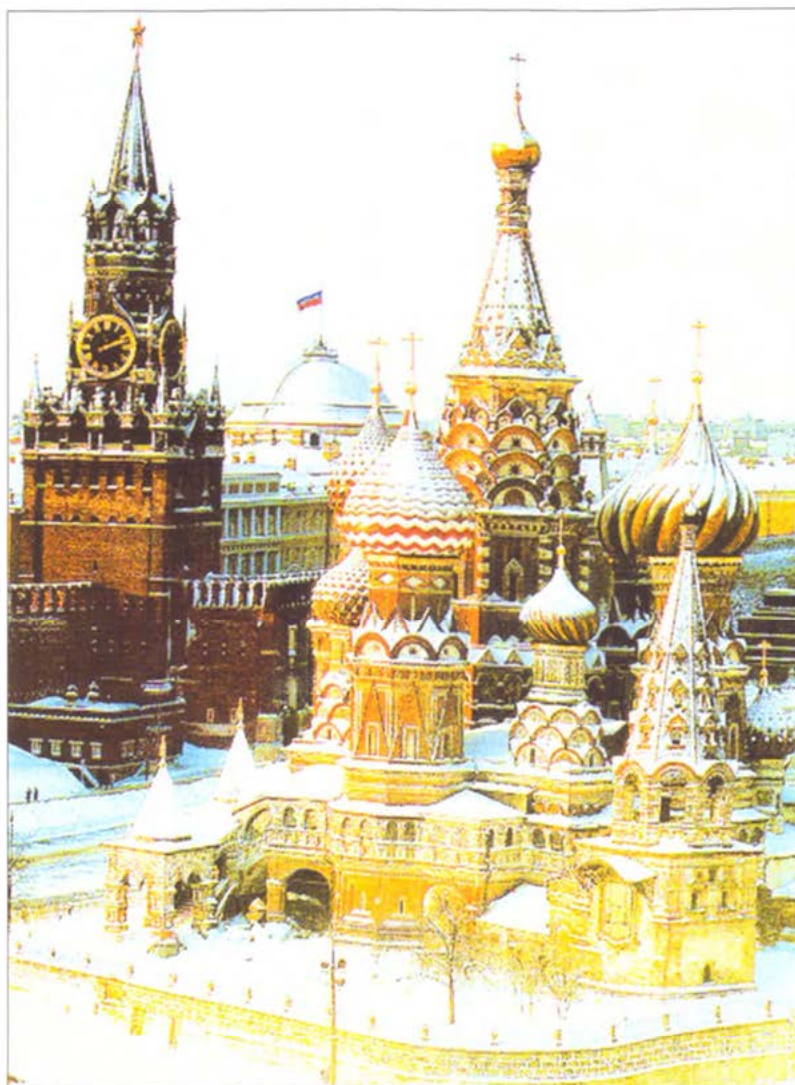

Рис. 2-1.
Собор Василия
Блаженного
в Москве
(1556—1559 гг.).
Современное
фото.

(рис. 2-1). Здание церкви Покрова (Троицы) на Рву, более известное как храм Василия Блаженного, было возведено в 1556—1559-х гг. в ознаменование победы русских войск над Казанью 2 октября 1552 г. Нет, наверное, более яркого по образности и загадочности своих форм сооружения в истории русской архитектуры, которому было бы посвящено столько легенд и научных трудов.

Революционный образ этой церкви не имел подобия себе ни до, ни после её появления на русской земле — и это породило множество гипотез и догадок о его истоках и прообразах. Проблема эта волновала историков и архитекторов во все времена. Исследователи искали корни своеобразия форм церкви в Азии (Richardson A., Corfiato H. O. 1956: 149; Глазычев В. 1987: 279—280, примеч. 24), на Дальнем Востоке (Hamilton G. H.: 206), в Западной Европе (Лефевр А.: 174; Красовский М. 1911: 168, 300; Воусе А.: 81, 82; Hamilton G. H.: 203; Брунов Н. И. 1988: 121—129 и др.), Византии и Европе (Лефевр А.: 174; Станькова Я., Пехар И. 1987: 67), Индии [48], Магрибе (Свиньин П. П. 1839: 41), русской религиозной схоластики XVI века и даже в народных сказках того времени (Безсонов С. В. 1946: 1106). В частности, по одной из недавних, уже в наше время выдвинутых гипотез, *«в плане собора лежит схема идеального города..., во внешнем архитектурном решении Василия Блаженного можно видеть синтезированный образ города»* (Ильин М. А. 1978: 236), а по другой — *«града небесного»* (Горнего Иерусалима), созвучный ренессансной идее «идеального города» (Гуляницкий Н. Ф. 1984: 32; Бондаренко И. А. 1991: 37, 38). Даже по оценке русского летописца, *«поставлен бысть храм каменный преудивлен и различными образцы и переводы»* [49].

Среди множества гипотез, выдвигавшихся учёными и исследователями, на мой взгляд, одним из самых заманчивых, и в то же время самым неразработанным и малодоказуемым было предположение о том, что в формах собора, которые не находили явной расшифровки в предшествующей русской культуре, следует искать прежде всего отголоски погибшей в XVI столетии болгаро-татарской монументальной архитектурной традиции. Эта мысль высказывалась неоднократно как в России, так и за её рубежами (Hamilton G. H.: 206; Виолле ле-Дюк Э. Э. 1879 и др.). В её развитие выдвигалась и версия о главной мечети Казани, ставшей прообразом храма-памятника, увековечившего победу над грозным соперником Москвы — Казанским ханством на Волге. Её сторонниками были многие известные исследователи русской культуры (И. Э. Грабарь.

1969: 45; Тихомиров М. Н. 1968: 231 и др.), её разделяют и многие учёные Татарстана (Худяков М. Г. 1923: 290—291; Успенский А. 1927; Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987: 133; Айдаров С. С. 1978: 14, 15 и др.).

Серьёзно анализировать такую гипотезу не позволяло полное отсутствие каких-либо сведений об архитектуре Казанского ханства и общей концепции развития средневековой архитектуры Волго-Камья. Поэтому никаких серьёзных аргументов ни за, ни против идеи высказано не было, если не считать сенсационной находки казанского учёного Михаила Худякова, узревшего среди изображений Казани на миниатюрах Лицевого Летописного свода XVI столетия сооружение, чем-то весьма напоминающее Покровский собор (Худяков М. Г. 1930). Фантазия же других исследователей, не обладавших подобной информацией или не желавших её замечать, пускалась по пути сопоставления с известными им формами сопредельных стран.

Логика, однако, требует пойти по наиболее вероятному пути поиска, то есть в культурах, непосредственно связанных с событиями 1552 года, — татарской и русской.

Широко известно упоминание в одной из исторических работ Ш. Марджани о восьмибашенной мечети в Казани и гипотеза М. Худякова, идентифицировавшего её с мечетью Кул Шарифа в Кермане и о воплощении её образа в архитектуре храма Василия Блаженного. Эта идея получила широкое распространение в советской и постсоветской исторической литературе [50] и художественном творчестве. Однако если исходить из идеи о воплощении в храме-памятнике в честь завоевания Казани форм именно мечети Кул Шарифа, то эта гипотеза вызывает ряд возражений. Анализ градостроительной ситуации подсказывает иное местоположение общегородской мечети аль-Кабир: за пределами Кермана, на Арском поле, там, где сегодня находится комплекс Богородицкого монастыря (см. раздел «Мечети средневековой Казани», п. «аль-Кабир»). Здание это, по всей видимости, занимало господствующее положение в срединной части города. Эффектность такой композиции на городской панораме наглядно подтверждается многочисленными видами Истанбула и многих других городов Ближнего Востока, где получили распространение такие мечети.

Его причудливый, кричаще нетрадиционный для «святой» Руси образ волнует уже не одно поколение учёных. Есть ли между ними связь, и если есть, то какая?

Совершенно очевидно, что такое произведение архитектуры, да ещё на таком месте, не могло появиться вдруг, на неподготовленной почве. Однако, прежде чем начинать

сопоставительный анализ памятников Москвы и Казани, необходимо решить один принципиальный вопрос: есть ли у нас основания считать, что мечеть могла послужить прообразом главной церкви Москвы, и каковы эти основания. Не выглядит ли кощунственной сама идея такой ассоциации?

Думаю, пытаться вникнуть в этот вопрос с позиций современной морали будет глубоко ошибочно. Как быстро, даже за несколько дней, может измениться мировоззрение целого народа, ярко продемонстрировал крах коммунистической идеологии за последние десятилетия; в течение же столетий такие трансформации общественного сознания происходили многократно.

Есть и другие нюансы.

Прежде всего, храм Покрова нельзя назвать церковью в прямом смысле этого слова. Это не церковь, а **храм-памятник**, или, иными словами, памятный знак в виде церкви, русский вариант мемориального обелиска [51]. Главным назначением такого сооружения было закрепление памяти об историческом событии, а отнюдь не отправление религиозных обрядов. Об этом говорят, в первую очередь, грандиозность его размеров в сравнении с ничтожным объёмом внутренних пространств (рис. 2-2), которые не позволяли проводить богослужения для сколько-нибудь значительного числа людей. Интерьеры здания не играют ровно никакой роли в восприятии основной образной идеи здания.

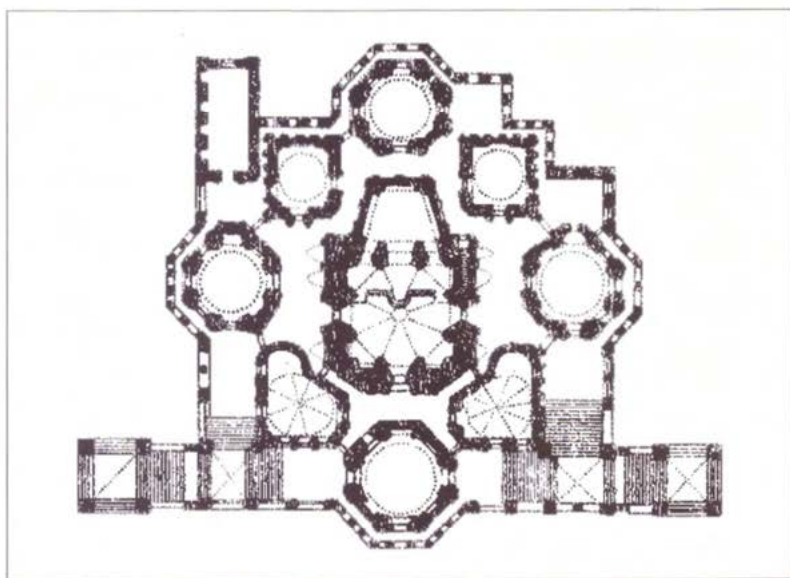

Рис. 2-2.
Покровский собор
в Москве (1556—
1562 гг.). План на
уровне крылец.

По замыслу авторов, наибольшее значение имел внешний облик здания, его образ, именно через него должно было прочитываться содержание.

Таким образом, если исходить из **идеи** храма-памятника, на главной городской площади Москвы возник грандиозный мемориал, символизовавший великую победу христианства над исламом. Думается, в этой ситуации вполне возможным было использование в качестве своеобразного трофея главной святыни поверженного врага, символически увенчанной крестом, сопровождавшийся столь же символическим разрушением самого оригинала.

В подтверждение такой идеи можно высказать следующее суждение. Архитектура храма-памятника оказалась внезапным перпендикуляром ко всей сложившейся церковной традиции, ко всем освященным веками канонам православной (на европейских языках она называется «*orthodox*»! — т. е. жёстко-традиционной, *нереформируемой*) церкви. Никаких церковных реформ или структурных потрясений, противостояния церкви и государства в этот момент не наблюдалось.

Что же тогда послужило причиной отрицания церковных канонов в столь заметном памятнике, явно построенном под покровительством господствующей и всемогущей церкви?

Феномен может объяснить только генеральная идея символической победы над исламом в Поволжье, допускающая прямое цитирование мусульманского образа в архитектуре храма-памятника, а вовсе не «буйная фантазия зодчих» и прочие притянутые за уши суждения. Именно это позволяет нам целенаправленно искать в формах Василия Блаженного отголоски наиболее значительных сооружений Казани того времени.

В том, что архитектура церкви полна символического смысла, едва ли можно сомневаться, ибо символическим мистицизмом был пронизан весь культурный контекст эпохи Ивана Грозного, примеры чему можно отыскать в любой области художественной культуры того времени.

В условиях несвободы расцветает язык Эзопа. Об этом красноречиво говорит прежде всего сама архитектура церкви Покрова, не поддающаяся расшифровке при помощи традиционного церковного архитектурного языка, который на тот момент вполне однозначно строился по канонам византийской образности и монументальной традиции на всей территории средневековой Руси.

Символика прослеживается здесь на всех уровнях: в его градостроительном положении, в масштабах, ком-

позиции, художественном образе, организации внутреннего пространства, внешних формах и декоративных деталях.

В чём же конкретно заключалась символика форм этого здания, о чём и на каких языках говорит архитектура Покровского собора?

Архитектура всякого народа, равно как и другие, более «сюжетные» явления художественной культуры, имеет свой собственный, достаточно условный и известный до конца лишь посвящённым художественно-образный язык. «Фразами» этого языка, условно говоря, можно считать градостроительные элементы, «словами» — внутреннее содержание архитектурных сооружений, «слогами» — элементы их внешней формы, а «буквами» — декоративные детали. Произведения градостроительного искусства, составленные из подобных «фраз», рождают стиль эпохи, безошибочно узнаваемый как в целом, так и по отдельным его элементам. Не зная архитектурного языка какого-либо народа, страны или местности, нельзя прочитать и каменные страницы его зодчества, расшифровать смысл иноземных «слов» в архитектуре, подвергшиеся внешнему влиянию. Беда европоцентристки образованных исследователей, анализировавших архитектуру Покровского собора, состояла в знании лишь русского (да и то без присущих ему «тюркизмов» и «исламизмов») и европейских языков, но полное невежество в отношении тюрко-мусульманских, явные признаки которых читаются во всех художественных явлениях той эпохи, в том числе и в архитектуре. Европоцентризм в мировоззрении русской науки привёл в конечном итоге к неверным оценкам собственной культуры и неизменно раздражённой реакции (Ремпель Л. И. 1978: 216 и др.) на непредвзятые характеристики западно-европейских учёных. Последние считали русскую средневековую культуру одной из ветвей восточной (восточно-христианской), наряду с византийской, армянской и грузинской культурами. Сюда же совершенно справедливо причисляли также владимиро-суздальское зодчество (Schnaase С. 1868: 340), а её имперский этап представляли *«заключительным периодом мугамедданского искусства»*, вершина которого — собор Василия Блаженного (Куглер 1869: 351). Иными словами, этот памятник в Европе относили к одной из форм исламского зодчества, справедливо усмотрев синкретичность русского позднесредневекового искусства с явным преобладанием в нём традиционных исламских элементов, освоенных русскими, несмотря на иное вероисповедание.

Явление это, кстати, вовсе не уникально и в мировом зодчестве встречалось неоднократно: такова, к примеру, позднесредневековая архитектура дворцов и церквей «сицилийских султанов» в Палермо, некоторых румынских церквей, да и многих османских джами, которую те же русские учёные охотно рассматривают как развитие византийских церковных традиций. Мысль же о подобном в родной культуре вызывает у них дружный вопль ужаса и негодования.

Культура ислама на территории современной России далеко не «чужеземная», как это порой хотелось бы представить многим идеологам «единой и неделимой». Мало того, она имеет, пожалуй, более древнюю историю, чем «исконная» православная, — и особенно за пределами южных границ домонгольской Руси. Подспудная, ползучая тюркизация, а затем и исламизация русской культуры началась ещё во времена Киевской Руси (чего не скрывают украинцы, но о чём почему-то и слышать не желают в Москве), а к моменту захвата татарских ханств Поволжья, Урала и Сибири эта культура уже несла в себе многие черты, родственные культурам покорённых народов. Этот новый, имперский этап воздействия культур колонизируемых народов на метрополию оставил следы, прочитываемые даже сегодня, спустя четыреста с лишним лет, в облике наиболее ярких памятников своей эпохи.

Именно в этом отношении и показательна архитектура известного всему миру памятника русской воинской славы — собора Покрова на Рву в центре Москвы, на Красной площади. Видимо, не случайно Европа, считавшая русских азиатами, символом русской нации признала именно это сооружение, наглядно демонстрирующее собою слияние восточных и европейских черт в её культуре.

Легче всего характерные признаки в привычных и давно уже примелькавшихся нам явлениях культуры отмечает свежий глаз приезжего, сразу выделяющий общие и особенные черты нашего бытия. Иностранцы, сопоставляя Покровский собор с многочисленными церквями, «сорока сороками» Москвы, сразу же выделяли именно его, сравнивая то с колоссальным растением, то с группой кристаллов, то с «огородом чудовищных овощей» (Гоусе А. 1967: 194), с группой скал, «слеплением сталагмитов», даже определяя как «здание из облаков, причудливо окрашенных солнцем» (см.: Любимов Л. 1981: 276). Высказывалась мысль и о том, что «строитель, воздвигая этот

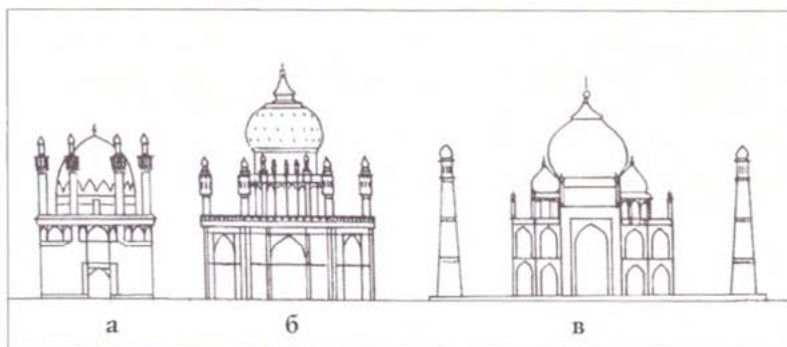
Рис. 2-3.

Многобашенные
центричные
сооружения
Переднего Востока:

а. Усыпальница
Олдайту
Ходабенде в
Султании (Южный
Азербайджан,
XV в.).

б. Усыпальница
Ахматшаха
в Кандагаре
(Афганистан,
XVII в.).

в. Усыпальница
Тадж-Махал в
г. Агре (Индия,
XVII в.).

храм, имел в виду собрать в нём стили всех времён и народов» (Лефевр А. : 177).

Иначе говоря, русских православных корней они в архитектуре собора не усматривали.

Наиболее, пожалуй, ясно и лаконично выразил своё мнение в 1812 году Наполеон Бонапарт, без обиняков назвав Покровскую церковь *мечетью*. Преподнося это высказывание как некий курьёз, вызванный непросвещённостью корсиканца (Любимов Л. 1981: 275, 276), исследователи русского зодчества как бы отставляя на время свою эрудицию и забывают о том, что французский император, завоеватель Египта, незадолго до того принявший ислам и правивший в Каире два года, знал, что говорил, и мечетей на Востоке повидал вполне достаточно, чтобы не путать их с церквями — и к его-то мнению как раз и не мешало бы прислушаться.

И действительно, как бы это странно ни казалось на первый взгляд, а образ здания навеивает прежде всего ассоциации с причудливой и многокрасочной архитектурой Востока. И весьма вероятно, что **прототипом** памятника стала главная мечеть Казани — многобашенная аль-Кабир, которая вполне могла послужить символом покорённого

Рис. 2-4.

Предшественники
в местной
монументальной
традиции:

а. Мечеть на
Чёртовом
городище в
г. Елабуге (X в.).

б. Аль-джами
аль-Кабир
г. Булгар (XIV в.).
Реконструкция
автора.

исламского государства в Поволжье, стать в глазах завоевателей символом её поверженной столицы.

Многоминаретная мечеть обычна в архитектуре ислама (рис. 6-1), к кругу которой относилось и зодчество Волжско-Камской Булгарии, её столиц — Биляра, Булгара, Казани. Многобашенные сооружения на нашей земле известны уже в глубокой древности: это мечеть на Чёртовом городище в Елабуге [52], аль-Джами аль-Кабир города Биляр [53], аль-Кабир города Булгар [54] (рис. 6-2) и, наконец, аль-Кабир в Казани. Таким образом, появление многобашенной аль-Кабир в столице мусульманского Поволжья в первой половине XVI века можно считать логическим следствием развития собственной монументальной традиции, укладывающейся в то же время в русло всеобщих тенденций эволюции архитектуры всего передневожского региона.

Исламская архитектура пришла в Поволжье вместе с религией уже в VIII—IX вв. и вскоре заняла видное место в столичных городах Волжской Булгарии. Мечети домонгольского времени формировались под воздействием трёх основных традиций: местной болгарской, хорезмийской и арабской. В золотоордынское время можно было наблюдать параллели с зодчеством Закавказья, Крыма, Сельджукской империи и Египта, распространение болгарских традиций на золотоордынские города. Некоторые исследователи предполагают воздействие болгарского зодчества и на архитектуру владими́ро-суздальских храмов.

Казанское ханство укрепило крымско-турецкие ориентации болгар и, возможно, влило в архитектуру Казани черты русской и итальянской школ. Именно в это время, в период наибольшего сближения русской и болгаро-казанской культур, думается, и появилось множество мечетей в русских городах Московского государства [55].

Нельзя не сказать и о той важной **роли, которую играли татары** в то время в государственной жизни Московии и в жизни самого царя. Татарские феодалы уже столетия подпитывали русское дворянство и воинское сословие, штурмовали Казань вместе с русскими воинами (в надежде на ханский престол и места близ него), имели большие привилегии, были вхожи в царский дворец, командовали русскими войсками, имели в своих уделах многочисленные русские города; касимовский хан Симеон Бекбулатович семь лет занимал царский престол в период опричнины.

Таких фактов можно привести множество.

Поэтому можно говорить о татарской нации как о достаточно глубоко интегрировавшейся в общественную и государственную жизнь Руси, и особых психологических барьеров перед татарами и их культурой у русской правящей феодальной верхушки, вероятно, не возникало.

После вхождения в пределы Московского государства мусульманских земель Поволжья, Урала и Сибири в русской архитектуре можно наблюдать загадочный всплеск декоративности, который исследователи обычно напрямую не связывают с этим фактом. Однако, как уже говорилось, появление и широкое распространение в XV—XVII вв. на Руси характерных для мусульманского зодчества высоких и стройных башен-колоколен, луковичных маковок, крещатых сводов, орнаментов, пёстрой раскраски и росписей, изразцов и надписей на фасадах, «мукарнас» (в русском искусствоведении более употребительно название «городки»), многолопастных, подковообразных, килевидных и стрельчатых арок всё же наталкивает на некоторые размышления.

Показательной в этом отношении является удивительная архитектура храма-памятника в честь взятия Казани, где многие из перечисленных элементов впервые можно увидеть в виде органической составляющей русской церковной архитектуры.

В сообщении о восьмибашенной мечети легко угадывается обыкновенная османская джами, близкая по своей архитектуре к мечетям второй половины XVI столетия, строившимся великим османским зодчим Синаном в разных городах империи и за её пределами [56]. Центральный объём такой мечети обычно окружён одноэтажными пристроями, где размещаются помещения медресе и ханака. Углы комплекса иногда закрепляются высокими (часто многоярусными) минаретами (рис. 2-3).

Наилучшей иллюстрацией к сказанному может стать мечеть-медресе Михрима-Султан в Эдирнекапи (1578 г.) (см.: Kuran A. 1984: fig. 120—123), в Истанбуле, угловые башни которой имеют вид многогранных минаретов, фланкирующих углы квадратного подкупольного четверика (рис. 2-5), и воспринимаются как непосредственное продолжение традиции аль-Джами аль-Кабир города Булгар (см. об этом: Халит Н. Главная мечеть Золотой Орды 1995: 79—92), но уже в духе османской школы зодчества. Один высокий угловой минарет возвышается здесь над северо-западной частью здания. С севера к мечети примыкает прямоугольный двор, обрамлённый крытой многокупольной галереей, за которой справа и

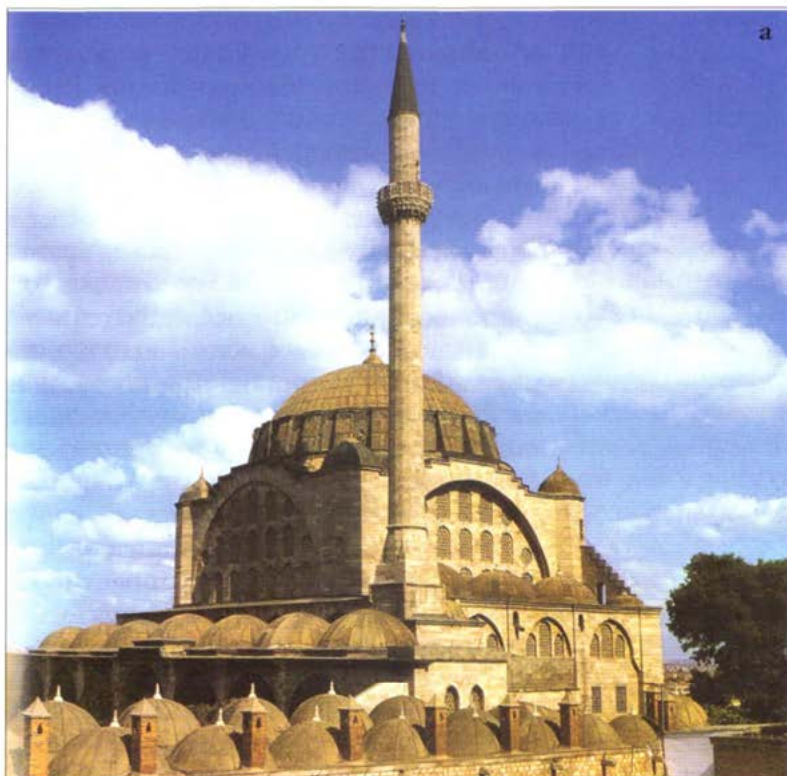
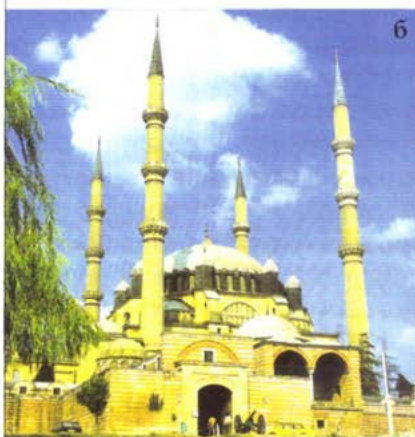

Рис. 2-5.
Османские
прототипы
булгарских
многобашенных
мечетей.
а. Михрима-
султан-джами в
Стамбуле (XVI в.).
б. Селимие-джами
в Эдирне (*Зодчий
Синан*, Османская
империя,
сер. XVI в.).
в. Соколу
Мехмед-паша-
джами в Люле-
бургаз, Стамбул
(*Зодчий Синан*,
Османская
империя, сер.
XVI в.).

слева от мечети тянутся худжры для шакирдов. В центре двора многогранный киоск на каменных столбах.

Нечто подобное могла представлять собой и аль-Кабир города Казани, с той лишь разницей, что высоких минаретов у неё было четыре, в каждом углу здания (рис. 2-27). По крайней мере, воплощение именно такой идеи читается в архитектуре собора Василия Блаженного в городе Москве.

Архитектура этого храма является, может быть, единственным говорящим свидетелем той эпохи, готовым рассказать нам о тайнах исчезнувшей в реке времени главной казанской мечети, конечно, если мы сможем её подробно расспросить, внимательно выслушать и всё правильно понять.

Какие же аргументы можно привести в пользу такого предположения?

Всякое произведение архитектуры, а уж тем более храм-памятник, несёт в себе отголосок определённой идеологии. Какова же была основная идея этого храма?

Как сообщал летописец, заказ на построение храма поступил непосредственно от царя, причём в виде директивы: сделать церковь о восьми приделах.

Мог ли Иван IV захотеть отразить в Москве формы казанского зодчества, и по какой причине? Судя по воспоминаниям современников, татарская столица произвела на него большое впечатление: *«Царь же великий, облегиши Казань и объехав вокруг города, и смотрящие стенныя высоты и мест приступных, и увидев, и удивися необычной красоте стен крепости града»* (Сказание о Царстве Казанском. 1959: 134). По словам летописца, царь сожалел о трагической судьбе защитников города: *«И приехав на великую площадь ко цареву двору, и ту соиде с коня своего, дивяся во уме своем и чюдяся... и жалости и радости наполнився, рече: «О колико народ людии паде единым малым часом, единого ради града сего! И не без ума положиши главы своя казанцы до смерти, яко велика бе слава и красота царьства сего»* (Сказание о Царстве Казанском. 1959: 150).

Уничтожив мятежный город вместе с его защитниками точно так же, как незадолго до этого были уничтожены Полоцк, Псков, Новгород, московиты не отторгли достижения его культуры и зодчества, активно используя их в новомосковской культуре и положив начало архитектуре империи.

Ярким образцом такого произведения имперской (уже не чисто русской!) архитектуры стал Покровский собор в Москве, по желанию самого царя принявший формы поразившего его своей красотой казанского зодчества.

Однако законы большой политики, в которой двадцатидвухлетний тогда Иван, вероятно, ещё был не слишком искущён, внесли поправки в его планы. Несмотря на то, что *царь заказал восьмиглавый храм*, Посник и Барма, по словам летописца, *«основаша девять престолов не якоже повелено им, но яко по бозе разум даровася им*

в размерении основания». Таким образом, основная идея царя была искажена возведением центральной башни. По мнению И. Э. Грабаря, «в группировку масс собора внесена идея не одного только «размерения основания», и что, кроме зодчих Бармы и Посника с товарищами кто-то еще входил в дело сооружения храма, и притом настолько, что руководящая идея принадлежала ему, и что Барма и Посник... только «быша премудри и удобни таковому чудному делу». Следовательно, ликвидация «аполитичной» идеи полного копирования казанской мечети, неподвластная воле зодчего и даже самого царя, как считают исследователи, могла быть только делом рук митрополита Макария (Грабарь И. Э. 1909: 46), вдохновителя и организатора крестового похода в Поволжье, идеолога «Церкви Воинствующей».

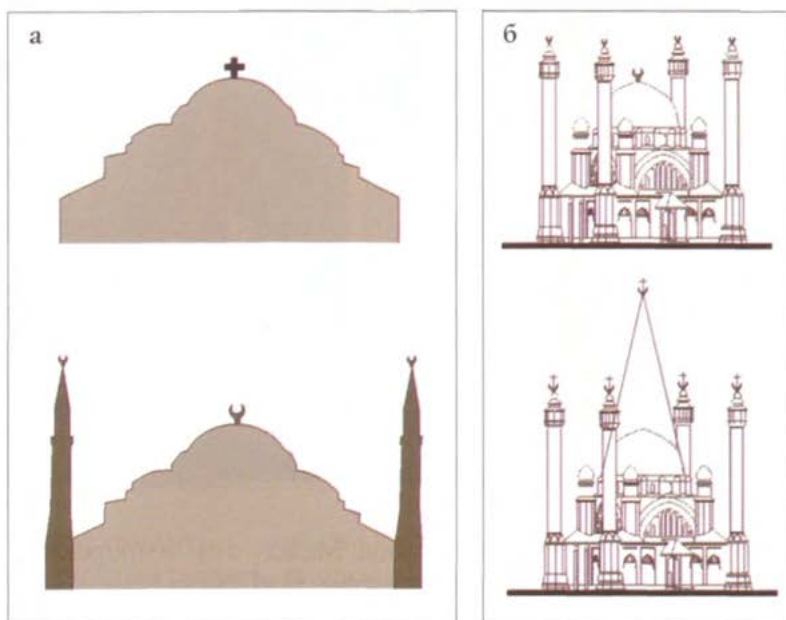
Масштабы этого величественного здания даже в наше время, после надстройки башен Кремля и колокольни Ивана Великого, появления огромных зданий Торговых рядов и Исторического музея, впечатляют. Тогда же, в середине XVI века, собор впервые в истории Москвы стал общегородской композиционной доминантой, затмившей ансамбль церквей Кремля. Только надстройка в 1600 году колокольни Ивана Великого сумела вернуть Кремлю часть утраченных позиций. Всё это говорит о том огромном значении, которое придавалось этому событию в то время.

Смысл **местоположения** храма можно, в принципе, вывести из титула, принятого Иваном после этого события: «Царь и Великий князь..., царь Казанский, царь Астраханский...» То есть выводя монумент за пределы русского Кремля, где вся архитектура была символически преемственна русско-византийским традициям и соответствовала русским княжествам в титульном списке, царь невиданной прежде «басурманской» архитектурой храма-памятника образно воплощал власть над мусульманскими землями, имевшими своё соответствие в его новом титуле.

Однако это ещё не всё. Кроме факта завоевания сопредельного государства, в образе храма отразилась и другая идея: **мечеть, увенчанная крестом**, — своеобразное программное заявление «Церкви Воинствующей», в какую переродилось русское православие после созыва в 1551 году Стоглавого собора в Москве.

Однако всё это ещё не объясняет столь вызывающую доминантность масс и архитектуры собора, подавившего своими явно чужеродными формами «исконный» ансамбль Кремля. Понять этот феномен, видимо, можно только

Рис. 2-6. Идея реконструкции образа храма как символа победы одной религии над другой.
 а. Реконструкция храма Софии Константинопольской (сер. XV в.).
 б. Реконструкция Казанской аль-Кабир в образе храма Василия Блаженного (сер. XVI в.).

обратившись к идее Москвы как «Третьего Рима (а четвёртому не бывать)». Свое первоначальное воплощение она получила, как считал Н. И. Брунов, в архитектуре Успенского собора после женитьбы в середине XV века великого князя Ивана III на Софье Палеолог, дочери последнего византийского императора (Брунов Н. И. 1988: 35) [57]. Надо сказать, что идея «Третьего Рима» архитектурой Успенского собора, сколь бы он величественным ни выглядел, явно не передавалась. Поруганная турками Святая София Константинопольская, бывшая символом «Второго Рима», оказалась не отражённой в символике

Рис. 2-7. Храм Софии Константинопольской, переделанный под мечеть. Турция. Современное фото.

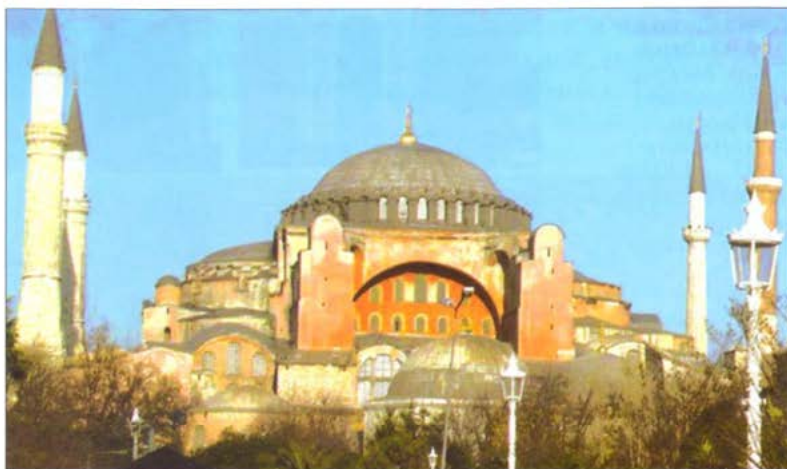

Рис. 2-8. Формы центрального столпа храма Василия Блаженного. Венчающий шатёр и его исламская аналогия в композиции, пропорциях, характере декорировки.

а. Шатёр центрального столпа. **б.** Мечеть Рамазаноглу в Адане (Турция. XII в.).

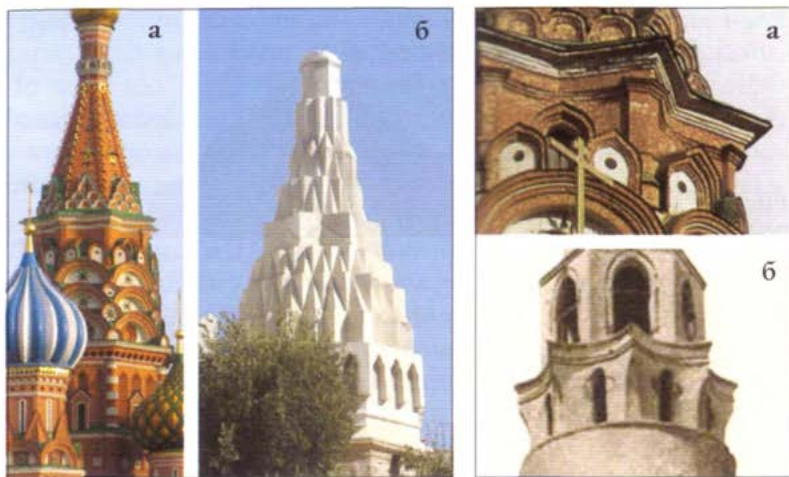
Рис. 2-9. Формы центрального столпа храма Василия Блаженного. Венчающий шатёр. Звездообразный ярус и его исламская аналогия.

а. Звездообразный ярус центрального столпа. **б.** Мечеть Исна в Каире (Мамлюкский султанат).

Рис. 2-10.

Центральный столп храма Василия Блаженного и элементы заимствованные из мамлюкского стиля: **а.** Элемент центрального столпа храма Василия Блаженного. **б.** Аналогия: Каир. Медресе и мавзолей ан-Насира Мухаммада, 1295—1303 гг. (ранний мамлюкский период). Фото автора, 1997 г.

в. Элемент центрального столпа храма Василия Блаженного. **г.** Египет. Мавзолей Хасана Фатхи.

этого здания. Между тем имперские притязания России спустя столетие требовали уже иной знаковости, более значительной символики, чем образ провинциальной византийской церкви.

Что могло символизировать гибель христианского Константинополя ярче, чем полумесяц над главным его храмом — Святой Софией? И что могло стать символичнее креста над главной мечетью Казани — поверженного гроз-

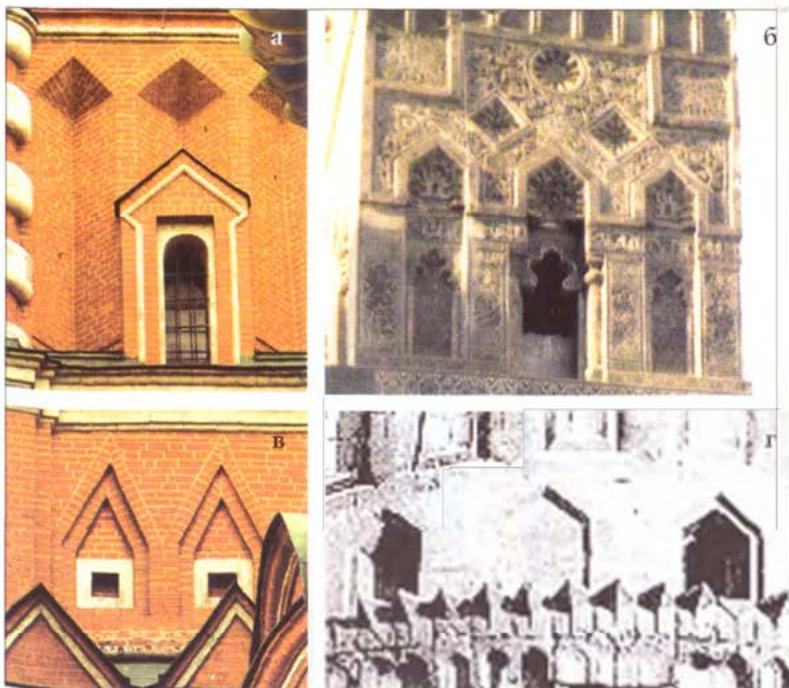

Рис. 2-11. Формы центрального столпа храма Василия Блаженного и их исламские аналогии.

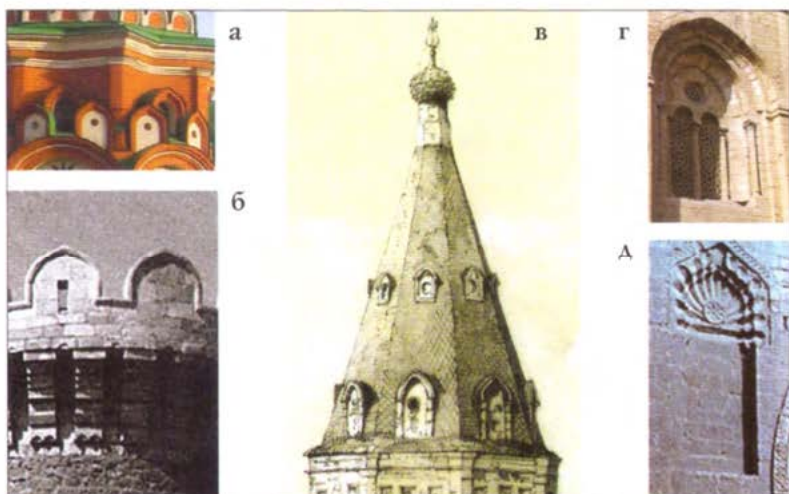
а. Стрельчатые зубцы с отверстиями в основании звездообразного яруса центрального столпа.

б. Замок Шейха в с. Мардякян (Апшерон, Азербайджан, 1232 г.).

в. Николо-Гостинодворская церковь в Казани (предположительно, сер. XVI в.).

г. Мечеть Калауна в Каире (Мамлюкский султанат).

д. Мечеть султана Бейбарса в Каире (Мамлюкский султанат).

ного сателлита османов в Поволжье, аллегорически перенесённого на главную площадь Москвы и возвысившейся над всеми её церквями, — точно так же, как полумесяц на Аия Софии возвысился над всеми мечетями Истанбула? Тем более, если главная мечеть Казани действительно напоминала своей архитектурой Аия София-джами.

Центральный шатёр храма Василия Блаженного даёт не менее любопытный набор элементов на интересующую нас тему.

Уже сама композиция шатра, традиционно считающегося в русской литературе неоспоримым изобретением московской школы зодчества (?!), имеет едва ли не буквальную аналогию в сельджукской архитектуре, причём намного более раннюю. Сопоставляя складчатый шатёр сельджукской Улу-джами в Адане (терр. совр. Турции) с центральным шатром Покровского собора, мы видим совпадение пропорций силуэта, основных членений, общего характера пластики поверхности и даже близкое подобие некоторых ярусов (среднего звёздчатого и нижнего аркадного, а также верхнего барабана). Таких совпа-

Рис. 2-12. Формы центрального столпа храма Василия Блаженного и их исламские аналогии.

а. Стрельчатые зубцы с отверстиями в основании звездообразного яруса центрального столпа и их обрамление.

б. Усыпальница султана Салиха Нигматдина в Каире (Мамлюкский султанат).

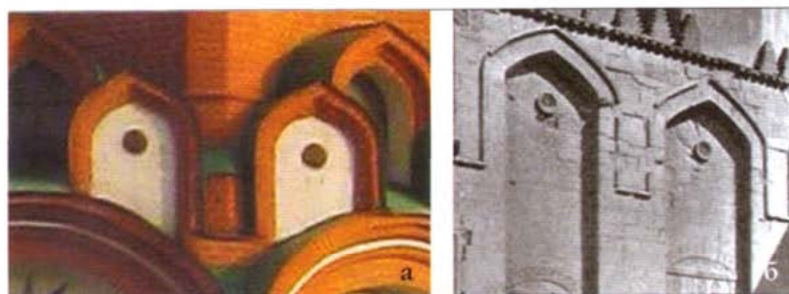
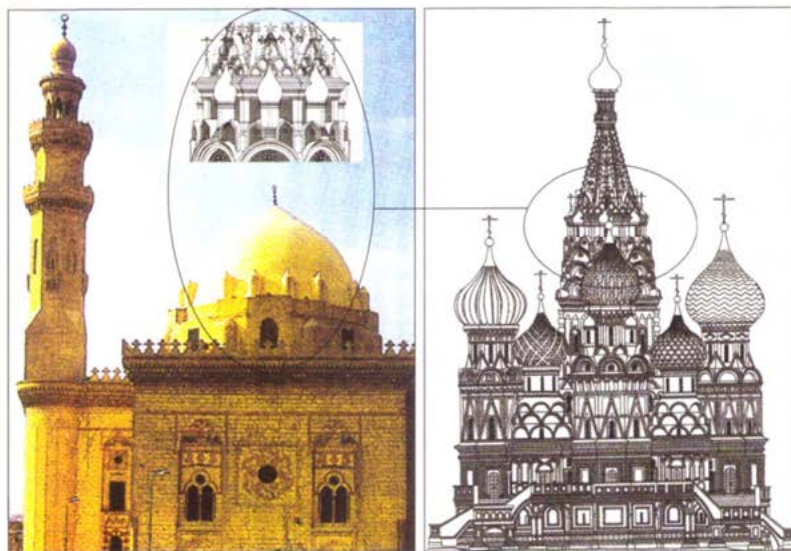

Рис. 2-13. Мечеть и усыпальница султана Хасана (XV в.).

Рис. 2-14. Покровский собор в Москве (1556—1562 гг.), прорись по рис. А. Мейсберга (XVI в.).

дений не бывает: в Казани стояло сооружение, увенчанное подобным же шатром, и, возможно, более близкое по стилю формам храма Василия Блаженного. Об этом говорит, например, оформление нижнего восьмерика шатра московского храма, выполненное буквально в формах мамлюкских памятников Каира.

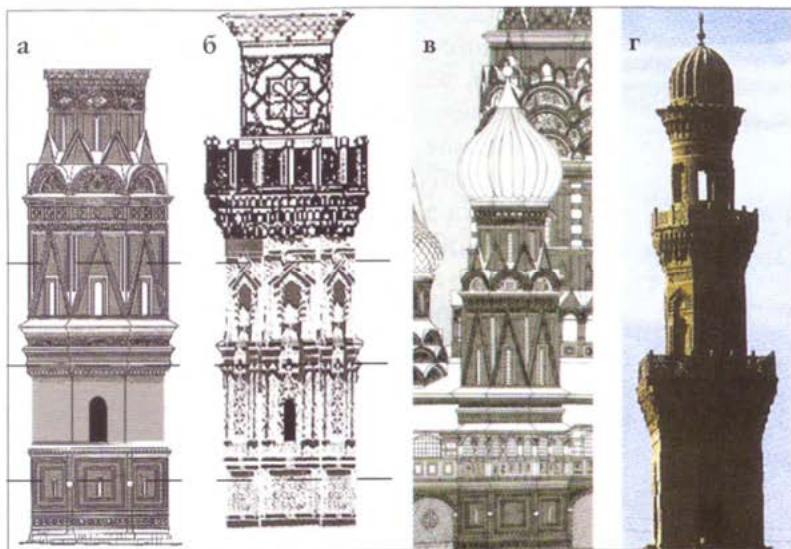
Звездообразный ярус шатра имеет оконные проёмы, перекрытые стрельчатыми арками булгаро-золотоордынского типа и дополнительно оформлен вертикально вытянутыми стрельчатыми кокошниками с круглым декоративным отверстием. Форма для русской архитектуры новая, но для сельджукской и мамлюкской вполне обычная и имеющая разнообразные вариации по типам арок. Аналогии им находятся на фасадах шатровой церкви Николы Гостинодворской в Казани, построенной, предположительно, сразу же после завоевания города русскими. Особенно характерно для сельджукского и мамлюкского стилей обрамление арок непрерывной лентой профиля.

Обратим внимание на 12 небольших барабанчиков с маковками вокруг основания центрального шатра, а также и

Рис. 2-15. Формы центрального столпа храма Василия Блаженного и их исламские аналоги.
 а. Венчающий шатёр, керамические шары.
 б. Улу-джами в Дивриги (Сельджукское государство).
 в. Ешиль-джами в Изнике (Сельджукское государство).
 г. Деталь портала мечети Узбека в Старом Крыму (XIV в.).

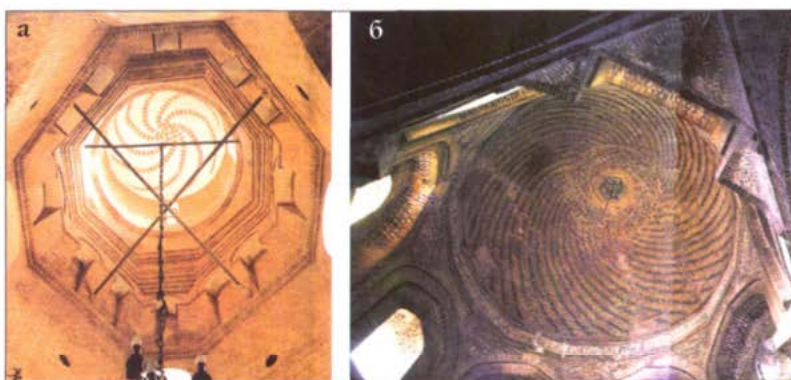

Рис. 2-16.
«Столпы» собора
и их исламские
аналогии:
а, в. Покровский
собор, придел
Входа в
Иерусалим.
б, г. Минареты
мамлюкского
времени в Каире
(Египет, XV в.).

одного из «столпов» (рис. 2-13) (ныне они отсутствуют) — прямо скажем, непонятного назначения, если смотреть на них с позиций русской церковной традиции. Однако всё становится ясно, если подходить к ним с точки зрения чисто конструктивной, если вспомнить ещё раз о том, каким образом могла сложиться вообще эта композиция храма-памятника. Эти башенки, столь характерные для культовых мемориальных и даже бытовых сооружений средневекового Египта, Азербайджана, Афганистана, Турции, размещались по периметру основания центрального купола в количестве от 8 до 16 штук, выполняя там роль пинаклей, сдерживавших распор купола и предохранявших его от статического разрушения (рис. 2-13). Надо думать, такие были и на казанской мечети, что побудило зодчих использовать их как декоративный рудимент у основания центрального шатра Василия Блаженного.

Рис. 2-17.
Имитация
конструктивной
системы
исламских
куполов в
архитектуре
храма Василия
Блаженного.
а. Покровский
собор, спиральная
кладка свода
в одном из
пределов.
б. Аналог: Улу-
джами в Малатии.
Спиральная
кладка свода
(Турция, XII в.).

Особо следует остановиться на изразцах, украшающих поверхность центрального шатра. Подобное решение, когда в гладь кирпичной кладки вкрапляются поливные кирпичики разнообразной формы, — один из обычных приёмов сельджукского стиля. Точно такой же шар, окружённый сиянием, украшает портал золотоордынской мечети Узбека в Старом Крыму (кстати, наиболее близкой аналогии Соборной мечети Булгара). В русской же архитектуре ни до ни после появления Покровского собора такой системы декорирования не наблюдалось, о чём специально оговаривались исследователи. С полным основанием можно отнести этот декоративный приём к специфическим элементам татарского стиля средневековой Казани. То же самое можно сказать и о многочисленных изразцовых шарах, украшающих шатёр: для сельджукского стиля элемент самый обычный, а для русской архитектуры — нет.

Итак, если центральный пирамидальный объём и боковые кубические приделы вполне преемственны в русской архитектуре сами по себе, то что из себя представляют **четыре других столпа**, где искать их архитектурные прообразы?

Рис. 2-18. Покровский собор в Москве. Маковки периметральных приделов храма Василия Блаженного, семантика их форм и аналогии.
а. Маковка восточного столпа — придела Троицы.
б. Чалма мусульманского законоведа Дивана в Каире.
в. Аналогия рельефу купола: мечеть и медресе Ильгай аль-Юсуфа в Каире (1373 г.).

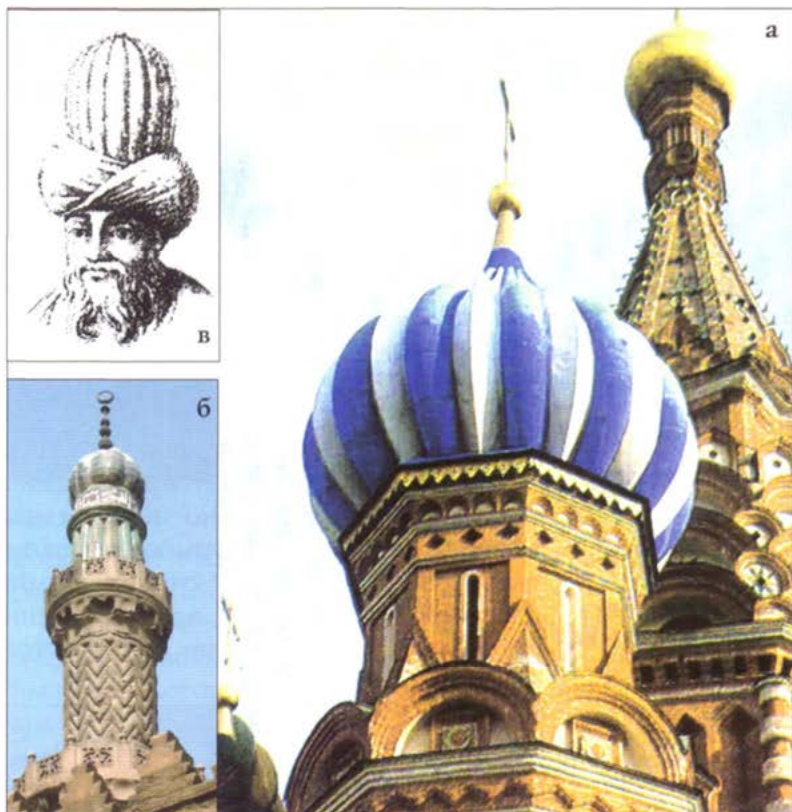

Рис. 2-19.
 Маковки
 периметральных
 приделов
 храма Василия
 Блаженного,
 семантика их
 форм и аналогии.
 а. Маковка север-
 ного столпа —
 придела Троицы.
 б. Аналогия
 рельефу купола:
 Каир. Мечеть и
 медресе Ильгай
 аль-Юсуфа в
 Каире (1373 г.).
 в. Чалма шейха.

Кстати, обратим внимание на то, что повсюду их всегда именуют «столпами», так же как и минареты в русской историографической традиции. Это не колокольни, церквями их тоже назвать сложно. Одно слово — столпы... Их восьмигранная ступенчатая форма явно не традиционна для русской церковной архитектуры того времени, что побудило исследователей искать истоки их в деревянном (Забелин И. Е. 1900; Павлинов А. М. 1894: 147, 148) и даже оборонном (Ильин М. А. 1978: 242) зодчестве. Единственным, может быть, исключением стала колокольня Ивана Великого, новаторски выстроенная в 1505—1508 годах итальянцем Боном Фрязином, и достаточно близкая к упомянутым башням Василия Блаженного по компоновке объёмов [59]. Но о происхождении этого типа сооружения, равно как и его форм, можно было бы поговорить отдельно. Там не всё так просто...

Впрочем, анализируя пропорции, силуэт, соотношение масс и конкретные архитектурные формы восьмигранных столпов церкви Покрова, можно легко найти аналогии в архитектуре Волго-Камья [60], а также в Османской империи [61], и даже на Ближнем Востоке [62]. Строго говоря,

восьмигранные столпы Василия Блаженного отличались от многих минаретов, к примеру, мамлюкского Каира, лишь отсутствием внешней галереи, заменённой здесь за ненадобностью двумя рядами кокошников, и совпадали во многом остальном, вплоть до луковичных завершений башен [63]. Восьмигранная форма башни вполне традиционна и в поволжском исламском зодчестве.

Похожие «столпы» окружают и Дьяковскую церковь, даже, может быть, в более явной форме имитирующей архитектуру османской мечети. Если же «раздеть» оба памятника до их композиционной основы, то наличие одного прототипа здесь становится совершенно очевидным.

Ещё более убеждает сравнение с Дьяковской церковью, где эта гипотеза получает прямо-таки зримое подтверждение: здесь совершенно невероятные с точки зрения русского церковного формообразования цилиндрические полубашенки окружают очень напоминающий турецкий по своей форме купол, весьма странно выглядящий на православном храме. При этом тектоническая несерьёз-

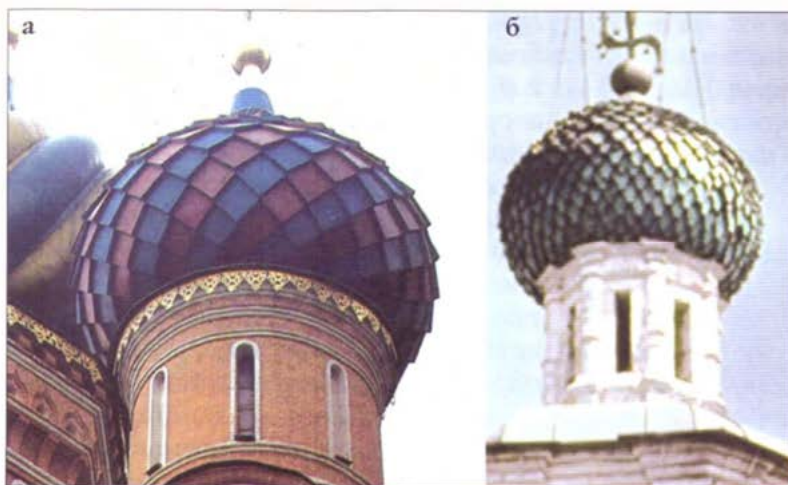
Рис. 2-20.
Маковки
периметральных
приделов
храма Василия
Блаженного,
семантика их
форм и аналоги.
а. Маковки
северо-западного
придела Григория,
Просветителя
Армении, и
придела Входа в
Иерусалим.
б. Чаалмы высоко-
копоставленных
духовных лиц
Османской
империи.
в. Маковка
Никола-
Гостинодворской
церкви в Казани
(XVI в.).

Рис. 2-21.
Маковки
периметральных
приделов
храма Василия
Блаженного,
семантика их
форм и аналоги.
а. Маковка
кожного столпа —
придела Николая
Великорецкого.
б. Аналог
рельефа купола:
Египет. Каир.
Комплекс
Баркукия.
Поздний
мамлюкский
период, 1399—
1412 гг. Купол
медресе.

Рис. 2-22.
Чешуйчатые
маковки в
московском
и казанском
зодчестве.
а. Маковка
собора Василия
Блаженного
б. Маковка
Никола-Нисской
церкви в Казани
(нач. XVIII в.).

ность всей этой композиции явно намекает на чисто символический характер этих форм.

Особо хочется остановиться на формах **тюרבанообразных маковок** над боковыми приделами, разнообразие и пышность которых придают, может быть, наибольший шарм архитектуре собора [64]. Подобное решение, насколько мне известно, не встречалось в русской архитектуре XV—XVI веков более нигде. По этой причине его никак нельзя назвать «типично русским», хотя многие авторы и пытались искать прототипы некоторых из них в лемеховых покрытиях деревянных храмов Севера (правда, более поздних), в еловых шишках и в буйной фантазии зодчих. Думаю, однако, разгадка здесь лежит на поверхности, особенно, если вооружиться предложенной выше концепцией генеральной идеи, заложенной в архитектуру храма-памятника изначально.

Эти луковичные, весьма характерные для памятников мусульманского Востока маковки, по своему внешнему оформлению и семантике заложенной в них пластической информации соответствуют ничему иному, как иерархии головных уборов различных чиновных и религиозных сословий Османской империи. Например, витые маковки приделов Троицы и Александра Свирского — чалмам муфтия и мусульманского законооведа Дивана в Каире (рис. 2-18), рифлёная маковка придела Киприяна и Устиньи — чалме шейха (рис. 2-19), шипастые маковки приделов Входа в Иерусалим и Варлаамия Хутынского — чалмам высокопоставленных духовных лиц Анатолии и Османской империи (рис. 2-20), «сетчатая» маковка придела Григория, Просветителя Армении, — чалме стамбульского законооведа, члена Дивана (рис. 2-20) [65]. Поверхность маковок

приделов Николы Великорецкого, Киприяна и Устиньи, более позднего «годуновского» придела достаточно характерны для внешних покрытий культовых и мемориальных сооружений Средней Азии, Казахстана, Закавказья, Турции, Египта, Афганистана и др.

Логично будет предположить, что и покрытия «лемехом», использованные в приделе Трёх Патриархов, имели свои аналоги в архитектуре Казани. Подтверждением тому может послужить аномальная распространённость таких покрытий из голубых поливных плиток в церковной архитектуре Казанской губернии XVI—XVII вв., на что обращали внимание исследователи-краеведы.

Звёздчатый план основания центрального шатра (рис. 2-8) [66], его конструкция и оформление, орнаментация стен, способы их рельефной обработки и другие черты, связывающие архитектуру собора Покрова с зодчеством ислама, достаточно подробно рассмотрены Н. И. Бруновым (см.: Брунов Н. И. 1988: 131—139). И, не останавливаясь на уже сказанном, продолжим анализ элементов, пока не введённых в число аргументов того же порядка. К их числу можно отнести, к примеру, изначально выраженный вертикализм примыкающих столпов, что роднило их с минаретами, и **«пучкообразность» самой композиции собора**, скрытые сейчас **подклетом-террасой**. Она появилась позже, уже в XVII веке, и скрыла явную композиционную схожесть собора и мечетей (Ильин М. А. 1978: 243).

Упорно не желают замечать исследователи и яркие приметы восточного зодчества в **конструкциях** собора: своеобразную спиралевидную кладку куполов, тромпы (рис. 2-17) — «визитные карточки» исламского зодчества.

Во **внешнем декоре** собора совершенно отсутствует ордерность, уже освоенная в то время архитектурой русских церквей. И вообще, **«варварский»** (по определению И. Э. Грабаря) стиль этого здания, чуждый уже сложившимся традициям церковного зодчества, подтверждает мощное влияние какой-то иной эстетики, подавившей в этом здании уже наметившуюся тогда в русском зодчестве тенденцию к заимствованию западноевропейской ордерной системы [67]. Из конкретных декоративных деталей примечательны изразцовые сине-жёлто-зелёные звёздочки с выпуклыми полушарами, вделанные в кладку центрального шатра. Эти элементы можно, в частности, встретить в османской архитектуре XV—XVI вв. Присовокупим к этому затейливые многолопастные арочки (так хорошо

известные нам по магрибским, андалусским, индийским и таджикским памятникам средневековья), украсившие шатёр над могилой «блаженного» Василия в XVII веке (рис. 2-23), и мы получим достаточно наглядный набор «буковок», «слов» и даже целых «слов» из языка архитектуры исламских стран того времени.

Откуда же всё это взялось в архитектуре храма Василия Блаженного?

Не будем наивными: не было у русских зодчих середины XVI века возможностей в течение одного-двух лет, отведённых на возведение памятника, съездить во все перечисленные страны и ознакомиться там со всем многообразием памятников, чтобы создать синтетический образ восточной мечети, дабы увенчать её крестом. Не было, думаю, у них и консультантов, обладавших столь энциклопедическими познаниями. На этом языке разговаривала архитектура мечетей, мавзолеев, медресе, дворцов и фонтанов Казани и, может быть, Астрахани. Трофеем московитов, таким образом, стала не только их земля, но и архитектурная традиция, целый набор «арабизмов», «фарсизмов» и других заимствований, которые столетиями копились в монументальном зодчестве Булгарского и Казанского государства. Все эти поволжские «тюркизмы» и стали достоянием московской культуры, перекочевав впоследствии на фасады многочисленных теремов, церквей и других построек русского государства.

Каким же образом конкретно могло осуществиться такое достоверное воспроизведение татарских традиций в Москве? Думаю, одним единственным: руками татарских мастеров, руководимых человеком (одним или несколькими), хорошо знакомым с архитектурой Казани. Такой человек реально существовал, и имя его известно. Это Посник Яковлев, который много лет возглавлял строительство Казанского Кремля (и, как считают некоторые, Благовещенского собора в Казани), был хорошо знаком с татарскими памятниками. Некоторые исследователи видят во втором зодчем, принявшем участие в проектировании храма, татарского архитектора Барму (Красовский М. 1911: 167).

Существует, впрочем, и такая точка зрения: *«Поиски прообраза для Василия Блаженного лишены всякого смысла. Мы не найдём ему аналогий ни в зодчестве Востока и Запада, ни в русском. Он явился актом высо-*

чайшего подъёма творческой мысли и чувств русских художников» (Ильин М. А. 1978: 242). Что ж, эта позиция не нова. В завуалированной, наукообразной форме она отражена в книге И. Е. Забелина, в любой архитектурной детали XVI—XVII веков видевшего сермяжную «исконность» русской культуры, а в более откровенной форме — в известном высказывании: «Россия — родина слонов».

Мне так не кажется.

Татарский прообраз храма Василия Блаженного, несомненно, существовал. И это оказался настолько мощный импульс, что он сумел подавить традиционные церковные формы, сформировав совершенно иной, новаторский для русской культуры тип храма-памятника, нашедшего отголоски и разнообразные воплощения во многих городах Московского государства. С другой стороны, я бы не стал говорить о буквальном воспроизведении форм единственного казанского прототипа в архитектуре собора. Многочисленные мечети Казани и других татарских городов также могли отразиться в деталях его оформления. В их числе могли оказаться и элементы архитектуры Казанского Арка (Ханской цитадели), ставшего последним оплотом

Рис. 2-23.

Тромпы и многолопастные арки.

а. Покровский собор, тромпы. Юго-восточный малый придел Александра Свирского.

Аналог:

б. Тромпы в основании центрального купола мечети Омейядов в Дамаске (VIII в.).
в. Алжир. Мечеть Сиди бу-Медьен (XIV в. Михраб).

Рис. 2-24.

Многолопастные арочки на фасадах храма Василия Блаженного и их аналоги.

а. Придел Василия Блаженного (XVII в.).

б. Аналог: Кордовский халифат. Мечеть в г. Кордова (Андалусия, X в.).

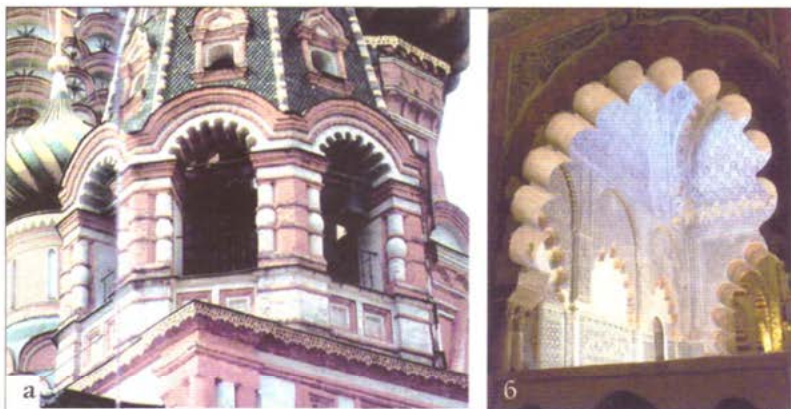

Рис. 2-25. Русские центричные храмы середины XVI века, предположительно, связанные с казанским походом Ивана Грозного:

- а. Николо-Гостинодворская церковь в Казани.
 б. Борисоглебский собор в Старице (1558 г.).
 в. Церковь в селе Остров.
 г. Церковь Иоанна Предтечи в Дьяково (1554 г.).
 д. Церковь в г. Козмодемьянске.
 е. Церковь в г. Балахне (1552 г.).

сопротивления казанцев и символом поверженной власти чингизидов. Возможно, именно поэтому в элементах архитектуры собора отчётливо читаются формы оборонного зодчества, в т. ч. и итальянского, на что обращали внимание исследователи [68].

Какой же мыслится архитектура аль-Кабир города Казани в итоге столь подробного анализа всех сопутствующих обстоятельств и косвенных данных?

Думается, принципиальная схема мечети была той же, что и у Старицкого, Дьяковского и Московского храмов: центричная композиция с центральным купольным объёмом, окружённым четырьмя минаретами. Архитектура Дьяковской церкви подсказывает, что это была мечеть османского типа школы Синана. Это могло быть высокое здание, возможно, с различными пристроями или окружающими постройками (медресе, ханака, гостиница, библиотека, столовая и др.), купольной композиции, окружённое четырьмя высокими минаретами по углам всего комплекса и четырьмя же угловыми башенками-пинаклями над углами основного объёма. Внешнее покрытие купола могло иметь иную, чем у османских джамии, форму, что обуславливалось прежде всего необходимостью тепло-

изоляции главного зала путём устройства чердачного перекрытия в форме, может быть, внешнего декоративного купола. Такое решение плодотворно практиковалось, например в Средней Азии [69]. Вокруг основания купола возвышались небольшие башенки-пинакли, сдерживавшие распор купола, числом, ориентировочно, от 8 до 16. Минареты и прочие завершающие элементы здания могли быть луковичными маковками разнообразной формы.

Минареты мечети, в отличие от османских, могли иметь утяжелённые, «булгарские» пропорции, на что указывает, в частности, форма «столпов» Василия Блаженного, близких по своим пропорциям булгарским башням.

Загадки, загадки... Загадки ханской Казани. И мечеть аль-Кабир — одна их самых волнующих, не скоро ещё она будет разгадана. Где обнаружатся её следы? Пройдут годы, археологи наткнутся на остатки фундаментов, обнаружат разбитые резные камни и изразцы под поверхностью земли. А может — высоко наверху? Ведь могли же на фасады Василия Блаженного перекочевать и какие-то другие «трофеи» из Казани: кроме архитектурных форм и идей, это могли быть камни и изразцы мечети или что-то другое? И тогда можно будет уже более предметно говорить о её архитектуре. Пока же наш удел — мысленный поиск, и, может быть, его результаты лягут кирпичиками в загадочный образ исчезнувшей когда-то главной мечети Казани...

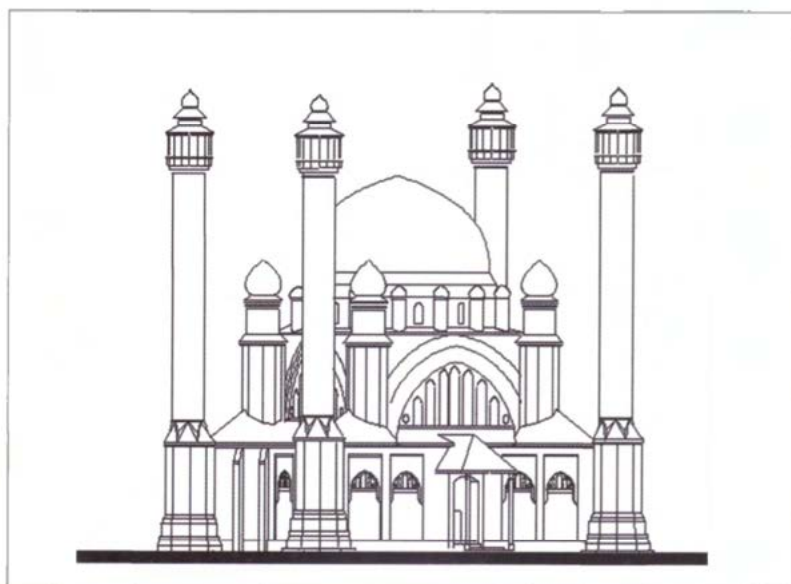

Рис. 2-26.
Восьмибашенная
мечеть в г. Казани.
Композиционная
идея.
Реконструкция
автора.

ХАН-ДЖАМИ

Мечеть — неотъемлемый элемент дворца любого исламского правителя. Примеров дворцовых мечетей было множество начиная уже с первых лет ислама; из наиболее же близких нам можно указать дворцовые комплексы в Бахчисарае, Стамбуле или Баязете, Бухаре, Баку с их неизменным элементом — мечетью (рис. 7-1, 7-2). Совершенно не обязательно это была лучшая или самая красивая мечеть города, скорее наоборот. Строгость и аскетичность форм лишь подчёркивали значимость мемориала. Она могла служить местом погребения государей (Баку), либо для этого устраивалось специальное кладбище в престижном месте (Стамбул, мечети Айя София и Сулеймание) (рис. 3-3). Несомненно, так же было и в Казани: вопрос состоит лишь в том, где именно это здание находилось и как выглядело (рис. 3-4). Здесь, как и в других подобных случаях, могли найти упокоение представители ханской фамилии, другие случайно скончавшиеся в Казани чингизиды, сеиды, мусульманские святые... Подобный некрополь всегда образуется вокруг какого-либо престижного пантеона или захоронения (вспомним хотя бы Красную площадь в Москве). Поэтому не следует удивляться изображениям или находкам остатков монументальных усыпальниц близ Ханского двора, хотя сами ханы были захоронены в мечети.

И, действительно, современники неоднократно упоминали о том, что в казанском Югары Кермане [70] была «Царева» (Ханская) мечеть, служившая пантеоном казанских ханов (поминальная мечеть). Об этом свидетельствует и эмоциональная характеристика, приведённая в рукописи XVI века «Казанский летописец» (КЛ) «...в мерское святыхице Бахметево в мечеть цареву, идеже умерших нечестивых царей казанских скверныя и гнилыя и мотыльныя и смрадная телеса погребяхуся» (Сказание о Царстве Казанском. 1950: 179) [71]. Вероятно, это было достаточно обширное здание, поскольку здесь же упоминается о тысячах женщин, священнослужителей и приближённых хана, укрывшихся в нём во время штурма Казани русскими. Даже если летописец и преувеличил, всё равно будь ханы похоронены в отдельной усыпальнице, то в неё едва ли могла бы поместиться и пятая часть этих людей, о чём, конечно, не мог не знать её автор, проживший при Ханском дворе более 20 лет.

Думаю, под словом «мечеть» здесь подразумевается не только здание, но и весь культовый комплекс, включая некрополь с усыпальницей и внутренний двор, защищённый каменной стеной. Именно так выглядит, к примеру, комплекс Шахской мечети Дворца Ширван-

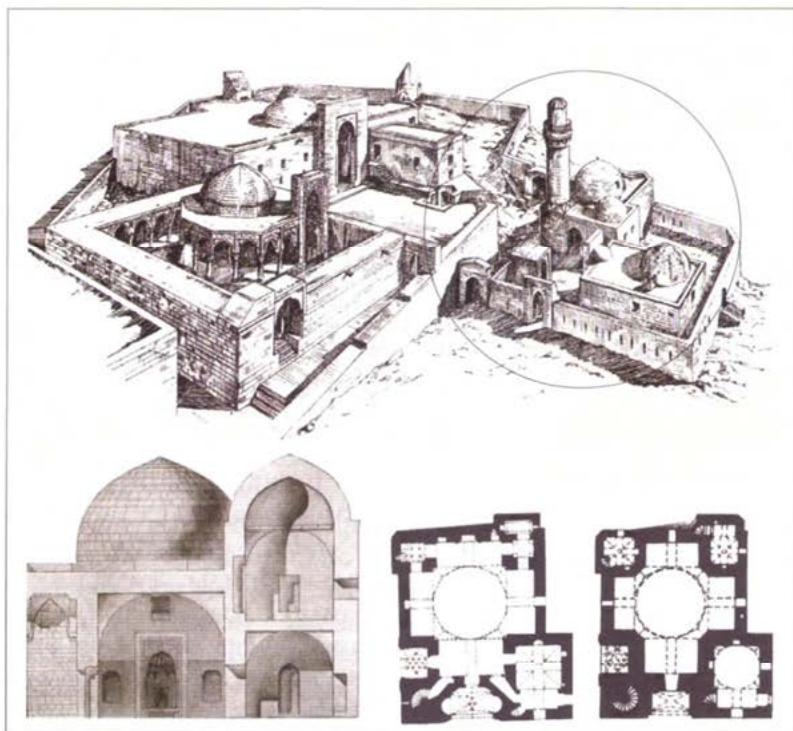

Рис. 3-1.
Комплекс дворца
Ширваншахов
в г. Баку и
Дворцовая мечеть
(Азербайджан,
XV в.).

шахов в Баку, выстроенной примерно в те же годы (рис. 3-1).

Сохранились скудные воспоминания о её интерьерах: «по стенам золотоканья запыны, на царских гробех покровы драгия, усаженные женчюгом и камением драгим» (Сказание о Царстве Казанском. 1950: 179), из чего можно почерпнуть то, что над могилами стояли саркофаги ханов, покрытые тканями, — в точности так, как это издревле делалось во всех мусульманских странах (рис. 3-3б).

Как могло выглядеть это здание и сохранились ли его изображения?

Среди многочисленных видов средневековой Казани, авторы которых (или их консультанты), безусловно, имели возможность видеть Казань того времени, лучше всего атрибутированию поддаются летописные миниатюры, напрямую связанные с историческими событиями и имеющие конкретную привязку к местам, описанным в летописи. В их числе прежде всего следует обратить внимание на миниатюру из КЛ, запечатлевшую сцену пленения хана Ядыгара русскими воинами. Единственное здание на этом рисунке не может быть ничем иным, как Ханской мечетью, так как именно в ней по тексту КЛ и был захвачен русскими воинами хан (рис. 3-5). Мы видим двухэтажное

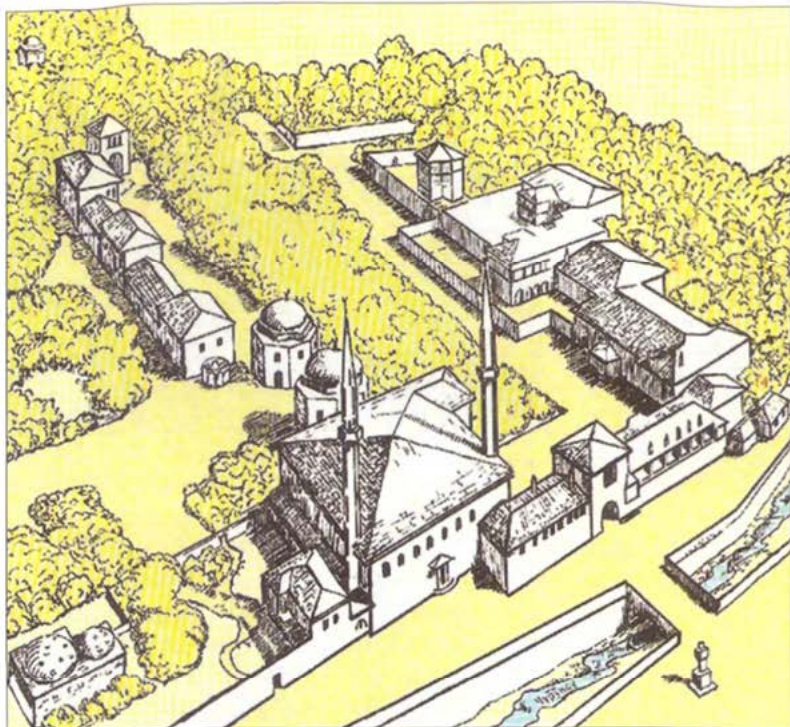

Рис. 3-2.
Хан-Сарай и
Дворцовая мечеть
в Бахчисарае
(Крым, XVI—
XVIII вв.).

каменное строение с двускатной крышей и выделенным украшенным карнизом. На высоком щипце — стрельчатое окно или фронтонная лоджия (дворовый михраб?). Минарета нет. Большую арочную дверь с торца можно не принимать во внимание, поскольку иных способов у художника изобразить сцену пленения, чем показать хана в проёме двери, не было. Хотя, конечно, дверь в мечеть могла иметь и такой вид. В точности ту же ситуацию мы видим и на миниатюре из ЛЛС (л. 880 об.), где хан в сопровождении воинов выходит из здания с дву-

Рис. 3-3.
Усыпальницы:
а. Некрополь
у мечети
Сулеймание в
Стамбуле (Турция,
XVI в.).
б. Интерьер
гробницы
Сулеймана
Великолепного
в комплексе
Сулеймание в
Стамбуле (Турция,
1556 г.).

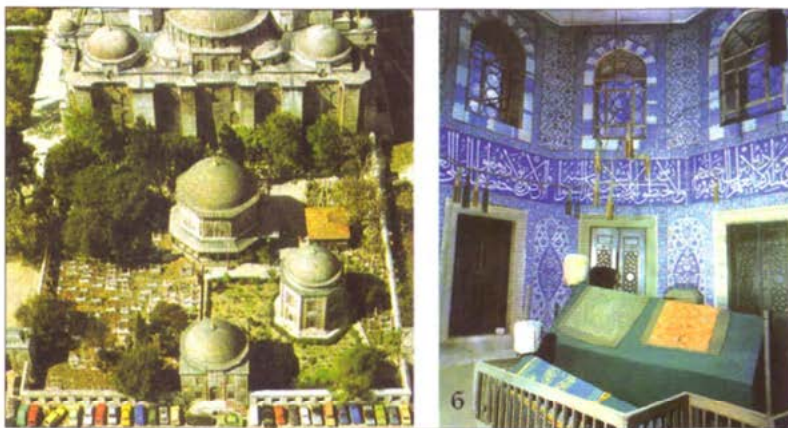

Рис. 3-4.
Ансамбль
казанского
Арка (ханского
двора) XVI века.
Реконструкция
автора.

скатной крышей и отдельно стоящим цилиндрическим минаретом.

Есть и другие изображения. На «Копии с подлинного 1552 года чертежа осады Казани» [72] — опять подобное же двухэтажное здание, но с невысоким минаретом на крыше, причём подписанное «мечеть» (рис. 3-5). На миниатюре «Изгнание злого духа» из КЛ [73] слева от «духа» мы вновь видим условно изображённое здание с высоким шатром на крыше, близкое к тому, что изображено в сцене пленения Ядыгар-хана [74] (рис. 3-5).

Наиболее реалистичное изображение Казани XVI века — рисунок из книги Адама Олеария [75]. На нём слева

Рис. 3-5. Хан-джами на средневековых изображениях:

а. Сцена пленения хана Ядыгара, рис. из КЛ.

б. Мечеть с «Копии с подлинного 1552 года чертежа осады Казани».

в. Возможное изображение мечети с иллюстрации к КЛ «Изгнание злого духа...».

г. Фрагмент рисунка Казани из книги А. Олеария.

д. Фрагмент иконы «Кондак взбранной воеводе победительная».

е. Фрагмент миниатюры из ЛЛС, л. 880 об.

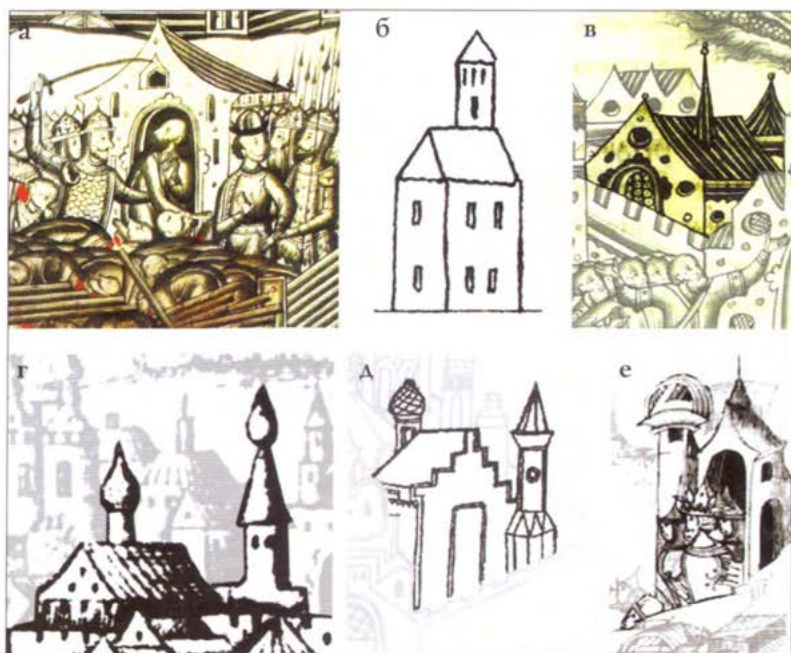

Рис. 3-6.
 а. Арк Казан на панораме Казани из книги А. Олеария.
 б. Археологические остатки древних сооружений у подножия Дворцовой церкви и башни Сююмбике. Ситуационный план А. Г. Ситдикова.

от монументальных Западных ворот Ханского двора хорошо различим целый комплекс сооружений (рис. 3-6), и в их числе опять обширное двухэтажное здание с двускатной крышей, а также низкая постройка с высокой башней (или минаретом), увенчанной высоким шатром с маковкой. И, наконец, буквально такой же комплекс на иконе «Кондак взбранной воеводе победительная» [76] (рис. 3-5): прямоугольное здание с двускатной крышей и отдельно недалеко стоящий минарет. Рядом с ними — всё та же монументальная проездная башня.

Каждый из приведённых источников, хотя и в своеобразной художественной интерпретации, показывает одну и ту же композицию: прямоугольное в плане одно-, двухэтажное здание с двускатной фронтовой или шипцовой крышей с фронтовыми (шипцовыми) окнами. Над крышей возвышается башенка, увенчанная луковичной главкой. Минарет цилиндрической формы на расширенном основании без внешней шерефе стоит рядом с мечетью.

Кажется, этого уже вполне достаточно, чтобы поверить в то, что в районе Ханского двора действительно находилась мечеть подобной композиции.

Но была ли это Хан-джами?

Результаты археологических исследований 1998 года под руководством Ф. Хузина показали, что церковь была зало-

жена, видимо, вскоре после завоевания Казани в непосредственной близости от здания Ханской мечети и Ханского кладбища. Однако качественно выполненные фундаменты церкви были заброшены вплоть до 1-й половины XVIII века, когда в рамках масштабных работ по строительству Оберкомендантского дома появился комплекс дозорной проездной башни и церкви Сошествия Святого Духа на старом фундаменте. Другой раскоп 2003 года (руководитель Р. Ф. Шарифуллин) даёт основание предполагать, что, действительно, к юго-востоку от Дворцовой церкви вплоть до конца XVII столетия стояла обширная каменная мечеть, возведённая здесь в конце XV и реконструированная в кирпиче в 1-й пол. XVI в. (рис. 3-1). Новое строительство окончательно уничтожило остатки Ханской мечети [77].

Вернёмся к панораме по рисунку Казани из книги А. Олеария как к источнику, наиболее реалистично отразившему ситуацию ханской Казани. Единственное место, могущее быть истолкованным здесь как Хан-джами, это одна из двух (или обе) рядом стоящих прямоугольных построек с двускатными крышами, вероятно, каменных или кирпичных [78] (рис. 3-5). Надо думать, именно они упоминались в ПК 1556 года как «полата у царева

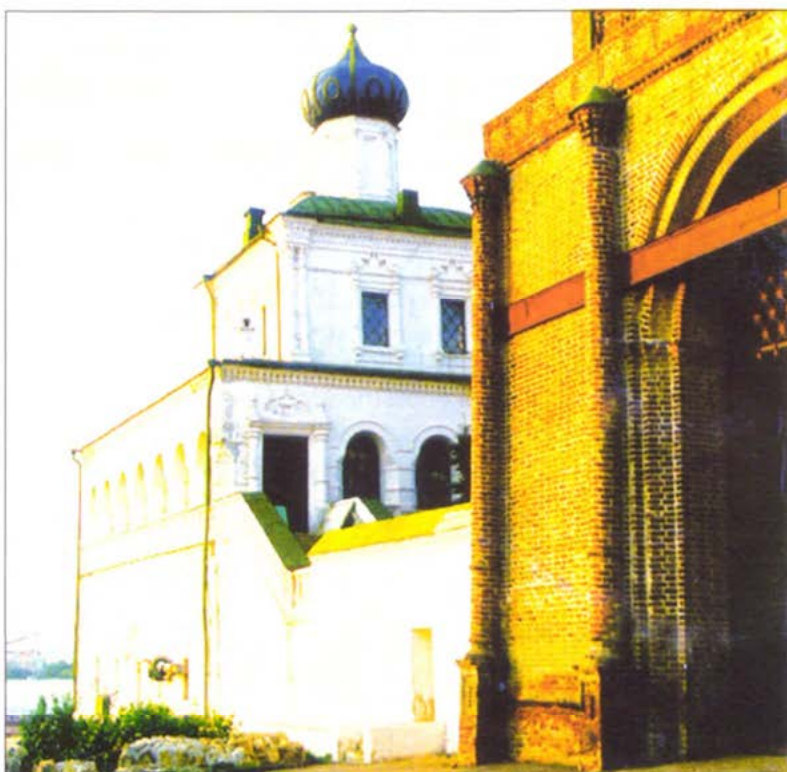

Рис. 3-7. Остатки комплекса Хан-джами близ башни Сююмбике. Ханский некрополь. Фото 1998 г.

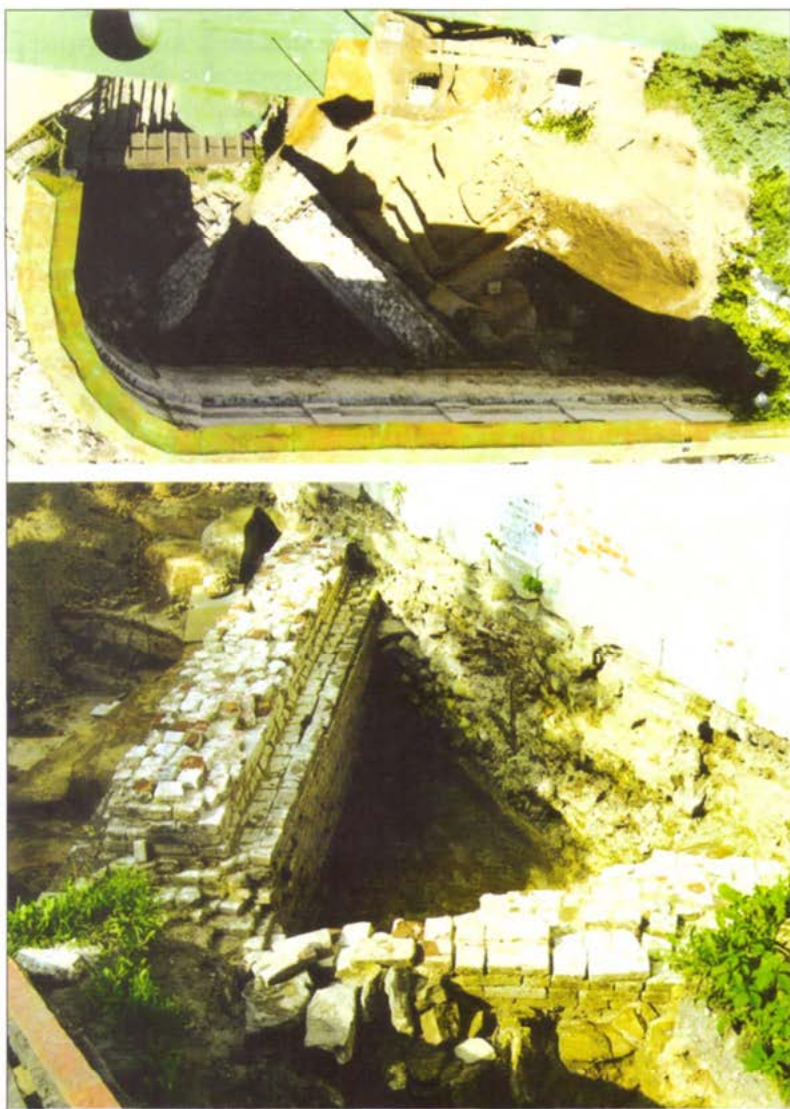

Рис. 3-8.
 Фундаменты Хан-
 джами в процессе
 археологических
 исследований.
 Фото автора,
 2003 г.

двора» и «малая полата у царева двора». Судя по упомянутому рисунку, мечеть находилась на средней террасе перед Ханским двором, под защитой его стен: верхней и нижней, и таким образом входила в комплекс сооружений у Западных ворот, наряду с усыпальницами. Ориентация предполагаемой мечети на рисунке вполне соответствует кыбле: торец смотрит на северо-запад, а протяжённая сторона фасада — на юго-запад. Опираясь на это изображение, можно сделать вывод и о весьма значительных его размерах, о чём говорят и археологические остатки, выявленные в 1978 году [80]. По ним видно, что минарет этого сооружения [81] не примыкал к зданию

Рис. 3-9. Ханские захоронения из раскопа 1977 г. По данным археологии.

Рис. 3-10. Консервация ханских захоронений и фрагмент гипсовой декоративной облицовки из Ханского дюрбе. Рисунок автора.

в его исследованной части, и, вероятнее всего, оказался под современной башней Сююмбике.

В 1566—1568 гг. это здание, видимо, ещё существовало и вошло в Писцовую книгу (ПК) как «у царского двора мечеть» (Древняя Казань... 1996: 140). Церковь Введения также отдельно упоминается в ПК, опровергая тем самым идею о том, что она является переделанной мечетью (по крайней мере, на сегодняшнем её месте).

Исходя из изложенного, следует привязать к Ханской мечети и богатые (согласно проведённым дополнительным исследованиям, ханские) захоронения в каменных склепах (усыпальницах), которые были найдены во время археологических исследований у подножия башни Сююмбике в 1978 году [82] (рис. 3-9). Здесь же были обнаружены остатки внутреннего декора в виде гипсовой облицовки, покрытой изящным выпуклым растительным орнаментом, лежали осколки врезки разбитых надгробий, на которых читались остатки резного орнамента и каллиграфических надписей [83] (рис. 3-10).

Таким образом, местоположение, характер архитектуры и окружения Ханской мечети начинают вырисовываться.

Мечетей, близких по размерам и композиции предполагаемым изображениям Хан-джами, достаточно много в ареале родственных культур. В их числе мечети Дворца Ширваншахов в г. Баку (Азербайджан, 1546 г.) и Ханского дворца в г. Бахчисарае (Крым, XVI в.), а также несколько творений османского зодчего Синана: мечети Юнус-бея в Стамбуле, Искандер-паша в Канличе, Сокоглу Мехмед-паша в Бююк Чекмезе, Рамазан Эфенди (Хуссев Челеби) в Кочамустафа-паша, Стамбул (1585—1586 гг.) (Курбан А.: 1984: рис. 2, 3, 4, 6, 7) (рис. 3-14). Все это двухэтажные (двусветные) прямоугольные в плане здания с купольным залом и примыкающим минаретом [84]. Большинство из них перекрыты четырёхскатными крышами, скрывающими очертания купола [85]. Опираясь на эти аналогии, можно приблизительно представить себе и архитектуру Хан-джами.

Рис. 3-11. Вид на Хан-джами и Ханский некрополь из внутреннего двора Арка в XVI в. Реконструкция Н. Халити и Н. Хазиахметова. Худ. Р. Газеев, 2006 г.

Рис. 3-12. Рисунок Ханской усыпальницы к тексту «Казанского летописца»: «...Прощание царицы Сумбски над гробом мужа своего Сафа-Гирея и плачи ся» (XVII в.).

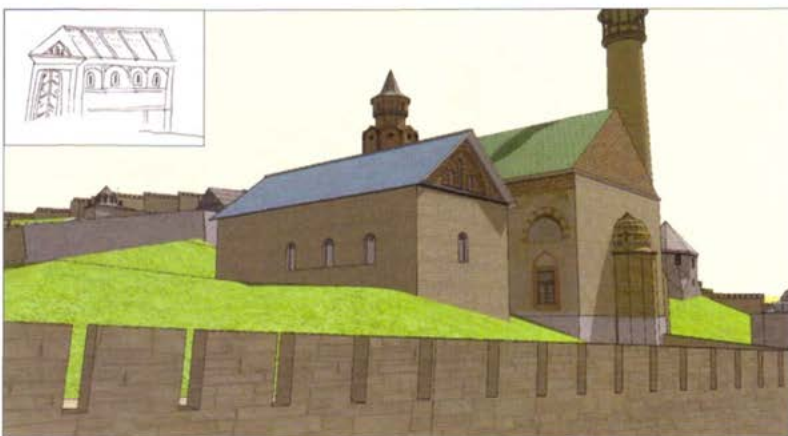

Рис. 3-13. Ханская усыпальница. Реконструкция автора.

Итак, Хан-джами. Стояла в казанском Югары Кермане близ Арка и служила семейной усыпальницей ханов. Архитектура её видится такой. Это было одно- или двухэтажное каменное здание с двухскатной крышей, стоявшее у монументального западного въезда на Ханский двор. Двусветный купольный зал его мог иметь балконы-галереи по второму ярусу вдоль стен. Высокий цилиндрический на квадратном основании в плане минарет стоял немного в стороне, южнее юго-западного угла здания (рис. 3-11).

Дворцовая церковь, появившаяся рядом с ней, видимо стала тем центром координат, с которого началось формирование нового комплекса Оберкомендантского дома, но на принципиальной основе старого Ханского двора.

Показательно появление высокой дозорно-оборонительной башни над проездом в Оберкомендантский дом

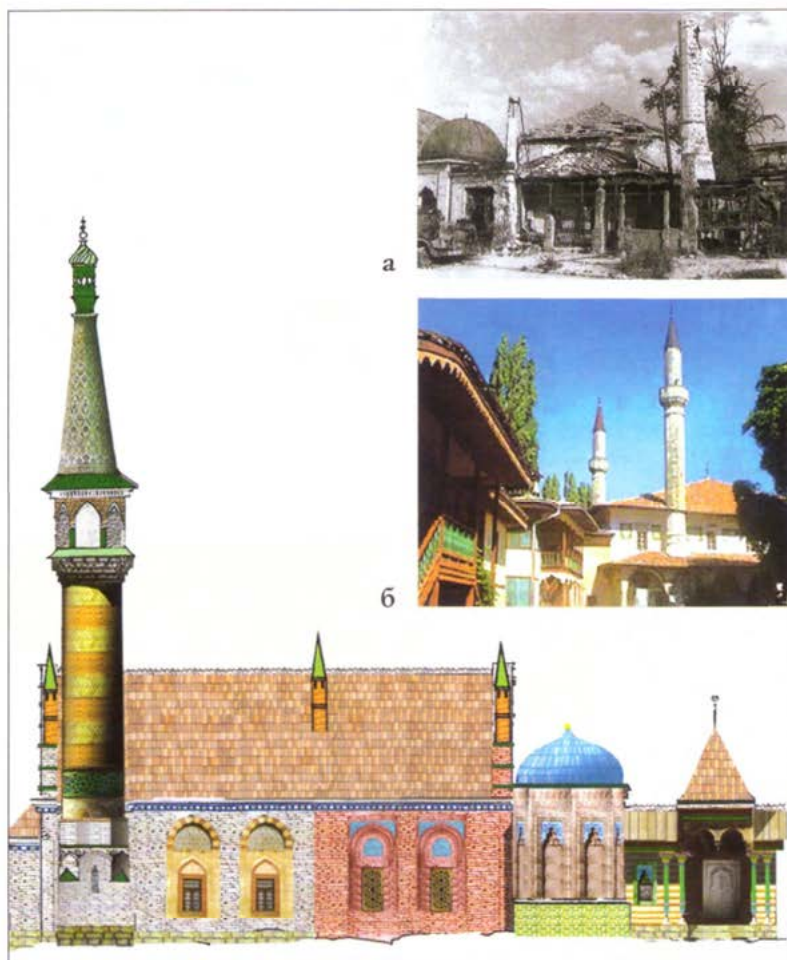

Рис. 3-14. Хан-джами (Ханская мечеть в комплексе дворца казанских ханов). Реконструкция автора.

Аналоги:
 а. Мечеть и дюрбе Али Эврана в г. Киршехир, Турция.
 б. Крым. Ханская мечеть в Бахчисарае (XVI—XVIII вв.).

именно на месте минарета Хан-джами, закрепившей привычную вертикаль на этом месте, без которой, видимо, не мыслился силуэт крепости. А её внешние формы и характерно мусульманские декоративные мотивы на фасадах подчеркнули эту преемственность с минаретом древней мечети.

ДРУГИЕ МЕМОРИАЛЬ- НЫЕ ПОСТРОЙКИ

Как и в ряде других случаев, можно предположить, что вокруг Хан-джами размещался некрополь наиболее знатных лиц государства, следы которого обнаруживаются при археологических исследованиях. Часть из них поддаётся реконструкции на основе расшифровки средневековых изображений Казани и сопоставления с аналогами.

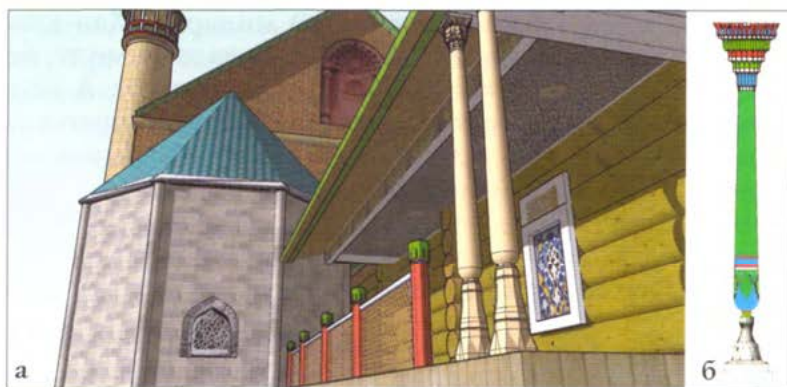
Обращаясь к периоду расцвета Казани после падения Булгара (2-я пол. XIV — сер. XVI в.), можно говорить о существовании как минимум двух типов мавзолеев, сохранившихся до наших дней в виде наземных сооружений.

1. **Дюрбе.** Этот тип надгробных сооружений представлен на городище Булгар одной из стандартных разновидностей «сельджукского стиля» (восьмерик на четверике с треугольными скосами, перекрытый куполом и внешним пирамидальным шатром, выполненным из местного известняка). В родственных культурах (Крым, Закавказье, Турция) существовали и иные разновидности дюрбе: восьмигранные, многогранные и цилиндрические на квадратном основании и без, с внешним куполом или шатром и др. Любой из них теоретически мог появиться и в Казани.

И действительно, возвращаясь к упомянутой миниатюре из КЛ, можно заметить, что слева от «духа» находится многогранный объём, перекрытый пирамидальным шатром. Если такое сооружение находилось рядом с главной городской мечетью, о чём прямо говорится в тексте КЛ («из нутра града, из мечети») (Казанская история. 1954: 92), то это, скорее всего, традиционная по своей архитектуре болгарская дюрбе-усыпальница, аналоги которой сохранились и в некоторых других местах. Аналогичные же сооружения можно видеть на изображении горящей Казани с иконы ЦВ, среди миниатюр ЛЛС (Шумиловская рукопись, л. 175 об. и др.) (рис. 3-16). Может быть, и такая была среди построек Ханского двора (рис. 3-17)?

2. **Текия.** Примером этого типа надгробного сооружения являются несколько памятников г. Хан-Керман

Рис. 3-15.
 а. Хан-джами.
 Реконструкция
 автора.
 б. Колонна
 входного портала
 Хан-джами.
 Реконструкция
 автора.

(г. Касимов, Рязанская обл.), возведённых над могилами местной знати. В их числе прежде всего средневековая (1556 г.) гробница хана Казанского и Касимовского Шах-Али, сохранившаяся до настоящего времени в г. Касимове Рязанской области. По строительной технике это сооружение близко к болгарским монументальным постройкам и имело подобную же камерную планировку, а внешне — вид прямоугольного параллелепипеда, перекрытого крестовыми сводами покамерно. Наружные стены его возвышались над сводами в виде парапетов, а сводчатые перекрытия завалены землёй, через парапеты выпущены водомёты. Подобным же образом устроена и более поздняя (1649 г.) кирпичная гробница Афган-Мухаммед-султана, находящаяся поблизости от первой. Другие гробницы (а их было несколько) не сохранились, однако остались сведения о том, что некоторые из них

Рис. 3-16. Ханское
 дюрбе в Казани.
 Реконструкция по
 материалам:
 а. «Ахлатский»
 Гюлистан
 в с. Джуга.
 Кубический с
 патром.
 б. Фахрэддин Рази
 в Куня-Ургенче.
 Многогранный-
 купольный.

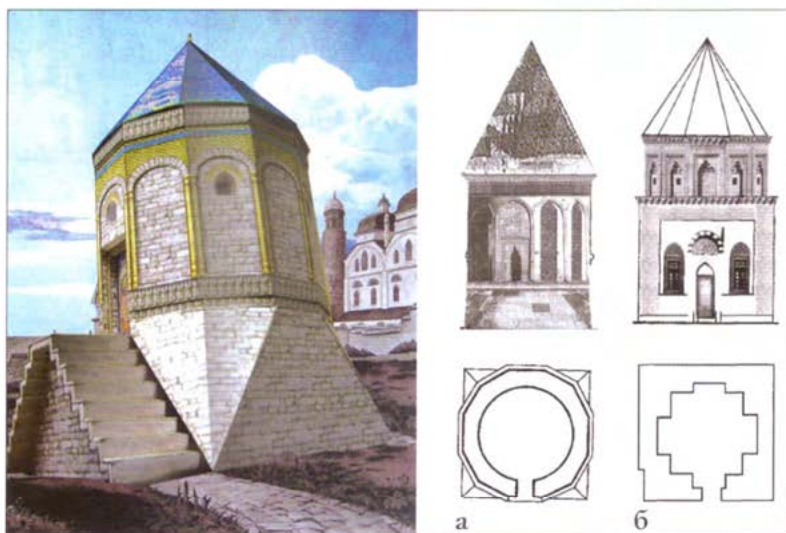

Рис. 3-17. Возможные средневековые изображения дюрбе в Казани: а. ЛЛС, л. 880. б. ЛЛС, л. 875 об. в. На рисунке из КЛ («Изгнание злого духа...»). г. На картине «Церковь Воинствующая».

Рис. 3-18.

Аналоги:

а. Дюрбе в комплексе Дворца Ширваншахов в г. Баку.
 б. Дюрбе на городище Булгар (XIV в.). Современное фото после реставрации (проект С. Айдарова).
 в. Тюрбе Имамзаде Ибрагимова в г. Исфахан (Иран).
 г. Тюрбе Мелвана в Конье. Арх. Бадреддин Тебризи (Турция, XIII—XIV вв.).

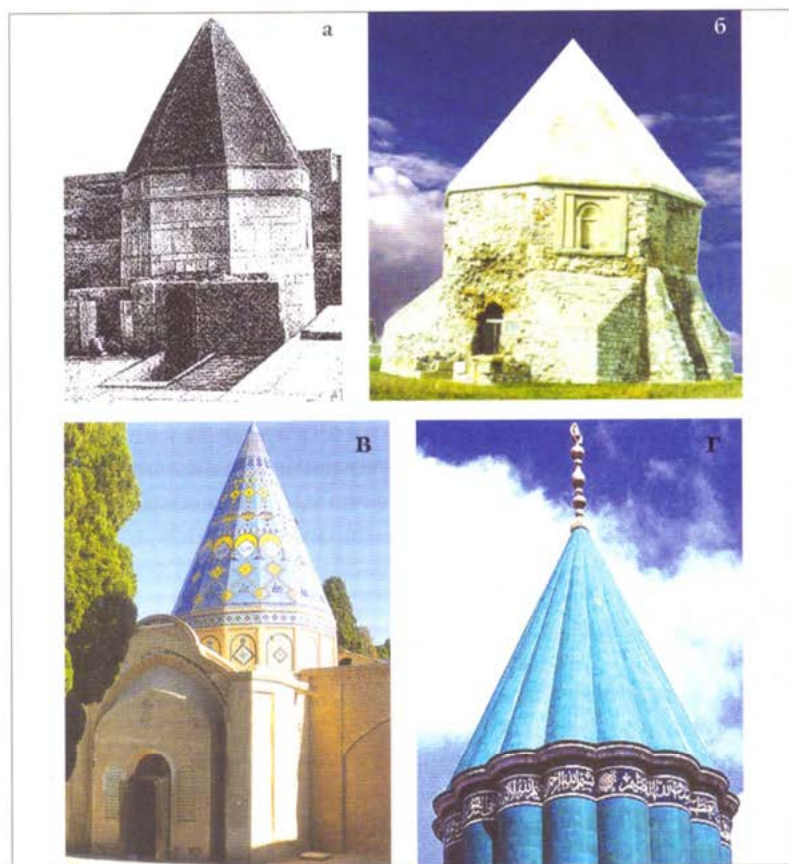

Рис. 3-19. Архитектурные типы мавзолеев Среднего и Ближнего Востока. Башенные: а. Цилиндрические

в с. Ашаги-Вейсели.
 б. Ребристые в Варамине.
 в. Восьмигранный Юсуфа ибн-Кусейира в Нахичевани.
 г. «Ахлатский» Гюлистан в с. Джуга.
 д. Фахрэддин Рази в Куня-Ургенче. Многогранный-купольный:
 е. В с. Дер. (2268, рис. 1).

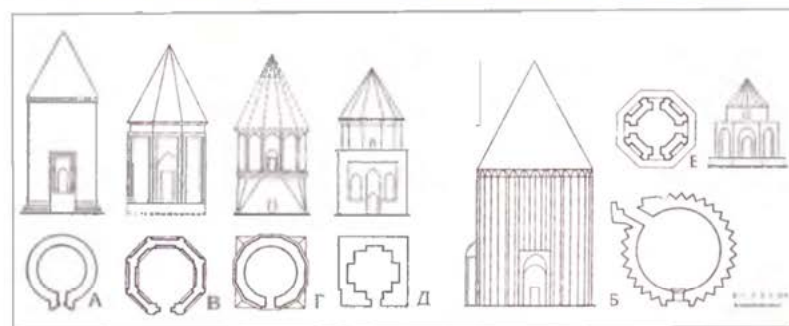
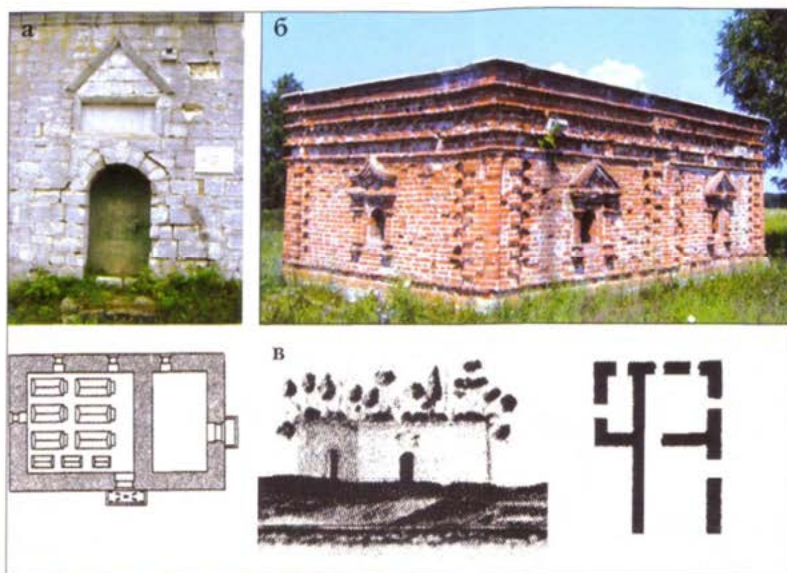

Рис. 3-20. Текии касимовских ханов в г. Хан-Керман (г. Касимов) Рязанской обл.
 а. Текия Шах-Али-хана (1556 г.). План, фрагмент фасада.
 б. Текия Афган-Мухаммед-султана (1649 г.).
 в. Неизвестная текия на кладбище Хан-Кермана. Чертёж XVIII в.

имели погребальные склепы под полом (Вельяминов-Зернов В. В. 1863) (рис. 3-20).

Итак, внешний вид и архитектура ханских усыпальниц в Казани нам вроде бы неизвестна, однако сохранившееся изображение усыпальницы Сафа-Гирея на миниатюре одного из лицевых списков КЛ (РГБ, рук. Ф. 178, № 98) даёт некоторое основание предполагать их полное сходство с касимовскими (рис. 3-20).

Рис. 3-21. Мемориальные сооружения:
 а. Над могилой 18 воинов, погибших в бою с Аксак Тимуром в Сарае (Золотая Орда, XV в.). Рис. Фри Мауро (1459 г.).
 б. Усыпальница Копрюлю в Диван-Йолу (г. Стамбул).

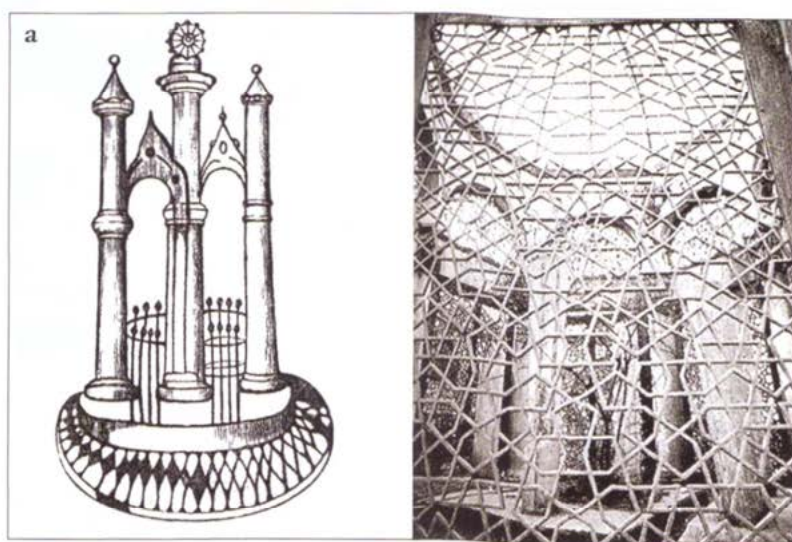

Рис. 3-22. Ханское кладбище.
Художник
Н. Хазиахметов.

Никаких иных сведений о том, что было внутри кремлёвских мавзолеев, пока не имеется. Впрочем, для сравнения можно привести описание подобного же сооружения на Ханском кладбище Касимова, приведённое в Писцовой книге 1627 года. «*Да на старом же посаде в поле на татарском кладбище две палатки каменные древние (текие царицы Фатимы и Авганова текие), под которыми были выходы каменные и в них висели на цепях гробы Касимовских царей, а по татарски ханы, и покрыты были золотыми парчами и татарская была неусынная при оных стража, когда же сии гробы пришли в истление и попадали на землю, тогда татары заклали эти выходы камнем и заклали землю, а караулить перестали. Впереди в сих палатах поставлены трехаршинные преискусно вытесанные камни, со всех сторон с резной и до самой земли татарской надписью»* (Шишкин Н. И. 1891: 89).

3. Чардуган. Нельзя исключить также существование в Казани распространённого в Крыму и Турции и отмеченного в Золотой Орде способа выделения и ограждения знатных захоронений открытым сверху многогранным павильоном с забранными металлическими решётками обширными проёмами (рис. 3-21, 3-22). Может быть, и такой был среди построек ханского двора? Планомерные поиски такого типа сооружения в исторических документах мною пока не проводились.

МЕЧЕТЬ НУР-АЛИ В ЮГАРЫ КЕРМАНЕ

Известно, что после взятия Казани русскими войсками все центральные городские мечети были уничтожены или перестроены по распоряжению царя (подробнее об этом см.: Халитов Н. Х. 1999: 64—66). В их числе оказалась и каменная мечеть Нур-Али, не раз упоминавшаяся в русских средневековых документах. В более поздней исторической и краеведческой литературе вопрос об этой мечети стал предметом оживлённых дискуссий.

Интерес этот вполне понятен: ведь если мечеть Нур-Али, как считают многие, сохранилась и лишь была перестроена под церковь (известную сегодня как Дворцовая), то тогда мы сегодня можем воочию видеть возвышающийся в Казанском Кремле уникальный памятник зодчества татарского средневековья (рис. 4-1). В противном случае нам придётся смириться с фактом полного отсутствия в Казани наземных татарских средневековых памятников и довольствоваться изучением их археологических остатков и исторических сведений.

Итак, в самом ли деле здание Дворцовой церкви, стоящее близ легендарной башни Сююмбике, и есть перестроенная мечеть Нур-Али?

Здесь как бы возникают два разных вопроса:

1. Является ли данное здание бывшей мечетью?
2. Называлась ли бывшая мечеть Нур-Али?

Действительно, на плане Казани 1768 года (План города Казани... рук. № 450; План города Казани... рук. № 4062) Дворцовая церковь обозначена как «обращённая из мечети, находящаяся ныне в ветхости». Ссылаясь, вероятно, на этот источник, многие исследователи казанской истории отождествляли это здание с бывшей мечетью Нур-Али (см.: Халит Н. 1999: Приложение 12). Есть, впрочем, и иные мнения (см.: Халит Н. 1999: Приложение 7).

Вернёмся, однако, к упомянутому плану Казани. Можно ли, основываясь на документе двухсотлетней давности, принимать написанные на официальной бумаге слова за безусловную истину? О том, как могут лгать и ошибаться документы, казалось бы, достойные полного доверия, нас хорошо убедили последние «исторические открытия» нашего даже сравнительно недавнего прошлого. Нельзя полностью исключать и «человеческий фактор», существовавший во все времена. История знает немало примеров картографических ошибок, когда даже заметные постройки оказывались на плане не на своём месте, либо отождествлялись с чем-то другим; особенно, если составитель карты был человеком приезжим и пользовался «показаниями свидетелей и старожилов», которым далеко не всегда можно доверять.

За исключением ссылки на упоминавшуюся карту, никаких аргументов в пользу татарского происхождения Дворцовой церкви до сих пор не приводилось. Правда, в одной из публикаций Н. Калинина по итогам шурфовки северо-западного угла церкви был сделан вывод о татарском происхождении нижнего слоя фундамента (Калинин Н. Ф. 1955: 119), но масштабные археологические исследования внутри здания в 1998—1999 гг. отчётливо показали: церковь была заложена во 2-й половине XVI в. и окончательно построена лишь спустя 1,5 столетия, одновременно с башней Сююмбике. Обследование самого здания в процессе его реставрации и приспособления под Музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан показало, что оно выстроено единовременно и не несёт в себе остатков какого-либо дорусского сооружения.

Таким образом, все разговоры о перестроенной когда-то в церковь мечети Нур-Али строятся на догадках, косвенных

Рис. 4-1.
Введенская
церковь —
церковь или
мечеть?

данных и логических умозаключениях, поскольку каких-либо достоверных сведений ни о внешнем облике её, ни о размерах, ни даже о местоположении нет.

В 1977—1978 годах (тогда предполагалось отметить 800-летие основания Казани) у подножия Дворцовой церкви были заложены археологические раскопы, давшие сенсационные результаты: обнаружались белокаменные фундаменты каких-то монументальных сооружений периода Казанского ханства. Среди них оказался и ряд мусульманских захоронений, в том числе богато украшенный гроб одного из ханов. В 2002—2003 гг. раскопки были продолжены, и стало ясно: именно здесь, чуть южнее здания церкви, находились усыпальница казанских ханов, а также и обширное здание Хан-джами. Её фундаменты были обнаружены во внутреннем дворе церкви у подножия башни Сююмбике (рис. 3-8). Все эти сооружения, разрушенные лишь в конце XVII века, имели совершенно иную ориентацию, чем современный комплекс из Дворцовой церкви и башни Сююмбике, причём ориентация эта была на Каабу, как принято в архитектуре исламских культовых сооружений. Церковь и башня же, стоящие сегодня на этом месте, как и предписано правилами православной культовой архитектуры, ориентированы по сторонам света и, более того, буквально перерезали этот культовый комплекс.

Таким образом, отождествлять Дворцовую церковь со зданием бывшей мечети нельзя. Возникают, однако, и два немаловажных вопроса: какой мечети принадлежали фундаменты рядом с Дворцовой церковью? Была ли это действительно мечеть Нур-Али, как о том гласит народная молва? Попытки ответить на эти вопросы предпринимались многими исследователями, как в прошлом, так и в последние

Рис. 4-2.
Предполагаемые
средневековые
изображения
мечети Нур-Али.
а. На рисунке из
книги А. Оллария
(фрагмент).
б. На аксоно-
метрическом
плане Казанского
Кремля 2-й пол.
XVII в. (ВИА).

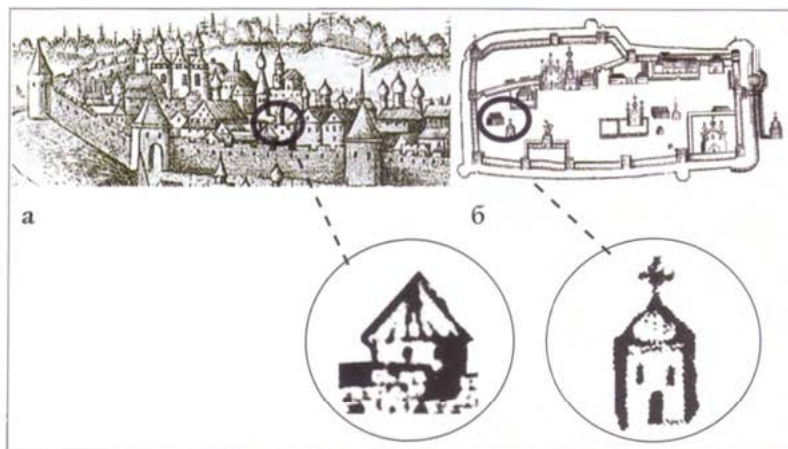
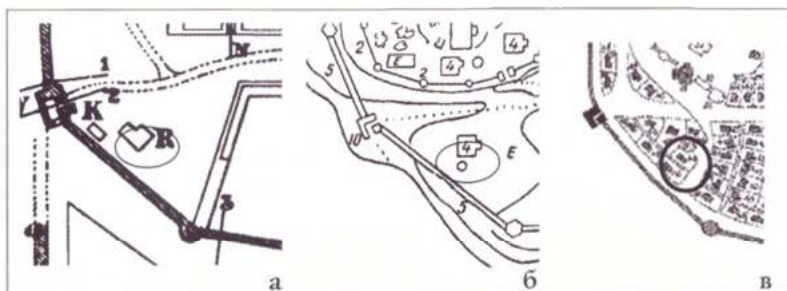

Рис. 4-3.
 Местоположение мечети Нур-Али на планах Кремля.
 а. Предполагаемое изображение мечети Нур-Али на плане Казанского Кремля А. Солцыперова, начало XVIII в. (фрагмент).
 б. Местоположение мечети по Н. Калинин.у.
 в. Местоположение мечети по Л. Шавахину.

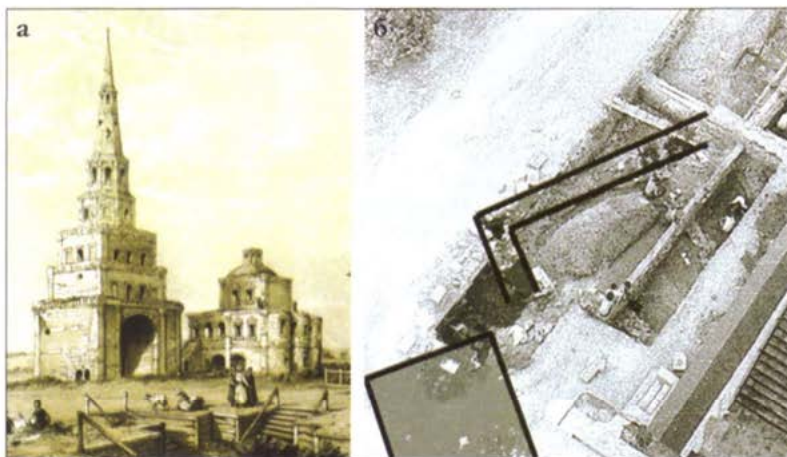

годы. Наиболее серьёзные разработки, опирающиеся на результаты анализа разнообразных исторических источников и археологических материалов, предложили археолог Лев Шавахин (Шавахин Л. С. 1988) (архитекторы Светлана Козлова-Мамлеева (см.: Халитов Н. Х. 1991: 39), Сайяр Айдаров (докторская диссертация, таб. 73) [87]. Довелось соприкоснуться с этой непростой темой и автору настоящей книги. Все единодушно сошлись во мнении, что мечеть Нур-Али к упомянутым фундаментам отношения не имеет.

Где же тогда находилась мечеть Нур-Али?

Исторические документы указывают на то, что мечеть Нур-Али входила в центральную группу каменных мечетей близ ханского дворца в Казани и стояла неподалёку от «Муралеевой башни» Казанской крепости. Это даёт нам основание искать её на склоне кремлёвского холма, примыкающем к современной Тайницкой башне, которая заняла в XVIII веке место татарской проездной башни Нур-Али. Вероятно, именно данную постройку имела в виду и газета «Казанские известия», которая сообщала в 1815 году, что тогда в кремле ещё находилась «старинная церковь,

Рис. 4-4.
 а. Дворцовая церковь в Казанском Кремле. Рисунок Э. Турнерелли (1-я пол. XIX в.).
 б. Археологические остатки древних сооружений у подножия башни Сююмбике (вид сверху). Фото автора, 1977 г.

бывшая прежде гарнизонная и некогда, говорят, татарская мечеть, за нею высокая башня, также драгоценный останок древности. Подле сей башни к собору был древний Сумбекин дворец каменный, разломанный 15 лет до сего» (Калинин Н. Ф. 1926: 86). Писцовая книга упоминала о «Введении Пречистые», за которой находилось «место, где был Царев двор». Остаётся предположить, что «Введение Пречистые» и «бывшая гарнизонная» церкви — это одно и то же здание: «некогда, говорят, татарская мечеть» Нур-Али. Название «гарнизонная», употреблённое здесь, прямо говорит о местоположении здания: т. е. рядом с воинской частью, которая не меняла своей дислокации с XVIII века до 1993 года и занимала юго-западную часть Кремля начиная со зданий бывшего Пушечного двора.

Планы Кремля XVII—XVIII веков, запечатлевшие основные постройки того времени, показывают, что, действительно, неподалёку от Тайницких ворот находилось каменное сооружение служебного назначения. Сохранилось и изображение этой постройки на малоизвестном аксонометрическом плане кремля 2-й половины XVII века [88] (рис. 4-7), где она по своим формам более напоминает болгарское дюрбе (усыпальницу) или перестроенную мечеть, чем церковь. В то же время ни на панораме Дженкинсона, ни на других документах (изображениях и планах Кремля) ничего похожего на современное здание Дворцовой церкви не наблюдается. Она (так же как и башня Сююмбике) возникает там только в XVIII веке (см.: Нияз Халит. 2005).

Рис. 4-5. Схема средневековой инфраструктуры северной части Кермана X—XVI вв. на основе карты археологических исследований А. Г. Ситдикова.

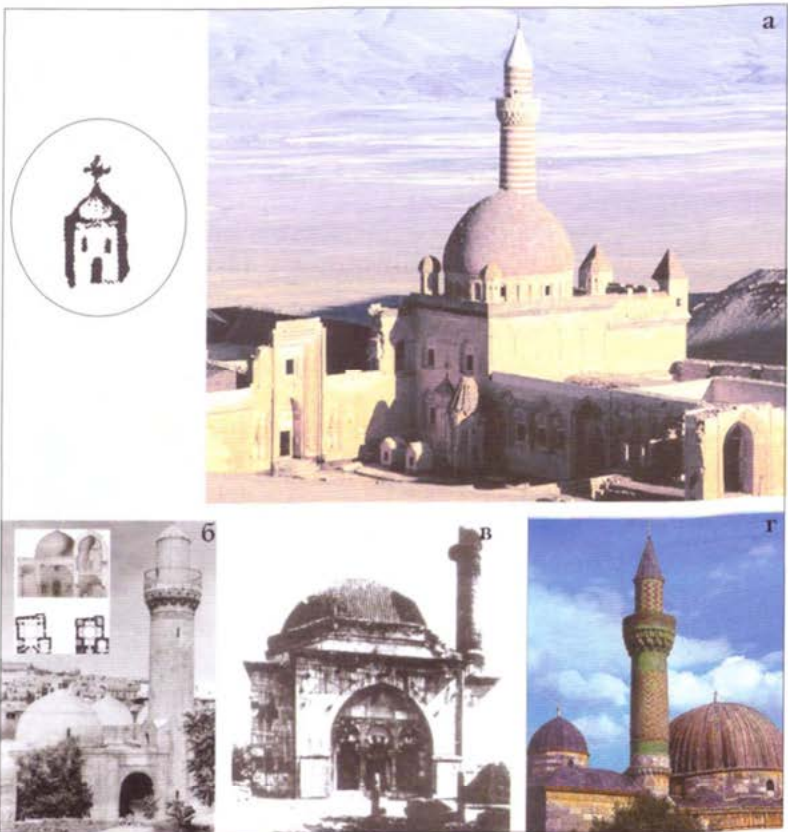

Писцовая книга 1556 года сообщала: «у монастырского двора илантовского мизгить, что была Муралеева» (Худяков М. Г. 1923: 262), т. е. на той же территории, где ни по одному из известных нам источников, иных мечетей, кроме Нур-Али, не было. К аналогичному выводу пришёл, вероятно, сорок лет назад и Н. Калинин, обозначив именно на этом месте одну из мечетей ханской Казани, впро-

Рис. 4-6.
Композиционные аналогии (купол закрытый):
а. Сербия. Белград. Мечеть Бория-Дьянир. Рисунок XIX в.
б. Мечеть на панораме Стамбула XVIII в. Фрагмент.

Рис. 4-7.
Композиционные аналогии (купол открытый):
а. Исхак-паша-джами в крепости Баязет (Турция).
б. Мечеть дворца Ширваншахов в Баку (XV в.). Фото. Разрез. Планы ярусоб.
в. Мечеть Ильясбека в Балате (Турция, XV в.). Фото.
г. Ешиаль-джами в Изнике (Турция, 1378 г.). Фото.

чем, почему-то с отдельно стоящим с западного фасада минаретом (Калинин Н. Ф. 1955) (рис. 4-3). Сопоставляя тексты ПК разных лет, Н. Калинин пришёл к выводу, что мечеть Нур-Али «была не на дворе хана, а отдельно у двора Зилантовского монастыря. Против этого двора было пустое место, про которое, в другой связи, нам известно, что оно стояло около городской стены к северу (к югу — в тексте ошибка. Н. Х.) от Тайницких ворот...» (Калинин Н. Ф. 1926: 15).

Судя по изображению на цветном чертеже из библиотеки Академии наук (т. н. «аксонометрии Алфёровой»), мечеть представляла собой центричное сооружение композиции «восьмерик на четверике», увенчанное остроконечным куполом или криволинейным шатром (рис. 4-7). Формы его очень характерны для центрально-купольного типа мечети, широко распространившегося в XIV—XV веках в пределах Османской империи, где они также имели вид восьмерика на четверике с купольным перекрытием и одним-двумя минаретами, примыкающими к зданию. Остроконечную крышу этого же здания можно видеть и на рисунке из книги А. Олеария, где она выступает над зубчатой стеной кремля, между башнями Нур-Али и Северо-Западной (рис. 4-6).

Вглядываясь в другой план Казанского Кремля, выполненный в начале XVIII века поручиком Солцыперовым (рис. 4-3), мы вновь видим это же здание, где оно, как и всякая мечеть, сориентировано точно на кыблу, а конфигурацией своего Г-образного плана точно повторяет абрис однотипной с Нур-Али крымско-татарской мечети XIII века в Судаке (см.: Опочинская А. И. 1986: рис. 9) (рис. 4-9). Это позволяет уже достаточно уверенно воспроизвести и её планировку, не отличающуюся чем-либо необычным в ряду подобных же планировок крымско-малоазиатских центрально-купольных мечетей того времени. Судя по плану Солцыперова, это была внушительная по своим размерам постройка, превосходившая по площади основания как башню Сююмбике, так и Дворцовую церковь (15 м × 17 м), в то время как судакская мечеть имела размеры 14,5 м × 15 м [89].

По данным ПК 1566—1568 гг., как писал Н. Калинин, «мечеть представляла достаточно обширное здание, т. к. в ней в то время помещалось довольно много пушечных станков, 4 деревянные пушки, 8 колёс, 5 осей» (Калинин Н. Ф. 1926: 15).

Центрально-купольные мечети с примыкающим минаретом нам хорошо известны по памятникам Переднего

Востока XIII—XIV веков. Мечети такой планировки встречались в архитектуре Ирана [90], османской Турции [91], Азербайджана [92] и многих иных стран.

Известны и другие татарские мечети такой композиции, в числе которых можно назвать мечеть Касима в городе Хан-Керман (г. Касимов) (рис. 4-8). Она была выстроена в начале XVI века. Подробные сведения об этом очень интересном памятнике приведены в XVIII веке исследователем Петром Симоном Палласом и в XIX веке В. В. Вельяминовым-Зерновым. Архитектура данной мечети говорит о тесной связи касимовской, казанской и крымской архитектур, возникших, видимо, ещё задолго до воцарения Гиреев на казанском престоле, ибо наиболее близки хан-керманской мечети центрально-купольные мечети крымских татар (Куршун-джами [93] в Старом Крыму и мечеть в Судаке, XIII в.), как по композиции (минарет в углу здания), так и по планировочному принципу (рис. 4-9). Сходство вполне закономерное: Касим-хан до своего царствования в Хан-Кермане много лет провёл в Крыму при дворе Улут Мухаммеда, хана сарайского и

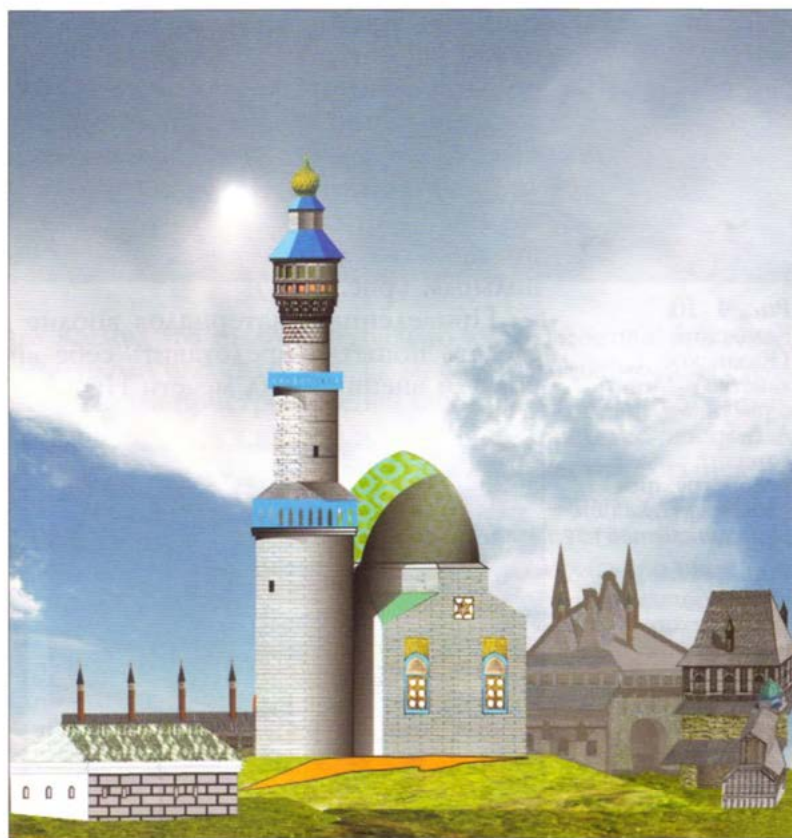
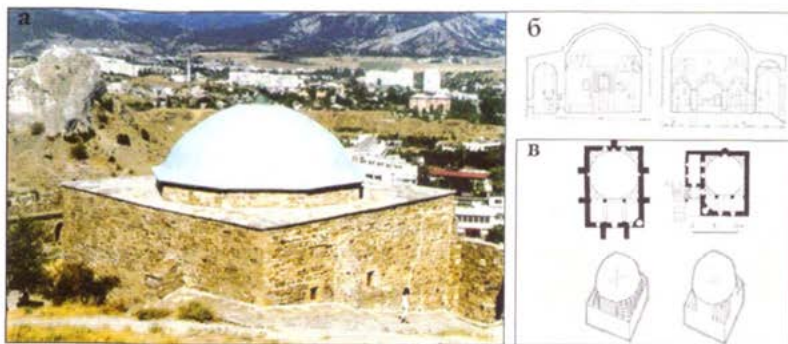

Рис. 4-8.
Мечеть Касима
в городе Хан-
Керман (совр.
г. Касимов).
Реконструкция
автора.

Рис. 4-9. Крым.
 а. Судак.
 Крепость XIV—
 XV вв. Мечеть
 в Судакской
 крепости.
*Современное
 фото.*
 б. Разрезы (по
 О. А. Опочинской).
 в. Мечеть
 Куршин-джами
 в Старом Крыму
 (XIII в.). Планы,
 реконструкции
 внутреннего
 объёма (по
 Б. Н. Засыпкину).

крымского, и поэтому культура Крыма ему отнюдь не была чуждой.

Подобная же «мечеть в татарской деревне в Казанской губернии» была запечатлена в 1839 году французским путешественником Андре Дюраном, оставившим её прекрасное литографическое изображение. Реконструируя это здание, мы вновь приходим к тому же типу мечети (рис. 4-10).

Косвенные подтверждения существования мечетей такого типа в Казани можно найти и на страницах русского Лицевого летописного свода XVI века, где, например, на одной из миниатюр (Шумиловская рукопись, л. 880), обладая некоторым воображением, можно разглядеть высокое здание с двускатной крышей, к углу которого примыкает цилиндрическая башня с внешней галереей, увенчанная куполом. Не исключено, что подобные же мечети изображены и на листах 872 и 882 рукописи, причём последнее здание, по всей видимости, было купольным (рис. 4-11).

Приведённых материалов вполне достаточно, чтобы сделать попытку представить себе внутреннюю планировку и внешний вид мечети Нур-Али (рис. 8-11). Судя

Рис. 4-10.
 Казанский Юрг
 (Казанское
 ханство). Мечеть
 с рисунка
 А. Дюрана.
 Вариант
 реконструкции
 (авторы Н. Халип,
 Н. Хазиахметов).

Рис. 4-11.
 Предполагаемое
 средневековое
 изображение
 мечети Нур-Али.
 Миниатюра
 из Лицевого
 летописного свода
 с изображением
 Казани, XVI в.
 (фрагмент).

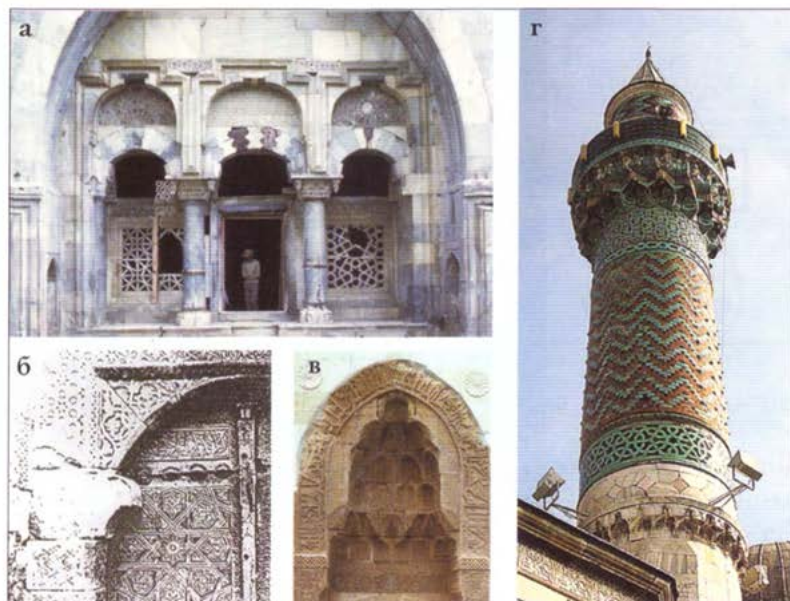

Рис. 4-12.
Казанский Юрт
(Казанское
ханство). Мечеть
Нур-Али. Вариант
реконструкции
(автор Н.Халит).

по всему, это было центрально-купольное сооружение, размерами около 15 м × 17 м, с примыкавшим с восточного фасада пристроен сеньей и одним-двумя минаретами, возвышавшимися над углами здания. Зная о тесных связях Казани и Крыма, об ориентации зодчества Казанского ханства на Истанбул (оттуда, по некоторым сведениям, даже приезжали для строительства мечетей известные мастера), можно предположительно говорить и о внешних формах этого достаточно типичного образца османского стиля. Вероятно, это было каменное здание простых форм с черепичным или деревянным покрытием, не слишком обильно отделанное резными деталями. Купол здания мог закрываться пирамидальным шатром, либо иметь черепичное или металлическое покрытие криволинейной формы. И те и другие формы равновероятно встречались в архитектуре того времени.

Рис. 4-13.
Элементы
фасадов, аналоги:
а. Мечеть Ильяс-
бека в Балате
(Турция, XV в.).
Вход.
б. Турция.
Нидже.
Супкур-бей-
джами. Дверь.
в. Турция.
Теркан. Резьба
входа в тюрбе.
г. Ешиль-джами
в Изнике
(Турция, 1378 г.).
Минарет.

Резные украшения в таких мечетях применялись либо в районе входа (резьба портала, внутренней части арки, дверь), либо в верхней части минарета (сталактиты, керамические надписи, ограждение парапета и др.). Интерьеры, также достаточно скромные, расписывались разноцветными орнаментами по куполу и его основанию; наиболее пышно декорировались михраб (резьба, поливные изразцы) и деревянный мимбар (резьба, мозаика). Кроме того, интерьер украшался тканями и коврами, висячими светильниками.

Архитектура этого здания, близкая к архитектуре передневожосточных памятников XIII—XIV веков, позволяет датировать мечеть Нур-Али в Казанском Кремле либо этим же временем, либо первыми годами после возникновения Казанского ханства.

Рис. 4-14.
Элементы
интерьеров,
аналоги: **а.** Купол
и михраб мечети
Алла-эд-Дина в
Коше (Турция,
XII—XIII вв.).
б. Турция. Кошня.
Алла-эд-Дин-
джами. Мимбар.

ОТ ТАЗИКА ДО УЛУГА

По данным археологии, половина крепости к югу от рва Тазик в золотоордынское время уже была вполне населена, судя по рисунку из книги А. Олеария, даже довольно плотно. Правда, с точки зрения городской инфраструктуры об этой территории мы не знаем почти ничего. Н. Калинин указывал на присутствие **татарского кладбища в юго-восточном углу Казанского Кремля** (Калинин Н. Ф. Иллюстрации к докторской диссертации: д. 296; Калинин Н. Ф. 1955: рис. 5-в), обнаруженное в 1947 году. Об этом кладбище «юго-западнее Консistorской башни», на которое вновь натолкнулись при строительстве кафе в 1964—1965 гг., упоминал А. Халиков, датируя его XIII—XV веками (Халиков А. Х. 1982: 158). Н. Калинин, полагая, что эта территория пересекалась пополам «рвом XVI века», размещал в западной части «крепости XVI века» «торговый квартал XV века» и «жилища купцов». Далее к югу, за предполагаемой крепостной стеной, он размещает «ремесленные кварталы» (Калинин Н. Ф. 1953: рис. 5-г, 5-д). Другое мусульманское кладбище XV—XVI веков было обнаружено «в 1947 году севернее Спаской башни» (Халиков А. Х. 1982: 159). Эти же сведения в целом подтверждаются и последними археологическими исследованиями (рис. 4-5).

Попробуем, однако, рассуждая логически и имея в виду панораму из книги А. Олеария, вытащить из небытия ещё что-нибудь о мечетях татарской Казани.

Мечети, пожалуй, имеет смысл поискать на месте церковей XVI (а может быть, и XVII) века. Эту манеру: разрушать мечеть и ставить на этом месте церковь, русские не утратили вплоть до середины XVIII в. (Загидуллин И. К. 2006: 205), а что касается Казани XVI века, то летописи прямо говорят об этом. В Кремле таких церковей было девять: Благовещенский собор, церкви Спаса и Воскресения, а также церкви Сошествия Святого Духа (Гарнизонная, Введения, Дворцовая), Дмитрия Селунского, Тро-

Рис. 5-1.
Панорама Казани 1-й пол. XVI в. из книги А. Олеария с обозначением мест, где впоследствии были построены церкви:
1. Николы Ратного;
2. Преображенский собор;
3. Киприяна и Устиньи;
4. Троицкая;
5. Дмитрия Селунского;
6. Архиерейский дом.

ицкая (Сергиевская), Киприяна и Устиньи, Преображенский собор, Николы Чудотворца (Ратного). Не останавливаясь на первых пяти, судьба которых, мне кажется, ясна, перейдём к остальным.

Церковь Николы Чудотворца была возведена одной из первых уже вскоре после захвата Казани русскими войсками прямо над местом взрыва стены между Аталыковыми и Тюменскими воротами, и, видимо, в память об этом событии (о чём говорит и её второе название — «Ратный»). Как следует из анализа укреплений Кермана на панораме из книги А. Олеария, эта церковь была поставлена за пределами стены татарской крепости (см.: Халит Н. 1999: 55) на пустом месте над обрывом и едва ли могла заменить собою мечеть [94] (рис. 5-1).

Преображенский собор, выстроенный в конце XVI века, согласно тому же анализу, разместился примерно на месте татарской стрельни между воротами Тюмен и Арча (см.: Халит Н. 1999: 55). На этом месте ничего, напоминающего мечеть на панораме из книги А. Олеария, вроде бы не наблюдается.

Но есть и другие варианты.

Давайте заострим наше внимание на летописном сообщении о том, что «**церковь святых великомучеников Киприяна и Устиньи**» «во един день созда» 2 октября 1552 года, которое явно привязано в тексте КЛ к фразе

Рис. 5-2. Церковь Киприяна и Устиньи и предполагаемая мечеть на её месте.

а. Церковь Киприяна и Устиньи, 2-я пол. XVI в. Фото конца XIX в.
б. Предполагаемая мечеть на рисунке из книги А. Олеария на месте, впоследствии занятом церковью Киприяна и Устиньи.
в. Беларусь, Гродненская обл., с. Ивье. Мечеть литовских татар.
г. Мемориальный храм в Балахне на пути следования войска Ивана Грозного во время Казанского похода (1552 г.).

д, е. Мечеть у Тюменских ворот Казанского Кермана. Реконструкция Н. Халита и Н. Хазиахметова.

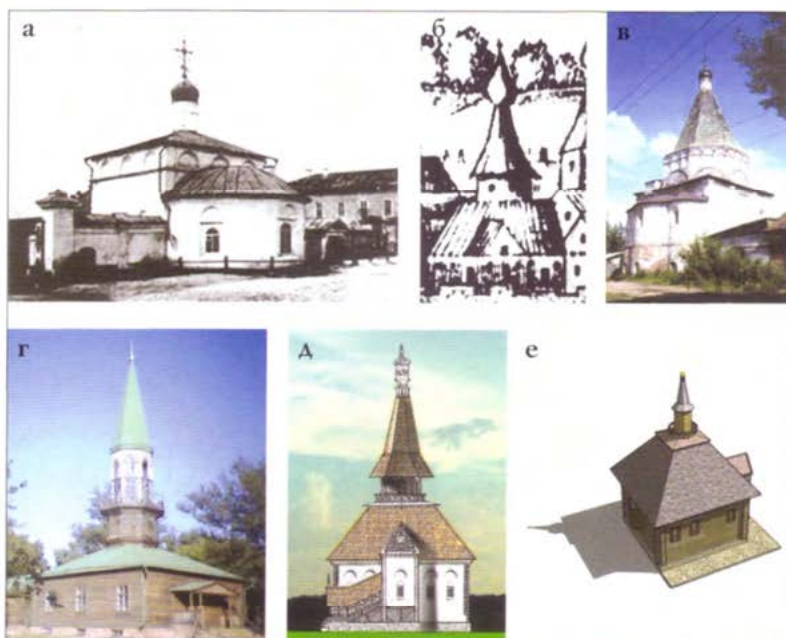

Рис. 5-3.

Троицкая церковь и предполагаемая мечеть на её месте:

а. Комплекс монументальных зданий на месте будущего Троицкого монастыря на рисунке из книги А. Олеария.
 б. Троицкий монастырь на рисунке Свечина (2-я пол. XVIII в.).
 в. Сооружение с панорамы из книги А. Олеария. Реконструкция Н. Халифа и Н. Хазиахметова.

«мечети поганья раскопати и святыя церкви воздвигати на местех их» (Казанская история. 1954: 161). Зная, что часто мечети сопровождают городские кладбища, одну из таких мечетей стоит поискать в этом углу Кремля, тем более, раз там были обнаружены мусульманские захоронения. И действительно, на месте названной церкви на рисунке с первого же взгляда обнаруживается монументальное башенное сооружение, вполне могущее быть минаретом (рис. 5-2). Башня возвышается в центре двухэтажного (или двухсветного) здания с высокой крутой крышей и треугольным фронтоном. Судя по рисунку, здание было достаточно большим, в то время как реально существовавшая церковь Киприяна и Устиньи была довольно камерным сооружением, не претендовавшим на какую-либо композиционную роль в панораме кремля. Нарисованное же здание выделяется своими размерами и сразу обращает на себя внимание. За аналогиями далеко ходить не надо: мечетей подобной композиции в татарской истории Нового времени отмечено предостаточно. Встречаются они и сегодня, хотя в большей степени в западном ареале распространения: в Белоруссии, Литве, Польше. Примерно так выглядит сегодня и старейшая казанская мечеть аль-Марджани.

Обращаясь же к другому объекту, более поздней (позже переделанной?) Троицкой (Сергиевской) церкви [95], обнаруживаем на её месте на рисунке из книги А. Олеария сооружение весьма неординарного

вида, даже близко не напоминающее реально существовавшую церковь. Его местоположение почти соответствует местоположению «соборной мечети» на плане кремля середины XVI столетия, реконструированном Л. Шавохиным и С. Мамлеевой (Козловой) по Писцовым книгам (см.: Халитов Н. Х. 1989: 39). Никаких церковных сооружений, относящихся к этому времени, на этом месте источники не упоминают. Так же как и Ханский дворец, оно является здесь «гвоздём» всей панорамы и выглядит как трёхчастное многоэтажное здание, увенчанное многогранной башней с затейливым многоярусным криволинейным куполом на цилиндрическом барабане (рис. 5-3). Возможен и другой вариант расшифровки рисунка: две идентичные башни разного размера над сложным в плане сооружением (к которому можно, в принципе, отнести и окружающие более мелкие башенки с маковками) [96].

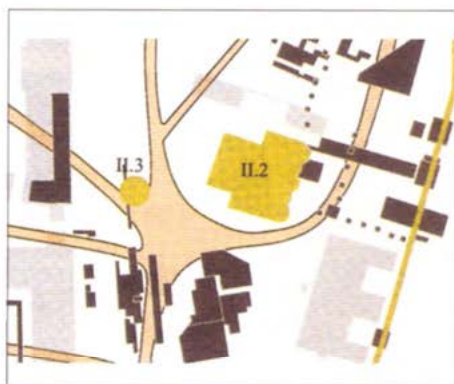
Внешний вид этого загадочного сооружения вполне сопоставим с изображениями, опубликованными М. Г. Худяковым (Худяков М. Г. 1930) [97], и в основном родственен миниатюрам из Казанского летописца, на которых центральный минарет мечети изображён в виде высокого конического шатра со шпилем и двойным «яблоком», — точно таким же, как на всех татарских мечетях XVIII и XIX вв.

Вполне вероятно, что на рисунке запечатлены лишь руины мечети в виде центрального объёма здания, лишённого фланкировавших его минаретов.

Опираясь на опыт расшифровки панорамы из книги А. Олеария, можно с некоторой степенью достоверности реконструировать внешний вид и объёмно-композиционную схему этого необычного здания. Помимо многогранного купола, известного из более ранних памятников г. Булгара, у мечети имелось и многоскатное покрытие

Рис. 5-4.
Инфраструктура
Казанского
Кремля во
2-й пол. XVI в.
по данным
археологии.
Реконструкция
А. Ситдикова.

Рис. 5-5.
Предполагаемая
мечеть на месте
церкви Дмитрия
Селунского в
восточном устье
оврага Тазик на
рисунке из книги
А. Олеария.

нижнего восьмерика и, по видимости, скатные деревянные покрытия окружавших здание пристроев. Судя по абсолютным размерам и месту в силуэте города, мечеть занимала господствующее положение в срединной части крепости, хотя и подчинённое по отношению к Хан-джами. Высота её центрального объёма едва ли превышала 30 метров [98].

И последний объект — церковь Дмитрия Селунского в восточном устье оврага Тазик. И вновь, направляя наш взор вдоль луча зрения художника на эту точку, мы видим на панораме из книги А. Олеария три башенки с маковками явно «минаретного» вида (рис. 5-4)! Мечеть у Сбойливых ворот в устье оврага Тазик?

Кроме перечисленных, археологически выделены ещё два объекта на этой территории, могущих быть атрибутированными как мечети или культово-мемориальные комплексы.

ДРУГИЕ МЕЧЕТИ БЛИЗ АРКА

МАЙДАН- ДЖАМИ

Прежде всего, это широко известное местонахождение остатков какого-то монументального сооружения, следы которого были обнаружены при строительстве восточного крыльца Благовещенского собора в 1861 году (рис. 5-6). Тогда из земли были извлечены гипсовые облицовочные плиты с резными гирехами (рис. 5-7), указывавшими на мусульманское происхождение фундаментов. Они были перевезены в Археологический музей Казанского университета и неоднократно опубликованы как примеры архитектурного декора ханской Казани. Рисунок этих изделий стандартен для всего мусульманского мира практически за все 1000 лет существования мусульманской цивилизации и сам по себе ни о чём не говорит, кроме как о принадлежности к ней. Гипс как материал, малоустойчивый к воздействию внешней среды, видимо, употреблялся при отделке интерьеров, откуда, скорее всего, эти плиты и были сброшены на землю во время разрушения здания. Не имея на сегодняшний день никаких данных об этом сооружении [99], можно обозначить точку у северного фасада собора как местоположение одной из мечетей Югары Кермана и дать чисто условную реконструкцию

Рис. 5-6.
Предполагаемое
место Майдан-
джами.
а. По А. Ситдикову
(Соборная
мечеть).
б. Место находок
1861 года.

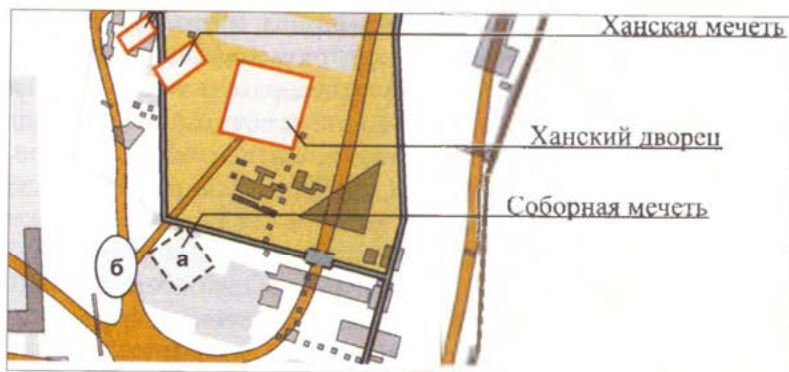

Рис. 5-7.
а, б. Гипсовые
облицовочные
плиты из траншеи
1861 года у вос-
точного фасада
Благовещенского
собора.
Рис. автора.

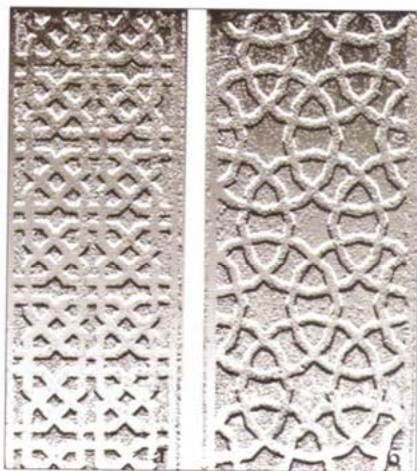
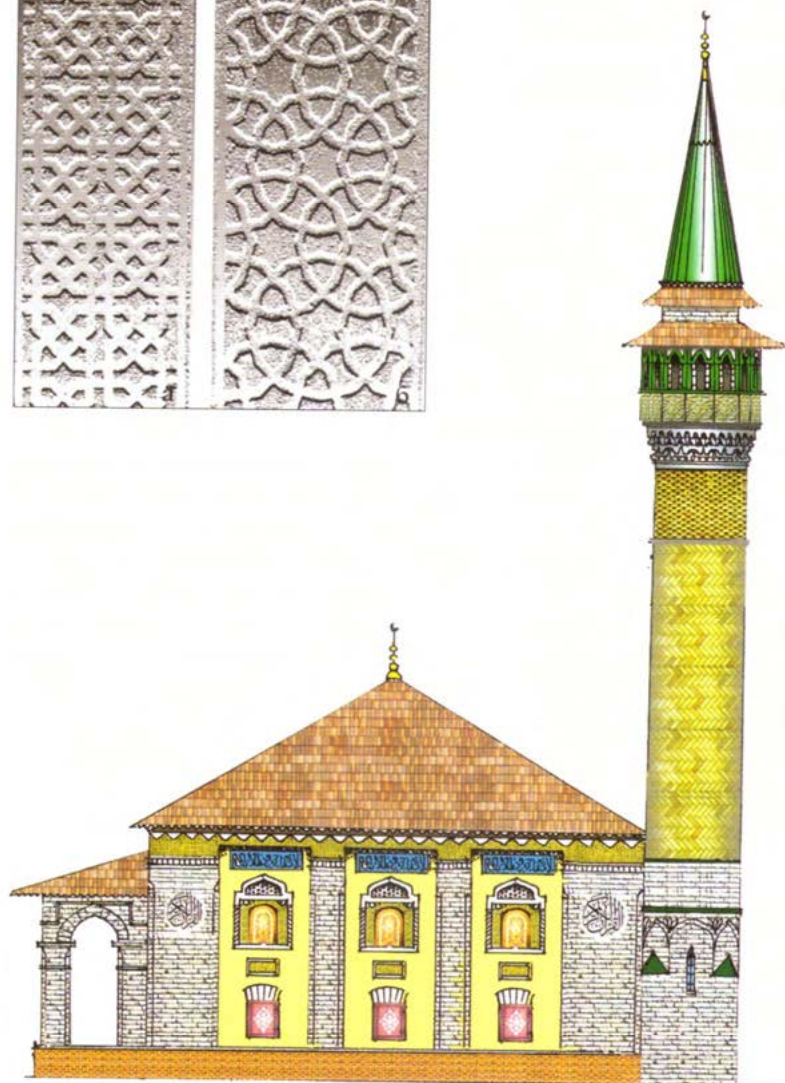

Рис. 5-8.
Майдан-джами.
Реконструкция
Н. Халита,
художественная
интерпретация
Н. Хазиахметова.

как одного из возможных типов каменных джамии на этом весьма значимом для центральной части крепости, на западной стороне площади перед Арком. Назовем её условно «Майдан-джамии» (рис. 5-8).

МЕЧЕТЬ- МЕДРЕСЕ КУЛ ШАРИФА

По сведениям русских летописей, мечеть была расположена где-то в районе рва Тазик. «И приближа христиане к Кулшерифу, к Тезицкому врагу» пишет князь Курбский, вспоминая свой военный поход в Казань [100]. Русские источники именуют мечеть «Кулшерифовой», имея в виду, вероятно, имя её имама, сеида Кул Шарифа, возглавившего оборону этой части города в октябре 1552 года. После захвата части Кермана русские хотели пойти на штурм ханского двора, но в этот момент на их пути встали муллы и шакирды во главе с сеидом Кул Шарифом. Полностью перебив первую волну атакующих, они пали до единого в неравном бою. В последней отчаянной схватке погибли и запершиеся в Арке (Ханском дворе) остальные защитники мусульманской столицы Поволжья.

Как гласит легенда, мечеть поражала гостей Казанского Юрта своим великолепием, изящностью, красотой, богатой библиотекой. Она вмещала несколько тысяч человек. В ней по пятницам собиралось практически всё мужское население Казани, проходили церемонии возведения ханов на престол.

По поводу местоположения мечети мнения исследователей расходятся. М. Г. Худяков, считая Тезицким ров перед нынешней Спасской башней кремля, размещал её «на том месте, где русскими был основан Спасский монастырь» (Худяков М. Г. 1923: 265). Думаю, основанием для такого предположения послужила фраза из КЛ о том, что царь Иван «кумиры сокрушил, и в те место церкви воздвигнул..., а второй храм за городом у Арских ворот пренесение Нерукотворного образа» (История о Казанском царстве ... 1791: 247), которую можно истолковать в том смысле, что Спасская надвратная церковь разместилась над разрушенной мечетью «на рву». К его мнению присоединился и А. Х. Халиков, полагая, что на месте этой мечети, «вероятно с использованием старых стен, была воздвигнута церковь Киприяна и Устиньи» (История Казани. 1988: 29). Иного мнения придерживается С. С. Айдаров. Опираясь на изображение

Рис. 5-9.
Местоположение предполагаемого комплекса мечети-медресе Кул Шарифа и инфраструктура средневекового Кермана, совмещённые с планом современного Кремля (по А. Г. Ситдикову).

Казани на иконе XVI века «Церковь Воинствующая» (ЦВ), он размещает мечеть внутри ханского двора таким образом, что южная стена её совмещается со стеной цитадели, которая, по мнению автора, проходила вплотную к Тезицкому рву (в районе Консistorского спуска) (Айдаров С. С. 1990: 27, 28). Правда, Царственная книга и Казанский летописец вроде бы не отождествляли оборону мечети Кул Шариф и Ханского двора (вспомним: «к Кулшерифу, к Тезицкому врагу», а о штурме Ханской цитадели — там уже особая песня. Н. Калинин размещал её на месте Благовещенского собора [101], а Г. Айдарова-Волкова впоследствии опубликовала мнение, что Благовещенский собор и есть переделанная мечеть Кул Шарифа [102]. Мною несколько лет назад была выдвинута гипотеза о том, что эта мечеть могла располагаться в двух местах: на месте сегодняшнего садика Благовещенского собора или в устье Тезицкого рва у Сбойливых ворот, там, где впоследствии расположилась церковь Дмитрия Селунского [103].

Археологические исследования 1997—1998 гг. вскрыли основание обширного комплекса построек, в том числе двухэтажного каменного здания времён ханской Казани, перестроенное впоследствии под Архиерейский дом. Одно из периферийных сооружений западной части, вероятно, этого же комплекса, было обнаружено ещё в 1977 г. экспедицией профессора А. Халикова. После нескольких лет исследований удалось выявить целый ряд остатков средневековых сооружений различной степени сохранности: от полностью выбранных фундаментов со следами свайного

уплотнения грунта до прекрасно сохранившейся цокольной части из искусно вытесанных крупных каменных блоков в юго-западной части комплекса, примыкавшей к остаткам Тезицкого рва. Границы комплекса так и остались не выявленными, и их исследованная часть ограничилась с востока и юга объездной дорогой. Причём в южную сторону под землю уходила каменная галерея с лестницей из тёсаных известковых блоков, лишь небольшую часть которой удалось вскрыть и зафиксировать.

Согласно гипотезе Ф. Ш. Хузина и А. Г. Ситдикова [104], сопоставивших план археологических остатков XV—XVI вв. с архивным планом Архиерейского дома 1-й пол. XIX в., средневековые сооружения ханского времени были в основном сохранены и использованы под Архиерейское подворье уже во 2-й пол. XVI в. [105]. На это указывает практически полное совпадение архивных планов с обнаруженными фундаментами татарского времени, лишь с некоторыми переделками (рис. 5-11). Опираясь на данные археологических исследований 1996—1997 гг., можно вычлени из значительного числа сооружений Архиерейского подворья его средневековое ядро (рис. 5-11) и попытаться его проанализировать.

Рис. 5-10. План археологических исследований комплекса построек в садике Благовещенского собора, 1997 г. Сооружения разных эпох (по А. Г. Ситдикову).

Рис. 5-11. Совмещение обмерного чертежа Архиерейского подворья 1-й трети XIX в. с результатами археологических исследований (по А. Г. Ситдикову).

Рис. 5-12. Разрез Архиерейского дома на обмерном чертеже А. Шмита, 1-я треть XIX в.

Особенно ценной в этом свете становится другая часть архивного материала: планы 2 этажа и разрезы Архирейского дома, сильно пострадавшего после пожара 1815 г., сделанные архитектором Шмитом незадолго до его сноса в 1829 г. (рис. 5-12) [106]. Опираясь на них, мы можем составить достаточно полное представление о надземной части комплекса, что совершенно уникально для Казани, где никаких наземных гражданских сооружений времён Казанского ханства пока вроде бы достоверно не зафиксировано.

Можно предположить, что это и были остатки комплекса мусульманского религиозно-просветительского центра сеида Кул Шарифа, переданного после захвата Казани русскими под дворьё казанского архиерея. Немного, правда, смущает, что писцовые книги XVI в. не упоминают такие значительные сооружения в Кремле, но этому, вероятно, можно найти своё объяснение, ещё раз убедившись попутно, что документ не всегда достоверный и тем более объективный источник познания.

Планировочно в составе сохранившейся части комплекса XVI в. можно выделить три функциональные группы: мечеть, медресе и жилой дом (вероятно, имама, в данном случае — сеида Кул Шарифа). Учитывая, что вход в молельное помещение не мог быть расположен со стороны михраба (южная стена садр), а также то, что молельный зал должен был иметь достаточную площадь, квадратное в плане здание в северо-восточной части комплекса оказывается практически единственно пригодным для мечети. Что здесь была именно мечеть, указывает также основание минарета, примыкавшего к зданию так, как это обычно и делалось в османских джами. В русское время минарет был разрушен, а его нижняя часть сохранилась на уровне третьего этажа, с лестницей, ведущей «в никуда», что говорит о её ином предназначении в прошлом и заброшенности в период реконструкции здания (рис. 5-13). Мечеть атрибутируется как центрально-купольная джами османского типа бейликского периода конца XV в.: квадратное в плане каменное сооружение, перекрытое куполом (рис. 5-14). Причём уже первичный анализ археологических остатков комплекса (судя по архивному плану, он был когда-то гораздо обширнее и к XIX в. сохранился лишь частично; часть его сооружений зафиксирована в полуразрушенном состоянии) говорит о явной разновременности его формирования.

Не вдаваясь в подробный анализ всего комплекса, чему будет посвящено специальное исследование, рассмотрим конкретно здание мечети с прилегающими подсобными

Рис. 5-13.
План-схема
предполагаемого
комплекса
мечети-медресе
Кул Шарифа
в Казанском
Кремле.

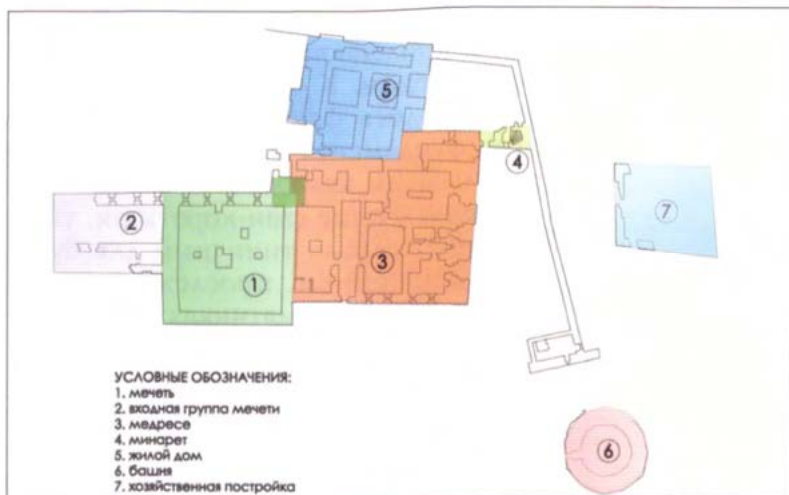
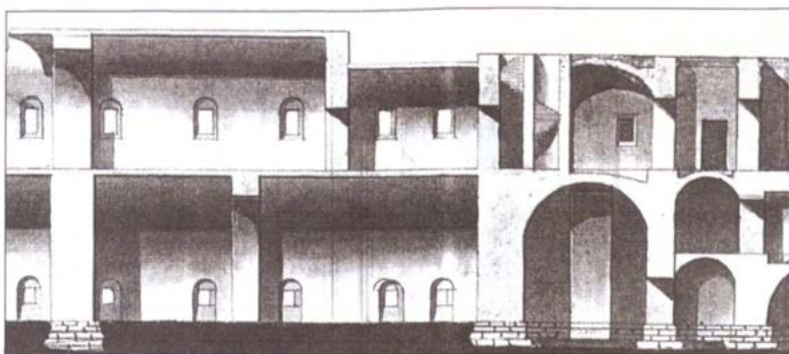

Рис. 5-14.
Фрагменты
обмерного
чертежа А. Шмита
(1-я треть XIX в.).
Разрез и план
Архиерейского
дома, предпо-
ложительное место
бывшей мечети
и её минарета.

помещениями. Функционально со зданием собственно мечети (молельным залом) органично связываются два примыкающих к нему с западной стороны объёма, которые можно атрибутировать как вестибюль и лестничную клетку с выходом на западный фасад. Двухэтажный объём вестибюля делился симметрично на две камеры, предположительно, перекрытых куполами, между которыми располагался минарет. Его основание зафиксировано на обмерных чертежах Архиерейского дома на уровне третьего этажа — как на плане, так и на разрезе (рис. 5-13). К двухэтажному объёму вестибюля с запада примыкал пристрой каменной лестничной клетки. Предполагая более раннее появление здания мечети, можно реконструировать её как достаточно типичную джамии с композицией, симметричной относительно оси «восток-запад». Чистота её планировки и общей композиции говорит о единовременности архитектурного замысла с его реализацией и первоначальной идеей её визуального восприятия как отдельно стоящего объекта с преимуществен-

ным обзором с западной или северо-западной стороны, т.е. с прилегающей главной улицы Кермана и майдана перед Арком. К сожалению, археологически зафиксировать удалось фактически лишь траншею от выбранного фундамента мечети с отдельными разрозненными небольшими камнями. О высоте здания говорили лишь многочисленные сваи-коротыши, уплотнявшие грунт под фундаментом, — типичный для болгарского каменного зодчества приём, прослеживающийся неоднократно, в частности на памятниках Булгарского городища.

Внешние формы и стилевые особенности мечети следует, вероятно, реконструировать исходя из общего стиля эпохи и конкретной политико-культурной ситуации, например, в период правления Сахиб-Гирея и Сафа-Гирея, когда, в частности, могла появиться новая мечеть. Поэтому внешнюю архитектуру этого здания, имея также в виду и типично османскую её планировку, можно реконструировать в формах крымско-османского стиля 1-й трети XVI столетия. Учитывая при этом, разумеется, как минимум, фактор более сурового климата, диктующего закрытые от холода входные узлы и галереи, более массивные стены и интенсивное отопление, защищённость внешних покрытий от агрессивной природной среды. Могли появиться на

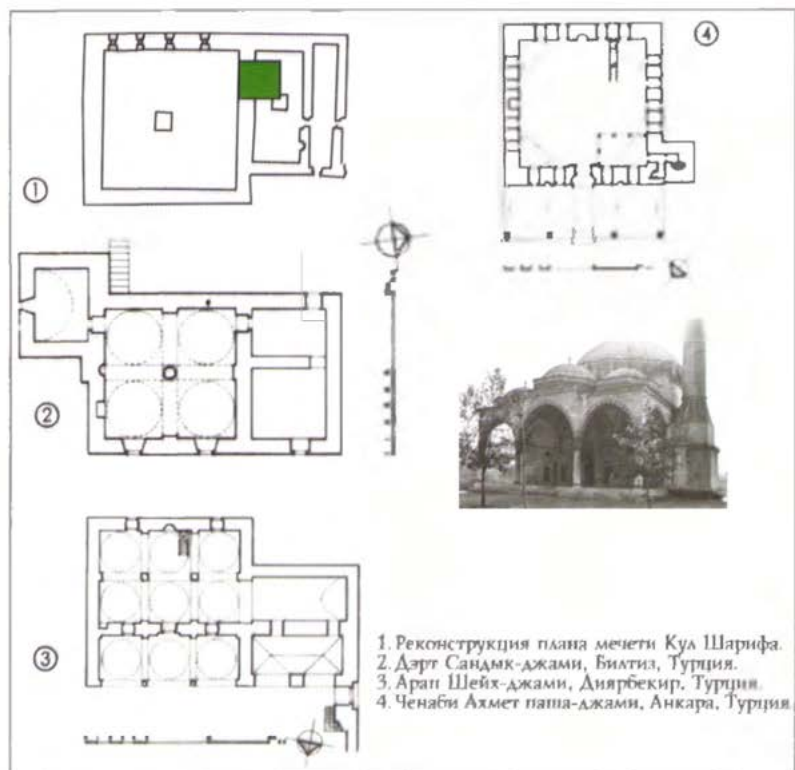

Рис. 5-15.
Планировка
мечети Кул
Шарифа
в Казанском
Кермане
на 1-й период
существования
(1520-е гг.).

1. Реконструкция плана мечети Кул Шарифа.
2. Даргт Сандук-джами, Билеиз, Турция.
3. Арап Шейх-джами, Диярбекир, Турция.
4. Ченаби Ахмет паша-джами, Анкара, Турция.

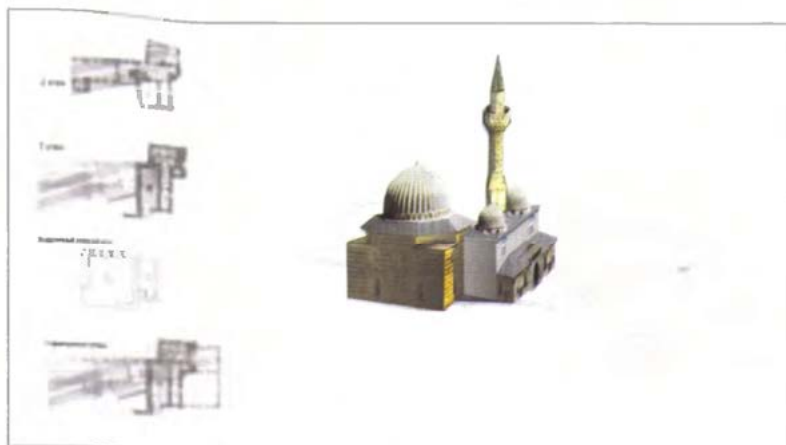

Рис. 5-16. Мечеть Кул Шарифа, 1-й период существования. Реконструкция автора.

фасадах здания и чисто казанские мотивы, нигде более не встречающиеся.

Сопоставляя планы предполагаемой мечети и прилегающей к ней с запада здания предполагаемого медресе, можно отметить облегчение её внешнего абриса помещениями медресе, что говорит о более поздней дате его строительства по отношению к мечети. Таким образом, есть основания предполагать второй этап развития планировки и архитектурной композиции этой мечети после строительства медресе, пристроенного к ней с западной стороны. В этот период возможно строительство восточного входного узла, одновременно расширившего фасад мечети по периметру майдана для массовых молений на открытом воздухе. Западная же лестничная клетка, сомкнувшаяся с медресе, служила для обслуживания шакирдов с непосред-

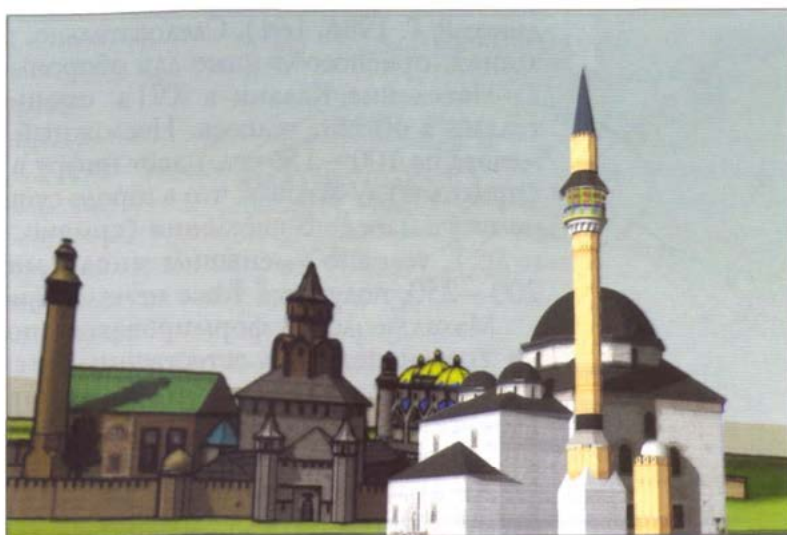

Рис. 5-17. Мечеть Кул Шарифа, 2-й период существования. Реконструкция автора.

ственным входом в вестибюль из медресе на уровне как первого, так и второго этажей. Вероятно, этот входной узел работал одновременно на два здания и имел выход на северный фасад комплекса.

Возвращаясь к легенде, можно предположить, что вместимость в несколько тысяч человек, пожалуй, преувеличение, но не очень большое, если учитывать возможность массовых молебнов во дворе мечети к северу от неё — так, как это сейчас делается возле современной мечети Кул Шарифа. Само же здание, вероятно, могло вместить около 400 человек.

Здание мечети было разрушено, видимо, намеренно, в русское время, поскольку часть здания на обмерных чертежах отсутствует (угол разрушен), а часть перестроена в сводчатую галерею, служившую уже явно иным целям.

МЕЧЕТИ ШАХРИСТАНА

Археологически мечети за территорией Кремля пока не выявлены, хотя как непреходящий атрибут мусульманского поселения они, несомненно, существовали здесь с момента основания города.

Литературные сведения об архитектуре средневековой Казани скудны. Впервые упоминаются мечети в летописном сообщении о нападении русских на посады Казани в 1469 г., когда многие горожане, не пожелавшие сдаться в плен, заперлись в мечетях и погибли в пожаре (Фахрутдинов Р. Г. 1986: 164). Следовательно, это были каменные здания, приспособленные для обороны.

Население Казани в XVI в. оценивается исследователями в 40 тыс. человек. Несложный расчёт (1 махалля мечете на 100—150 чел.) даёт цифру в 300—400 махалля (приходов). Учитывая, что в городе существовали кварталы немусульманского населения (армяне, русские, черемисы и др.), условно уменьшив число махалля мечете до 200—250, получится тоже немалая цифра.

Махалли могли формироваться по территориальному (ограниченность естественными складками рельефа, водными и иными преградами), профессиональному (воинские, ремесленные и т. д.), земляческому (переселенческие, инонациональные и др.) признакам и т. д.

Джами (если считать 1 джами на 10—15 махалля мечете) могло быть около 15—20, вероятно, их можно

привязать к естественно сложившимся территориям (низинной, верхней, заречной и т. д.). Рассуждая таким образом, можно предполагать джами внутри Кермана и за его пределами на горе, в прибулачной части города — под Керманом и в Забулачье за городской стеной, в аулах Кураиш, Бишбалта и др. Аналогично, на Арской стороне можно предполагать 1—2 джами в городе и 1—2 за его пределами (рис. 6-1).

Как правило, торговые центры городов также имеют свои мечети — **базарные**. Таких могло быть минимум три: на городской ярмарке Ташаяк, в устье оврага Тазик и на «торговище» за Арскими воротами.

Свои мечети имели и караван-сарай, которых в Казани было несколько.

Городская **аль-Кабир**, как правило, располагалась за пределами цитадели, но внутри городской стены. Будучи самым высоким сооружением города, минарет Кабир должен был служить дозорной башней, и в то же время не представлять опасности для цитадели в случае захвата его врагом. Вероятно, так было и в Казани. Портовая прибулачная часть города едва ли годилась для Кабир — украшения города. Это была сырая, подверженная наводнениям и несколько суматошная из-за близости ярмарки Ташаяк с её неизбежными складами, стойлами для скота, грязью, купеческими караван-сараями и т. п. территория. Здесь же, поблизости от проточной воды, вероятно, распо-

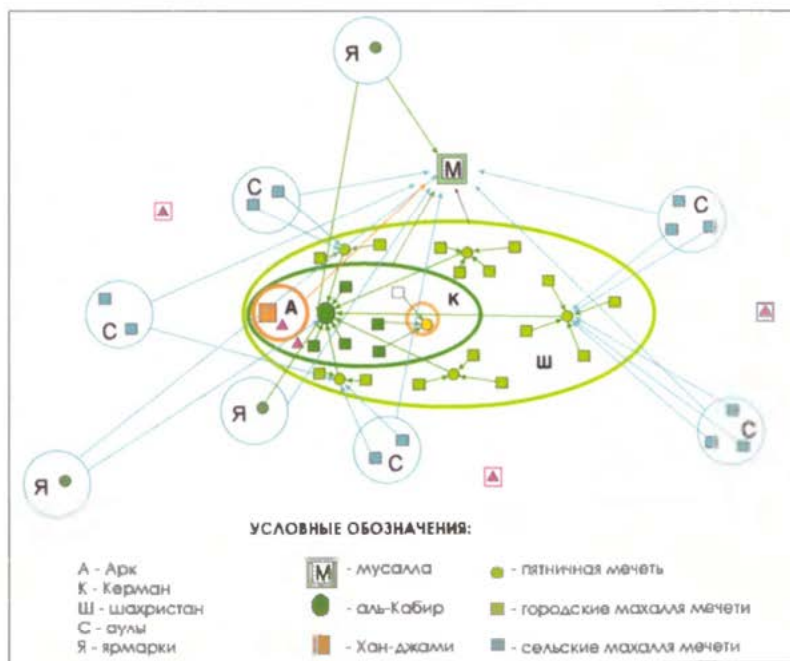

Рис. 6-1. Схема исламского сакрального каркаса Казани в XV—XVI вв.

лагались и ремесленные кварталы. Наиболее благоприятной для проживания и более заселённой была Арская сторона, где размещались усадьбы более благополучных горожан. С точки зрения же градостроительной здание аль-Кабир требовалось разместить в таком месте, где она наилучшим образом бы читалась на панораме города [107]. В сущности, таких мест внутри городской стены было только два: у Царских ворот, где впоследствии разместились Гостиный двор и Николо-Гостинодворская церковь, и территория «Старого Городища» (позднее — Казанского Богородицкого монастыря). Рисунок из книги А. Олеария не запечатлел это яркое сооружение, что едва ли бы случилось, если бы оно находилось на западной панораме вблизи Кермана. Поэтому наиболее вероятен второй вариант — высокий берег Казанки на «Старом Городище».

Местоположение *мусалла* пока неопределённо. Учитывая, что это должна была быть ровная сухая площадка за городом, способная вместить всё население города в ежегодный праздник Курбан-байрам, можно предположить её за пределами городской стены в Арском направлении, либо южнее, в районе «Кабанского городища» (Архиерейской дачи). Как уже говорилось выше, именно там, по сведениям Хисамуддина аль-Булгари, существовала «глиняная» мечеть, основанная переселенцами из Булгара.

Упоминают о посадских мечетях и другие источники (Татищев В. Н. 1966: 28). Зная о том, что мечети часто сопровождалась некрополями, можно предположить их местоположение, в частности, в районе находок древних татарских надгробий: в юго-восточной части Гостиного двора (Худяков М. Г. 1923: 267), в юго-восточном углу Кремля (Калинин Н. Ф. Иллюстрации к докторской диссертации: д. 296) и др.

В других источниках упоминались «на Царевом лугу... Отучева мизгитъ» (Курбский А. 1902: 56), у истока Булака, возле которой при штурме Казани расположился царский шатёр, мечеть Бухар [108].

Никаких подробностей об этих сооружениях не сохранилось, кроме упоминания о том, что мечеть Отуч была каменной и сохранилась самое меньшее до XVII в. Исходя из того, что на окраине аула Кураиш находилось древнее кладбище, ликвидированное русскими в начале XVIII в., её местоположение можно предположить в районе бывшей Сенной площади.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поволжские тюрки (татары), кажется, единственный народ древней государственной культуры на обширной территории бывшей Российской империи, в культурном наследии которого практически не сохранился ни один целый наземный памятник времён Средневековья, не осталось никаких письменных документов, даже достоверных изображений многочисленных когда-то городов и селений. Загадочен облик средневековой Казани, всего 450 лет назад блиставшей красотой Востока — мечетями, крепостью, базарами... От тюрко-исламского Казанского государства не осталось ни наземных построек, ни достоверных описаний или изображений — этот период является одним из самых загадочных и малоисследованных в истории татарского зодчества.

Архитектура мечетей, являясь одной из областей монументального строительства, вобрала в себя лучшие достижения строительной техники и художественной культуры своего времени, мировоззренческие установки ислама и его тюркских последователей. Её история уходит своими корнями в те далёкие эпохи, когда люди только начинали обживать эти места, страшась набегов гуннов и хазар, диких западных славянских племён... Мечеть символизировала собою тогда луч света с цивилизованного арабского Востока, единение с великой культурой ислама, о чудесах которой рассказывали многочисленные купцы, побывавшие в тех краях.

Здания татарских мечетей необычайно своеобразны, подобных им нельзя больше встретить нигде, кроме как в местах исторического расселения татар — в России и за её пределами. Арсенал строительных и архитектурных приёмов в раннесредневековой архитектуре Волго-Камья был достаточно обширен, и этот опыт вполне мог быть использован при формировании новой исламской культовой архитектуры. Корни высокой строительной культуры болгар пока ещё мало изучены, однако, развиваясь на почве Среднего Поволжья, она сумела аккумулировать опыт и достижения различных народов и стран, в контакте с которыми находились болгары, а также аборигенного населения края (рис. 5-8, 5-9).

По определению С. М. Червонной, болгарское искусство домонгольского времени как бы неторопливо приспосабливалось к теологическим и эстетическим нормативам ислама,

не слишком резко разрывая со своими собственными языческими традициями, допуская многие компромиссы (Червонная С. М. 1987: 97). Несомненно, в какой-то степени это относилось и к архитектуре мечетей, как известно, не ограничивавшейся какими-либо каноническими требованиями.

Монгольское завоевание консолидировало болгар под знаменем ислама, и это отчётливо прослеживается на памятниках искусства и архитектуры 2-й пол. XIII—XIV вв. (Червонная С. М. 1987: 99). В период Золотой Орды в Булгарии получили распространение каменные здания с весьма характерными приёмами строительной техники (бутовый фундамент на свайном основании, кладка стены из тесаных блоков, перевязанных дубовыми брёвнами и забутовкой внутреннего пространства стены; тщательная подгонка лицевых блоков; фасадная орнаментальная резьба и др.) [109].

На границе лесостепной зоны со Степью, где находились центральнобулгарские города, обогащение силуэта и живописности масс в архитектуре могло пойти по пути, подсказанному устоявшимися традициями каменного зодчества (о чём говорит факт перестройки Булгарской Кабир), а также и по пути включения в арсенал образных средств опыта деревянного строительства, позволявшего создавать богатые по силуэту венчающие элементы (башни, шатры, шпили).

Многочисленные поливные изразцы, цветная штукатурка и фресковые росписи стали неотъемлемыми элементами булгарского зодчества XIV—1-й пол. XV вв. Изразцы были найдены в развалах булгарских мавзолеев и других зданий, но, к сожалению, их первоначальное местоположение пока точно не определено. На территории Казани таких находок пока сделано меньше, но нет оснований считать, что казанские вельможи строили себе усыпальницы иначе, чем в Булгаре, если вообще часть булгарских усыпальниц не является захоронениями представителей казанской знати в священном городе. И едва ли следует сомневаться в том, что в казанской монументальной архитектуре полихромия была неотъемлемой частью её художественно-образной системы. Об этом говорят общие закономерности обширного региона, находившегося в ареале персидского влияния, в том числе и Поволжья. Наложившись на богатую цветовую культуру тюркского мира, традиция полихромии во всех её проявлениях, и не только в архитектуре, стала неотъемлемой частью татарского менталитета вплоть до сегодняшнего дня.

В условиях же Казанского края, находившегося в лесной зоне и в окружении аборигенного населения, не отягощённого многовековыми традициями каменного зодчества, естественно, должно было произойти смещение акцента в сторону преимущественно деревянного строительства. Каменные культовые здания в массе деревянной застройки несли более символическую нагрузку, обозначая либо неизбежность госу-

дарственной власти, либо идею приобщения к культурам центров мусульманского мира. Это существенным образом повлияло на силуэт городской застройки, на композиционные и образные средства монументального зодчества, наложило серьёзный отпечаток на характер архитектуры и пути ее развития. В монументальных зданиях XIII—XV вв. следует ожидать появления высотных, шатровых завершений, обогащения силуэта за счёт увеличения числа высотных акцентов, характерных для деревянного зодчества живописных изломов и членений фасадов. Лёгкость обработки, дешевизна и доступность деревянных конструкций, близость к народным традициям способствовали вхождению в арсенал средств монументального зодчества более широкого перечня типов и тем, чем в канонизированной каменной архитектуре. Такие образные средства традиционного каменного зодчества, как купола, арки, выносные порталы, цилиндрические башни, естественным образом заменяются здесь на свойственные дереву шатры, навесы, многогранные формы.

Удельный вес дерева, значительно больший в архитектуре Казани, чем в Центральной Булгарии, с неизбежностью накладывал отпечаток и на развитие её декоративной системы. При существовавшем тогда уровне строительной техники, которая предполагала в основном применение топора и без гвоздевой системы соединений, это была эстетика сруба с его модулем членений в длину бревна, изломанными живописными поверхностями, богатым силуэтом, выразительной фактурой бревенчатых плоскостей.

К середине XVI столетия монументальное зодчество Казани приобрело ряд собственных, свособразных в сравнении с центральнобулгарскими традициями архитектурно-художественных и декоративных принципов. Можно предположить, что, основываясь на суровом северном стиле булгарской монументальной школы, оно восприняло черты имперской архитектуры Золотой Орды, Тимуровского государства и Турции, где образ мечети ассоциировался уже не с убежищем, а с пышным венцом государственной культуры, изяществом своих форм, утончённостью силуэта и высотностью объёмов, говорящих о полном господстве в идеологии, не нуждающемся в какой-либо военной защите. Логически следовавшая из этого положения идея декоративной насыщенности дополняла облик мечети. Гротескно сочетая в себе тяжеловесные пропорции булгарских башен с изяществом внешнего и интерьерного декора, облик казанских сооружений, вероятно, приближался к известным образцам ширвано-апшеронского стиля (Дворец Ширваншахов в Баку).

Строительство мечети считалось делом богоугодным, оно осуществлялось благодаря огромным денежным вкладам и пожертвованиям монарха, правящей знати, купцов и зажи-

точных горожан. В центрах мусульманского мира мечети часто разделяли судьбу произведений архитектуры династического характера: при смене династии ранее воздвигнутую аль-джами аль-кабир нередко разрушали целиком и затем возводили заново или коренным образом перестраивали (Каптерева Т. П. 1988: 51). Однако относительно демократические формы государственного строя в Казанском ханстве и его политическая нестабильность, имевшие своим результатом довольно частую смену ханов на казанском престоле, вероятно, сказывались и на возможностях их личного воздействия на преобразования в культурной жизни страны. В том числе и на строительство больших мечетей.

Живописная архитектура, зародившаяся в регионе ещё в XIV в., получила неадекватное развитие в каменном и деревянном зодчестве.

Каменное зодчество, опиравшееся на центральнобульгарские традиции, могло развиваться в направлении, подсказанном общим ходом развития архитектуры стран мусульманского региона: главенство принципа асимметрии и вытянутости пропорций, обогащённого силуэта и живописности масс, повышение декоративности и введение полихромной изразцовой или живописной декорировки. Особую выразительность силуэту болгарской мечети придавала тонкая остроконечная башня минарета, по своей высоте значительно превосходящая высоту здания.

Основными образно-художественными средствами в каменном зодчестве служили крупные гладкие плоскости стен с чёткими гранями, цилиндрические поверхности башен, обогащённые декоративными вставками, выносные порталы, аркады и галереи, стрельчатые и арочные проёмы и ниши, элементы завершений. Каменная кладка Казани, многочисленные образцы которой были обнаружены на территории Казанского Кремля, весьма разнообразна: от искусно уложенного плитняка до гладко отёсанных блоков. Распространённый в XIV в. в Булгаре и Золотой Орде кирпич-плинфа в Казани практически не встречается, в то время как множество остатков кирпичных стен, в том числе и явно в слоях Казанского ханства, не оставляют сомнения в широком распространении здесь обычного на современный взгляд прямоугольного кирпича, стереотипно всегда воспринимавшегося как «русский».

Остатки кирпичных стен ханского времени обычно покоятся на бугровом фундаменте из крупных известняковых блоков грубой обработки: прямоугольных или рваных, на известковом растворе или без.

Опыт деревянного строительства у болгар и татар оказался значительным и получил своё воплощение в самых разнообразных типах сооружений: жилых, культовых, крепостных, инженерных. **Деревянное зодчество**, в основе которого лежали срубные и каркасные конструкции и скатные кровли,

оперировало собственными средствами и имело своеобразный арсенал конструктивных и декоративных приёмов. Думается, в основном чисто деревянными были махалля мечете и относительно небольшие по размерам джами; в более же монументальных сооружениях применялись смешанные кирпично-деревянные и каменно-деревянные конструкции.

Монументальные здания на срубной основе тяготели к пирамидальности композиции, живописности масс и объёмов, богатым многоплановым силуэтам, позволявшим усложнять его за счёт увеличения числа маковок и шатров. Анализируя архитектуру таких зданий, М. Г. Худяков обратил внимание на сходство татарского деревянного дома и мечети с архитектурой калмыцких дацанов (крестообразный план, многоглавость, завершение в виде остеклённой вышки, яркая полихромия) (Худяков М.Г. 1921: 58) [110]. Действительно, именно этот тип мечети получил распространение в Литве, куда он был занесён воинами хана Токтамышша в XIV в. Впоследствии на базе этой композиции был создан «образцовый» проект 1829 г. на татарскую мечеть.

Сама конструкция сруба, обладавшего выразительной фактурой стены, расчленённой вертикальными рядами перевязок, не требовала применения средств мелкой пластики, однако полихромные традиции могли сказаться и в способах раскраски фасадов, покрытий и деталей. Не исключено было и применение четырёхгранного бруса — так, как это делалось, к примеру, в мечетях на территории Башкирии в XVII в. (Калимуллин Б. Г. 1972) и богатых сельских домах Закавказья в XVIII—XIX вв. [111], фасады которых при этом чересполосно раскрашивались в два цвета (обычно в белый и голубой). Корни такого решения пока проследить не удаётся, но предположить консервацию местных традиций монументального зодчества здесь мы вправе.

Стилевое выражение архитектурной формы в монументальных зданиях Волго-Камья менялось с течением времени в соответствии с современными направлениями зодчества Переднего Востока.

Монументальная архитектура Казани XV и 1-й пол. XVI вв., находясь в русле магистрального пути развития исламской культуры того времени, судя по всему, попала под сильное влияние османской школы монументального зодчества, что вполне отчётливо проявилось в облике некоторых сооружений, хотя в большинстве случаев казанцы активно трансформировали привнесённые творческие концепции в духе уже сложившихся стиливых приёмов местной школы. Пограничное положение Булгарского государства, открытого безбрежному миру разнообразных мусульманских культур Европы и Азии, с одной стороны, и с другой — влияние мощной культуры северного соседа и основного торгового партнёра — Руси — не исключало проникновения черт строительной культуры

восточно- и даже западноевропейских цивилизаций в архитектуру монументальных сооружений Казани. Особенно вероятным могло быть даже влияние в период государственного протектората Москвы над Казанью в конце XV — начале XVI в., когда в самой Москве наблюдался всплеск строительной деятельности с привлечением западноевропейских зодчих. По некоторым данным, именно в этот период с помощью итальянских мастеров были возведены оборонительные сооружения ханского дворца (см.: Айдаров С. С. 1990: 21); не исключено итальянское воздействие и на архитектуру мечетей Казани, если таковые в этот момент возводились [112]. В итоге возникали специфические и весьма своеобразные особенности волго-камской культуры, тесно связанные именно с этими обстоятельствами. В частности, это проявилось в применении характерных для болгарского зодчества тяжеловесных купольных и ярусных форм, скатных и многоскатных покрытий, выработке своеобразного по композиции типа минарета (Халит Н. Загадки болгарских минаретов. 1995: 65—74). Существенно сказывалось это и на художественно-образных характеристиках наиболее монументальных зданий джами и аль-кабир, придавая им характерные североболгарские черты. Признаки именно такого стиля угадываются в тяжеловесных пропорциях «столпов» храма Василия Блаженного в Москве, отразившего, как полагают, представлена о казанских мечетях [113]. Мечети же Ханская в Хан-Кермане и с литографии А. Дюрана дают другие примеры развития этого же стиля. Сохранялись, судя по всему, и местные, автохтонные формы культовой архитектуры, не свойственные памятникам центров исламского мира. К таковым можно отнести мечети с минаретом на крыше.

В архитектуре же махаалля мечете сохранялись местные, автохтонные формы культового зодчества, обладавшие чертами, не свойственными памятникам центров исламского мира. К таковым, в частности, можно отнести средневековые мечети в Татарской слободе Казани с минаретом на крыше, разрушенные в XVIII в.

Наблюдавшиеся начиная с XVI в. признаки проникновения западной культуры в архитектуру многих исламских стран, и, что особенно важно, османской Турции, могли иметь свои отголоски и в зодчестве Казани, тесно соприкоснувшиеся в это время именно с этой державой и её сателлитами. Другим вероятным каналом для такого влияния мог стать период государственного протектората Москвы над Казанью в конце XV — начале XVI в., когда в самой Москве наблюдался мощный всплеск строительной деятельности с привлечением западноевропейских зодчих. По некоторым данным, в этот период с помощью итальянцев могли быть возведены оборонительные сооружения Ханского двора в Казани и, возможно, некоторые другие постройки [114].

В стилевом отношении можно отметить явное тяготение болгарских башен к малоазиатско-закавказской школе зодчества с некоторыми признаками своеобразия: например, можно наблюдать в ряде случаев признаки упрощения силуэта и утяжеления пропорций в новоболгарский период, в чём можно усмотреть черты своеобразного северного стиля.

Способы декоративного оформления в каменной и деревянной архитектуре тоже были различны.

Достоверные сведения о декоративном оформлении монументальных построек скудны. Мечети ханского времени, в стилевом отношении близкие к кругу малоазиатских сооружений османского стиля, вероятно, обладали сходными же чертами декоративного убранства, т. е. резными орнаментальными каменными деталями, вкомпонованными в гладкие плоскости стен, росписями и майоликовыми деталями отделки; возможно, комбинированной кладкой поверхности стены из кирпича и камня различных сортов. Реликтовые отголоски этого можно наблюдать в более позднее время в архитектурном декоре Закавказья. По крайней мере, раскопки на территории Казани не дали пока материала, подтверждающего изобилие фасадного и интерьерного декора на стенах зданий.

Сопоставление с болгарскими и касимовскими сохранившимися постройками, а также с общими чертами родственных архитектурных школ в Крыму, Закавказье, Турции и арабских странах говорит о том, что в целом, вероятно, монументальная каменная и кирпичная архитектура Казани оперировала строгими и суровыми формами. Лишь отдельные элементы фасадов выделялись пышной резьбой и декоративными деталями, цветом. К ним, как мы знаем, относились порталные входы [115], обрамления оконных и дверных проёмов, венчающие и ограждающие элементы башен. Исходя из тех же аналогий можно предположить относительную декоративную насыщенность интерьеров, где сочетались каменная, деревянная и гипсовая резьба, витражи, окраска, драпировки, элементы освещения.

Предполагаемый суровый облик монументальных построек Казани не был каким-то исключением: среди родственных культур исследователи отмечали, например, бедность архитектуры Азербайджана в XV в., где единственным известным богато декорированным памятником были Восточные ворота Дворца Ширваншахов в Баку (Аскерова Н. С. 1961: 18). Та же тенденция была прослежена исследователями и в XVI в., отмечавшими *«простоту и целесообразность форм, в которых основным средством выразительности избраны объёмно-пространственные принципы композиции...»* (Саламзаде А. В. 1964: 186).

Сохранившиеся памятники средневекового зодчества предков казанских татар дают основания предполагать плос-

костной характер моделировки фасадов монументальных сооружений, сопровождавшихся арабесковой плоскостной резьбой, которая выделяла функционально важные элементы. Главнейшие же по своему значению монументальные здания имели и элементы полихромной декорировки по среднеазиатскому и золотоордынскому образцу, о чём говорят неоднократные находки голубых поливных кирпичиков, в т. ч. лекальных («бантиком»), в слоях Казанского ханства. Так или иначе, мы видим, что в плане декоративного оформления фасадов архитектура Казани не была чем-то исключительным и оперировала теми же формами и приёмами, как и многие родственные культуры на обширных пространствах Евразии.

Однако был один фактор, который существенно отличал зодчество Казани от других, — это строительный материал. Удельный вес дерева, значительно больший в архитектуре Казани, чем где-либо на Переднем Востоке и даже в Центральной Бугарии, с неизбежностью накладывал отпечаток и на развитие её образных характеристик и декоративной системы.

Едва ли следует сомневаться в том, что в казанской монументальной архитектуре полихромия была неотъемлемой частью её художественно-образной системы, хотя при этом она должна была иметь ряд своеобразных черт.

Принцип полихромности, воспринятый бугарской архитектурой как всеобщее течение мирового зодчества, в казанском крае, где была более характерна архитектура дерева, должен был получить свою, более развитую трактовку. Общая для бугарского зодчества полихромная концепция в локальной казанской школе могла реализоваться не только в изразцовой облицовке и в настенных росписях по штукатурке, но и, скажем, в росписях по деревянной обшивке, росписи отдельных деревянных (или даже каменных) деталей, живописных орнаментальных панно и плафонах, драпировках, витражах.

Поэтому разноцветные изразцовые детали, находимые в большом количестве в Бугаре, в Казани, вероятно, встречались реже. Однако производство поливных изразцов в Казанском государстве явно существовало, что заставляет внимательнее отнестись к их месту в архитектуре Среднего Поволжья. Для деревянной же архитектуры должна была выработана своя полихромная концепция. Следы такого декора археологическими средствами обнаружить, вероятно, почти невозможно, хотя сам ход развития архитектурной мысли подводит к факту его существования в средневековом зодчестве Казани.

Приход на казанский трон династии ханов-чингизидов из культурно развитых областей Нижнего Поволжья и Причерноморья, несомненно, внёс новые черты в архитектуру культовых монументальных сооружений Бугарии, в которой можно проследить появление характерного для крымско-османской культуры XIV — XV вв. центрично-купольного типа

мечети с минаретом в углу здания (мечети в Хан-Кермане и с рисунка Дюрана). Тем не менее развитая школа монументального зодчества Центральной Булгарии и города Булгар не могла быть игнорирована пришельцами очевидно, которые, ещё проживая в Сарас, были хорошо знакомы с булгарами и их культурой, составлявшими один из ведущих этнических и культурных компонентов этой тюркской империи. Местные типы культовых зданий и традиции их архитектуры, безусловно, были основной базой для дальнейшего развития монументального зодчества Казани, несмотря на влияние новых направлений мировой архитектуры и конъюнктурных решений тех или иных правителей.

Как видим, архитектура ханской Казани, исчезнув с лица земли в виде материальных сооружений, оставила след в памяти людей, наложила неизгладимый отпечаток на архитектурные традиции окружающих народов, волилась в жилы будущих архитектурных стилей. Не зная об истоках тех или иных явлений и мотивов в более поздних течениях зодчества, мы склонны относить их за счёт фантазии народных мастеров или влияния неизвестно какими путями проникших далеко с Востока архитектурных мотивов. Разгадка лежит ближе: как народные мастера, так и профессиональные архитекторы никогда не пренебрегали нажитым тысячелетиями опытом предыдущих поколений. В отличие от политиков, они не отвергали культур покорённых народов, внимательно изучали остатки их сооружений, перенимали секреты профессионального мастерства у оставшихся в живых мастеров. И появлялись вдруг, казалось бы, на совершенно московских по своему облику сооружениях необычные «изюминки», отличавшие их от других построек, стоящих за пределами казанской культуры. Мы же, замечая эти отклонения от общепринятых норм и не понимая истинных причин этих явлений, пытаемся объяснить их появление какими-то надуманными сопоставлениями с далёкими (но зато сохранившимися и поэтому сопоставимыми) культурами.

Обобщая всё вышесказанное, можно определить сумму признаков монументальной архитектуры средневековой Казани как своеобразную казанскую школу зодчества, сформировавшуюся как локальное архитектурное явление. Локализации процесса архитектурного развития способствовали особенности феодального способа производства, упрочившие местные строительные и художественные традиции, вплоть до канонизации архитектурных решений (Бретаницкий Л. С. 1988: 40). Казанская школа зодчества отпочковалась от центральнобулгарской, развиваясь в русле общего для них целостного булгарского архитектурно-художественного направления, включавшего, по всей вероятности, и другие локальные школы зодчества, связывавшиеся с крупными феодальными центрами государства. Если следовать ёмким определениям,

данным А. С. Бретаницким зодчеству Азербайджана XII—XVI вв., являвшемуся во многом родственным монументальному зодчеству Булгарии, все направления и ветви развития болгаро-казанского зодчества до середины XVI в. следует определить как своеобразный болгарский архитектурный стиль, характеризовавшийся внутренним родством произведений архитектуры, независимо от назначения, типа и объёма зданий, и проявившийся в чертах художественной общности (Бретаницкий А. С. 1988: 40), которая отразила эстетические и социально-политические запросы эпохи.

Культура любого народа подобна дереву, и чем старше она, тем оно выше, гуще его крона, глубже и разветвлённее его корни. В толще тысячелетий скрыты и корни архитектурной традиции нашего народа. Исторические бури, пронёсшиеся над Волгой, поломали и повредили многие из ветвей на дереве татарского зодчества, и от цветущей некогда архитектуры мечетей сохранилась лишь её часть. Эта ветвь в течение столетий дала множество новых побегов. Не забывал народ и о древних корнях своей культуры: столетиями образ болгарского минарета тревожил воображение зодчих, вдохновляя на новые поиски.

Характерный силуэт татарской мечети несёт на себе загадочный отпечаток глубокой древности, подобно нерасшифрованной надписи давно погибшего народа на выщербленной поверхности скалы. Её архитектура, может быть, хранит воспоминания и о баранджарах-мусульманах, переселившихся сюда в VIII в. из хазарских степей, о великой культуре Золотой Орды и Казанского ханства, тесно друживших с мамлюками Египта, сельджуками и османами, сохраняет и следы соприкосновения с западными стилями в эпоху господства русских царей. В изломах минарета, очертаниях шатра читается сложная история болгаро-татарской архитектуры, её расцвета, упадка и борьбы за существование в последующие столетия. В нём звучит песня северного ислама, прочным форпостом которого стала татарская цивилизация на берегах Волги.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОЧНИКОВ

1. Литература на русском языке

1. *Айдаров С. С.* Научные предпосылки реставрации архитектурных памятников Татарии (Великие Болгары): автореф. дис. ... канд. архит. — М., 1968.
2. *Айдаров С. С., Аксёнова Н. Д.* Великие Болгары. Путеводитель по историко-архитектурному заповеднику. — Казань: Таткнигоиздат, 1971.
3. *Айдаров С. С.* Архитектурное наследие Казани. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1978.
4. *Айдаров С. С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): автореф. дис. ... д-ра архит. — М., 1990.
5. *Айдаров С. С.* Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): дис. ... д-ра архит. — М., 1990.
6. *Айдаров С. С.* О реконструкции мавзолеев Казанского Кремля (архитектурное исследование) / Мавзолеи Казанского Кремля. — Казань: Татполиграф, 1997.
7. *Айдарова-Волкова Г. Н.* В поиске материальных следов архитектуры ханской Казани // Гасырлар авазы — Эхо веков. — Казань: 1999. — № 3/4.
8. *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1944. — 214 с.
9. *Аскарлов Ш. Д.* Регион — пространство — город. — М.: Стройиздат, 1988.
10. *Аскерова Н. С.* Архитектурный орнамент Азербайджана. — Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1961.
11. *Баталов А. А.* Четыре памятника Москвы конца XVI века // Архитектурное наследство. — № 32. — М.: Стройиздат, 1984.
12. *Бахши Иман.* Джагфар тарихы (История Джагфара), 1680. — 1-е изд. — Казань: Клуб «Булгар аль-джадид», 1991.
13. *Башикиров А. С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. — Бахчисарай, 1926. — № 2.

14. *Безсонов С. В.* Барма и Посник (XVI в.) // Люди русской науки: очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники.— М.-Л.: Гостехиздат, 1946.— С. 1103—1107.
15. *Березин И.* Булгар на Волге // Учёные записки Казанского университета.— Кн. 3.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1852.
16. *Богословский П. С.* История правительственного обследования в XVIII веке Пермского края в этнографическом отношении (с архивным материалом о вогулах, татарах, башкирах и мещераках).— ИОАИЭ.— Т. 24.— Вып. 3—4.— 1929.
17. *Бондаренко И. А.* Красная площадь Москвы.— М.: Стройиздат, 1991.
18. *Бретаницкий Л. С.* Архитектурно-художественные школы Азербайджана XIII—XV вв. // Бретаницкий Л. С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма.— М.: Сов. художник, 1988.
19. *Бретаницкий Л. С.* Искусство ислама или искусство мусульманских стран? // Бретаницкий Л. С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма.— М.: Сов. художник, 1988.
20. *Бретаницкий Л. С.* Проблемы архитектурно-художественных стилей и вопросы их периодизации // Бретаницкий Л. С. Художественное наследие Переднего Востока эпохи феодализма.— М.: Сов. художник, 1988.
21. *Брунов Н. И.* О некоторых памятниках допетровского зодчества г. Казани // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Т.С.С.Р.— Вып. 2.— Казань, 1928.
22. *Брунов Н. И.* Храм Василия Блаженного в Москве.— М.: Искусство, 1988.
23. *Валеев Ф. Х.* Орнамент казанских татар.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1969.— 200 с.
24. *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975.
25. *Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф.* Древнее искусство Татарии.— Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.
26. *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, Т. 1.— СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1863.
27. *Виолле ле-Дюк Э. Э.* Русское искусство, его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность.— М., 1879.
28. *Воробьёв Н. И.* Казанские татары (этнографическое исследование дооктябрьского периода).— Казань: Татгосиздат, 1953.— 381 с.
29. *Воронин Л. Н.* Сооружения башенного типа в архитектуре Востока и их генезис // Труды Среднеазиатского индустриального института. Строительный факультет.— Вып. 1.— Ташкент, 1937.

30. *Воронин Н.И.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. — М.-Л., 1939.
31. *Воронина В. А.* Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. — М.: Стройиздат, 1977.
32. *Воронина В. А.* Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги // Архитектурное наследство. — № 33. — М.: Стройиздат, 1985.
33. *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский А.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. — М.: Наука, 1987.
34. *Глазычев В.* Примечания к кн.: Станькова Я., Пехар И. Тысячелетнее развитие архитектуры. Перевод с чешского. — 2-е изд. — М., 1987. — С. 279—280 с. Примеч. 24.
35. *Гончарова Н.Н., Корнеев Е.М.* Из истории русской графики начала XIX века. — М.: Искусство, 1987.
36. *Гордлевский В. А.* Государство сельджуков в Малой Азии. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
37. *Грабарь И.Э.* Введение в «Историю русского искусства» // И. Грабарь. О русской архитектуре. — М., 1969. — 423 с.
38. *Грабарь И.Э.* История русского искусства. Т. 2. История архитектуры, ч. 2. Допетровская эпоха (Москва и Украина). — М.: Изд-во Кнебель, 1909. — 479 с.
39. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и её падение. — М.-Л., 1950.
40. *Гуляницкий Н. Ф.* Освободительные идеи в образах памятников архитектуры XVI — 1-й пол. XVII вв. // Архитектурное наследство. — № 32. — М.: Стройиздат, 1984.
41. *Дебилов П. М.* Резьба по камню в Дагестане. — М., 1966. — 204 с.
42. *Добровольская Э.Д.* У истоков каменного посадского зодчества Ярославля (церковь Рождества Христова на Волге) // Культура средневековой Руси / под ред. А. Н. Кирпичникова и П. А. Раппопорта. — Л., 1974.
43. Древняя Казань глазами современников и историков / сост. и авт. комментариев Ф. Ш. Хузин, А. Г. Ситдилов. — Казань: Фест, 1996.
44. *Евдокимов Г. С., Рузаева Е. И., Яковлев Д. Е.* Архитектурная керамика в декоре московского великокняжеского дворца в XVI в.
45. *Егеров В. В.* Архитектура города Болгара // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 61. — Т. 2. — М., 1958.
46. *Ефимов А. В.* Колористика города. — М., 1990.
47. *Забелин И. Е.* Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. — М., 1900. — 160 с.
48. *Загидуллин И. К.* Новый источник по истории татарских мечетей Казани середины XVIII в. // Казань в середине века и ранее Нового времени. — Казань, 2006.

49. *Засыпкин Б. Н.* Архитектура Средней Азии. — М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1948.
50. *Зинченко Н.* Виолле ле-Дюк и «современное движение» // Архитектура (приложение к «Строительной газете»). — М., 1981, 22 ноября.
51. Знаменитые люди о Казанском крае / сост. А. В. Гарзавина. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.
52. *Ильин М. А.* Собор Василия Блаженного // Ильин М. А. Исследования и очерки. — М.: Сов. художник, 1978. — С. 211—244.
53. *Иман Б.* Джагфар тарихы. Том 1. Свод болгарских летописей, 1680 г. Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное жителем г. Петропавловского И. М.-К. Нигматуллиным в 1939 г. — Оренбург: Ред. вестника «Булгария», 1993.
54. *Исанбет Н.* Татарские народные загадки. — Казань, 1970.
55. История Казани, кн. 1. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1988.
56. История Москвы. — 4-е изд. — М.: Наука, 1980.
57. История о Казанском царстве (Казанский Летописец) / Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 19. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.
58. История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум неизвестным спискам. — СПб.: Изданием Императорской Академии Наук, 1791. — 236 с.
59. *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (XIII — середина XVI вв.). — Казань, 2007.
60. Казанские известия. — 1815. — № 82.
61. Казанская история / подготовка текста и вступительная статья Г. И. Моисеевой. — М.-Л., 1954.
62. *Калимуллин Б. Г.* Башкирское народное зодчество и его прогрессивные традиции: дис. д-ра архит. — Уфа, 1972.
63. *Калинин Н. Ф.* Где был дворец Казанских ханов? // Вестник Научного общества татароведения. — Казань, 1926. — С. 83, 84.
64. *Калинин Н. Ф.* Казань: Исторический очерк. — Казань: Татгосиздат, 1953.
65. *Калинин Н. Ф.* Раскопки в Казанском Кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. — Вып. 1. — Казань, 1955. — С. 117.
66. *Каптерева Т. П.* Искусство стран Магриба. Средние века. Новое время. — М.: Искусство, 1988. — С. 51.
67. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. — Т. 7 // Ежемесячное приложение к журн. «Север» за сентябрь 1892 г. — СПб.: Изд-во Евг. Евдокимова, 1892. — 294 с.
68. *Кирвиченко Е. И.* Архитектурные теории XIX века. — М.: Искусство, 1986. — 346 с.

69. *Красовский М.* Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века). — М., 1911.

70. *Куглер Ф.* Руководство к истории искусства Франца Куглера / 4-е изд., обработанное Вильгельмом Любке; перевод Е. Ф. Корша. — М., 1869.

71. К 350-летию покорения Казани (1552—1902). Подлинная о Казанском походе запись царственной книги 1552 г. И сказание князя Курбского о покорении Казани. — М.: 1902.

72. *Лефевр А.* Архитектура. — Б. м. 18... — 360 с.

73. *Любимов Л.* Искусство Древней Руси: книга для чтения. — М.: Просвещение, 1981.

74. *Мамедов Ф. Г.* Архитектурные связи школ зодчества средневекового Азербайджана. — Баку: Эдм, 1988.

75. *Марджани Ш.* Собрание сведений по истории, связанной с Казанью и Булгаром. — (На рус. яз. — в 1878 г.).

76. *Массон М. Е.* Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах // Материалы Узкомстариса. — Вып. 2—3. — Ташкент, 1933.

77. *Мефодий (Львовский).* Калмыцкие хурулы. — Б. м., 1895.

78. *Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С.* Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1987.

79. *Нильсен В. А.* Монументальная архитектура Бузарского оазиса XI—XII вв. К вопросу о возникновении средневековой архитектуры в Средней Азии. — Ташкент, 1956.

80. *Опочинская А. И.* Судацкая крепость // Архитектурное наследство. — № 34. — М., 1986.

81. *Павлинов А. М.* История русской архитектуры. — М., 1894. — 264 с.

82. (*Паллас П. С.*) П. С. Палласа, Доктора Медицины, Профессора Натуральной истории и члена Российской Императорской Академии Наук, и Санктпетербургского Вольного Экономического Общества, а также Римской Императорской Академии испытателей естества и Королевского Аглинского учёного собрания, путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть первая. — Вторым тиснением в Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1809 года.

83. Памятники градостроительства и архитектуры Украинской ССР. Т. 4. — Сумская обл., Тернопольская обл., Харьковская обл., Херсонская обл., Хмельницкая обл., Черкасская обл., Черновицкая обл. — Киев: Будивельник, 1986.

84. *Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С.* История русской архитектуры. — Л., 1984.

85. Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссею. Т. 19. — СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903.

86. *Путинцева Т. А.* Следы ведут в пески Аравии. — М.: Наука, 1984. — 285 с.

87. Ремпель А. И. Архитектурный орнамент Среднеазиатского Междуречья / Ремпель А. И. Искусство Среднего Востока. — М.: Сов. художник, 1978.

88. Ремпель А. И. Искусство Руси и Восток как историко-культурная и художественная проблема / Ремпель А. И. Искусство Среднего Востока. — М.: Сов. художник, 1978.

89. Ремпель А. И. Искусство Среднего Востока. — М.: Сов. художник, 1978.

90. Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв. — Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1964.

91. Саркисов Н. А. К вопросу сельджукских влияний в искусстве Азербайджана и Армении // Архитектурное наследие. — № 35. — М., 1988.

92. (Свиньин П. П.) Картины России и быт разноплеменных её народов, из путешествий П. П. Свиньи́на. — Ч. 1. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1839. — 386 с.

93. Сказание о Царстве Казанском. — М.: Гослитиздат, 1950.

94. Смирнов А. П. Волжские Булгары. — М.: Изд-во Государственного исторического музея, 1951.

95. Смирнов А. П. Среднеазиатские элементы в строительном деле волжских булгар // Средневековые памятники Поволжья. — М.: Наука, 1976.

96. Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1981.

97. Станькова Я., Пехар И. Тысячелетнее развитие архитектуры / перевод с чешского. — Изд. 2-е. — М.: Стройиздат, 1987.

98. Суслов В. В. Заметки о калмыцких и древнерусских постройках (очерки по истории древнерусского зодчества). — СПб., 1899.

99. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времён. — Т. 4. — М.-Л., 1966.

100. Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. — М., 1968.

101. Успенский А. Очерки по истории татарского искусства // Вестник Научного общества татароведения. — 1927. — № 6—7.

102. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984.

103. Фахрутдинов Р. Г. Мелодия камней. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986.

104. Фахрутдинов Р. Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: очерки истории и культуры / под ред. Г. А. Фёдорова-Давыдова. — М.: Наука, 1987.

105. Фехнер М. В. Великие Булгары. Казань. Свияжск: архитектурно-художественные памятники. — М.: Искусство, 1978.

106. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. — Казань: Таткнигоиздат, 1978. — 160 с.
107. Халиков А. Х. Городище второе в Кремле, XIII—XV вв. // Казань в памятниках истории и культуры. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1982.
108. Халиков А. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // Мавзолеи Казанского Кремля. — Казань: Татполиграф, 1997. — С. 31.
109. Халиков А. Х. Городище второе в Кремле, XIII—XV вв. // Казань в памятниках истории и культуры. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. — С. 158.
110. Халиков А. Х. Городище третье в Кремле, XV—XVI вв. // Казань в памятниках истории и культуры. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1982. — С. 159.
111. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989.
112. Халикова Е. А. Билярские некрополи // Исследования великого города. — М.: Наука, 1976.
113. Теоретический журнал. — Казань: ТГЖИ, 1994. — № 7—8. — С. 121—129.
114. Халит Н. Главная мечеть Золотой Орды? // Татарстан. — Казань: ТГЖИ, 1995. — № 7—8.
115. Халит Н. Загадки болгарских минаретов // Татарстан. — Казань: ТГЖИ, 1995. — № 3—4. — С. 65—74.
116. Халит Н. Мечеть Кул Шарифа в Казанской крепости. Гипотезы. Факты. Размышления. — Казань: Иман, 1996. — 46 с.
117. Халит Н. Собор Василия Блаженного — казанский трофей Ивана Грозного (Мечеть Кул Шарифа в Казанской крепости. Гипотезы. Факты. Размышления. — Изд. 2-е, испр. и доп.). — Казань: Иман, 1998.
118. Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани: Гипотезы. Факты. Размышления. — Казань: Мастер-Лайн, 1999.
119. Халитов Н. Х. Характерные черты и особенности архитектуры казанских татар XVIII века // Взаимодействие интернационального и национального в изобразительном искусстве Татарстана. — Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1981. — С. 55—79.
120. Халитов Н. Х. К вопросу о происхождении полихромии в татарском народном зодчестве // Архитектура Среднего Поволжья: межвузовский сборник. — Казань: КХТИ, 1982.
121. Халитов Н. Х. Памятники архитектуры Казани XVIII — начала XIX вв. — М.: Стройиздат, 1989.
122. Халитов Н. Х. Храм Василия Блаженного — памятник завоевания Казани // Архитектура и искусство Ближнего и Среднего Востока. — Баку: Элм, 1989. — С. 59—64.
123. Халитов Н. Х. Архитектура мечетей Казани. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.

124. Худяков М. Г. Деревянное зодчество казанских татар / Казанский музейный вестник. — 1921. — № 6.
125. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань: Изд-во Комитета по издательству и печати ТССР, 1923.
126. Худяков М. Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник Научного общества татароведения. — № 9—10. — Казань: Изд-во Дома татарской культуры, 1930.
127. Червонная С. М. Искусство Татарии. — М.: Искусство, 1987.
128. Шавохин А. С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988.
129. Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времён. — 2-е изд. — Рязань, 1891.
130. Якобсон А. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX—XV вв. Византия. Греция. Южнославянские страны. Русь. Закавказье. — Л.: Наука, Ленингр. отд., 1987.
131. Янкявичене А. С. Принципы и средства композиции фасадов готических жилых домов Литвы // Архитектурное наследство. — № 32. — М. — 1984.

2. Литература на татарском языке

1. Мәржани Шиһабетдин. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар / Сведения, привлечённые для истории Казани и Булгара. — Ч. 1. — Казань: Типография Казан. унта. — 1885.
2. Халит Н. Василий Блаженный соборы нинди телдә «сөйләп»? // Мирас. — Казан, 1992. — С. 86—99.
3. Юбилей ядкяре (юбилейное памятное издание в честь 25-летия работы Мухаммедьяра Султанова). — Казань, 1911.

3. Литература на западноевропейских языках

1. Geiger A. En Syrie et au Liban. — Grenoble — Paris, 1942.
2. (Gmelins I. G.) D. Johann Gmelins de Chemie und fau-termischaffts auf der gogen Shule Zu Jubingen affetlischen Jehrers Reis ders Sibirien von dem Jahres 1733 bis 1743, Theil 1. — Gottingen, 1751. — 467 с.

3. Gortheil. The Origin and History of the Minaret // Journal of American Oriental Society, vol. XXX.
4. Hamilton G. H. The Art and Architecture of Russia.— Harmondsworth: Penquin Books, 1983.
5. Kuran A. Sinan. The Grand Old Master of Ottoman Architecture.— Istanbul — Ada Press Publishers, 1984.
6. Richardson A., Corfiato H. O. The Art of Architecture.— N. Y., 1956.
7. Schnaase. C. Geschichte der bildinden Kunst im Mittelaltez. Bd. 3.— Dusseldorf, 1868.
8. Thirch. Pharos. Antike. Islam und Occident.— Zeipzig — Berlin, 1909.
9. Tackholm V. Sagans minareter en bok om Islam.— Stockholm, Generalstabens hitografiska anstalt, 1971.
10. Voyce A. The art and architecture of Medieval Russia.— Oklahoma: University of Oklahoma Press, Norman, 1967.
11. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen: behelzende eene beschreijng van verschee dene tartershe en nabuurigi gewesten in de norden en oortelykte deelen van Asien en Europa... — Amsterdam, 1692.

Рисунки и изображения

1. Durand A. Mosquee et village Tartare (17 Septembre 1839)/ (Durand A.) Voyage Pittoresque et Archeologique en Russie Execute en 1839 sous la Direction de M. Anatole de Demidoff, Dessesins faits d'apres et litographies. Par Andre Durand.— Paris, 1840.
2. (Durand A.) Минарет и татарская деревня близ Казани. Литография с подцветом из альбома А. Дюрана, С. 76. Фотокопия. ГОМТ, фототека, негатив № 95379; Архив ИЯЛИ, колл. 69, оп. 1, № 354.
3. «Копия с подлинного 1552 года чертежа осады Казани» Сказания князя Курбского. В изложении профессора Кандаратского. С приложением плана осады Казани в 1552 году.— Казань, 1912, вклейка.
4. Казанский Кремль в 1552—1568 гг. Реконструкция С. А. Козловой и Л. С. Шавохина по материалам писцовых книг // Халитов Н. Х. Памятники архитектуры Казани XVIII — начала XIX вв.— М., 1991.— С. 39.

Картографические материалы

1. План города Казани, каков Высочайше апробован ее императорским величеством марта 17 дня 1768 года; и по

тому Высочайше апробованному плану производятся каменные и деревянные строения в Казани (Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского университета, рук. № 450).

2. План города Казани, каков Высочайше апробован се императорским величеством марта 17 дня 1768 года (там же, рук. № 4062).

РУКОПИСИ. ДОКУМЕНТЫ

Архивные фонды

ЦГАДА

1. Святейшего Правительствующего синода Правительствующему сенату сведения... от марта 15 дня 1744 года. — ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 17.

2. ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 19, 20 и др.

3. ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 24.

4. ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 24 об.

5. ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 26.

6. ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 154 об.

7. Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича... Указ от 19 июня 1722 г. — ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 968 об.

8. ЛАС (Шумиловская рукопись), л. 532 об., 875, 872 об., 880, 822 и др.

Институт истории АНТ

фонд 8, оп. 1

1. Калинин Н. Ф. История Казани с древнейших времён до XVII века: докторская диссертация. — Архив ИЯЛИ АНТ, ф. 8, оп. 1.

2. № 108. Фотографии эпитафического памятника на мавзолее с татарской надписью 1751—1752 гг. (г. Оренбург).

3. № 116. Казань с ситуациею. Карта 1739 г. (копия).

4. № 236. Калинин Н. Ф. Иллюстрации к докторской диссертации «История с древнейших времён до XVII века».

5. Калинин Н. Ф. История Казани с древнейших времён до XVII века. Иллюстрации к докторской диссертации. — Архив ИЯЛИ АНТ, ф. 8, оп. 1, д. 296.

Библиотечные фонды

1. Казанский летописец, список 1640-х. — РГБ, рук. фонд. 173 (Московской духовной академии, фонд.) № 98.
2. Указ Ивана Грозного о ломке мечетей в Казани и на их месте строительству церквей. Русский летописец по Никонову. — СПб.: 1791. — Ч. VII. — С. 82, 86, 98, 222, 287.

ССЫЛКИ

¹ Такие мечети бытовали у башкир ещё в XVIII в. (см.: Богословский П. С. 1929.).

² Согласно одной из гипотез, поддержанных А. Мухаммадиевым и А. Ситдиковым, до XIV века Казань носила название Кирмэн и лишь в эпоху Золотой Орды получила современное название, о чём говорят нумизматические и картографические данные.

³ Например, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1230—1234), церковь Пятницы в Чернигове (XIII в.), церковь Архангела Михаила в Смоленске (конец XII в.), церковь Пятницы на Ярославовом дворце (1207) и др.

⁴ Церковь в Грачанице (см.: Якобсон А. А. 1987: 147, рис. 26).

⁵ Мавзолей Олджейту Ходабенде в Южном (Иранском) Азербайджане (1309—1313 гг.).

⁶ Мавзолей султана Санджара в Старом Мерве, XII в. и др.

⁷ Дворец парона и караван-сарай в Ани (Армения, XIII в.); храм Самтавро (Грузия. XI—XIV вв.).

⁸ Церковь Благовещения в Чернигове. Владимиро-Суздальские храмы, церкви Гродно (см.: Якобсон А. А. 1987: 151, 152).

⁹ Подробное обоснование содержания этой таблицы см. в моей докторской диссертации.

¹⁰ Предположительно, по типологическим признакам, мечеть-мусалла могло быть такое сооружение, как «Малый городок» на северной окраине города Булгар, обладающее всеми характерными признаками такой мечети. Ранее мною высказывалась гипотеза о возможном размещении мусалла в районе Малого минарета в Булгаре (Докт. дисс. — С. 114).

¹¹ аль-Джами аль-Кабир г. Биляр.

¹² То же, второй строительный период.

¹³ аль-Джами аль-Кабир в г. Булгар.

¹⁴ Например, на «Копии с подлинного 1552 года чертежа осады Казани», а также на миниатюрах ЛАС (Шумиловская рукопись), л. 532 об., 875, 872 об., 880, 822 и др.

¹⁵ К примеру, в ЛАС (Шумиловская рукопись) среди изображений Казани такие постройки встречаются около 20 раз (л. 530 об., 531, 532 об., 533, 533 об., 534, 534 об., 536 об., 537, 857 об., 876 об., 881 и др.). Среди иллюстраций к Казанскому летописцу также можно отметить подобные здания,

немало их и на панораме из книги А. Олеария. По всей вероятности, широко распространённый и привычный для нас тип анфиладной мечети с минаретом на крыше, просуществовавшей в Волго-Камье вплоть до наших дней, встречался довольно часто уже в XVI в.

¹⁶ Впервые в литературе эта мысль была высказана М. Г. Худяковым (Худяков М. Г. Деревянное зодчество казанских татар. 1921: 57).

¹⁷ По утверждению автора, такие мечети существовали ещё в конце XIX в. в дер. Атия и Сулабаш Арской волости Казанской губернии.

¹⁸ Спустя четыре столетия этот тип мечети лёг в основу «образцового» проекта 1829 г. на татарскую мечеть.

¹⁹ Именно так расположена широко известная аль-Кабир города Булгар.

²⁰ Об этой мечети упоминал Ш. Марджани (указ. соч., с. 199).

²¹ Спустя четыре столетия этот тип мечети лёг в основу «образцового» проекта 1829 г. на татарскую мечеть.

²² Подробный анализ средневековой иконографии Казани см. в книге: Н. Халит. Очерки по архитектуре ханской Казани.

²³ Согласно отчёту Казанской Губернской канцелярии, к 1743 г. в Татарской слободе Казани имелось 4 мечети, 2 из которых сохранились ещё со времён независимости Казани (ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, № 803, л. 19, 20). По свидетельству И. Г. Гмелина, все эти четыре мечети почти не отличались друг от друга.

²⁴ Ф. Х. Валеев и Г. Ф. Сулейманова-Валеева считали характерной шестигранную форму минарета (Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987:135), однако такие примеры нам неизвестны.

²⁵ Это сходство летописных миниатюр (например, ЛЛС, т. 19, л. 875) с реальными постройками впервые было отмечено М. Г. Худяковым. (Худяков М. Г. 1930: 54, 57.)

²⁶ См.: Халит Н. Мечеть Нур-Али...; Халит Н. 1999; а также соответствующий раздел настоящей книги.

²⁷ Двухъярусный цилиндрический от самой земли минарет мечети в Хан-Кермане с внешней галереей и низким шатром типологически напоминает более всего ранние среднеазиатские (минареты Калян в Бухаре, X в., и в Вабкенте, XI в.) и ширвано-алпшеронские (Сынык-Кала в Баку, 1079 г., и др.) минареты, имеет не очень близкую аналогию в Крыму (мечеть в Перекопе, зарисованная в XVII в. Н. Витзенем), хотя сильно отличается от них пропорциями и суровостью архитектурного образа. По своим стилистическим характеристикам его следует, вероятно, приписать к средневожжской ветви исламского зодчества XV—XVI вв., ибо в наибольшей степени он напоминает именно минареты Центральной Булгарии XIII—XVI вв., и, вероятно, Казани XV—XVI вв., подтверждая тем самым преемственность новобулгарской архитек-

туры и своеобразие этой школы монументального зодчества средневековья.

²⁸ Минареты мечетей аль-Акмар (1160 г.), Ибн-Тулун (XIII—XIV вв.), аль-Муайяд (1420 г.), Узбек аль-Юсуф (1495 г.), Каит-бея (XV в.), Гаури (1500 г.) в Каире и др.

²⁹ Минареты мечетей Мурада I и Ешиль-Кюлие в Бурсе, Кахрие-джами в Истанбуле и др.

³⁰ Мечеть Масума в Куме и др.

³¹ Например, маковка мечети № 3 в Каргалы (см.: Юбилей ядьяре...), мечети в Перми и мн. др., которые местные краеведы обычно причисляют к влиянию русского зодчества.

³² По словам А. Мухаммадеева, обследовавшего белокаменную кладку собора в его нижней части, между тесаными блоками стен и сводов попадаются фрагменты белоглиняной керамики периода Казанского ханства, закладывавшиеся в период строительства для выравнивания слоя раствора. Такой керамики в русское время не производилось.

³³ Впрочем, в итоге последних реставрационных работ все эти росписи были признаны поздними и уничтожаются, хотя их мотивы, столь напоминающие несвойственные русскому зодчеству и непонятно как попавшие на стены собора, свидетельствуют, скорее, об их исконной принадлежности к его архитектуре.

³⁴ Фрагменты облицовки неизвестного архитектурного сооружения у западного фасада Благовещенского собора в 1861 и 1953 гг. (см.: Калинин Н. Ф. Архив ИИ АНТ, ф. 8, оп. 1, № 209; Калинин Н. Ф. 1955: 117).

³⁵ Находки в 1977 г. у подошвы башни Сююмбике. Аналогии орнаментальным мотивам этой плиты можно обнаружить в деревянной резьбе Бухары (двери мечети Хазрет-Палван-ата).

Ф. Х. Валеевым была опубликована также реконструкция резной гипсовой розетки с неизвестного здания (Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987).

³⁶ Опираясь на эти факты, искусствовед Ф. Валеев уверенно говорил о широком распространении в монументальной архитектуре XV—XVI вв. искусства резьбы по камню (Валеев Ф. Х. 1969: С. 11; Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987: 135), называя всё это «восточной барочностью, характерной для малоазийской и среднеазиатской архитектуры и искусства» (Валеев Ф. Х. 1969: 139; Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987: 161, примеч. 69).

³⁷ Геометрические «гирехи» из Казанского Кремля имеют множество аналогий во всех странах Переднего Востока. В частности, один из них полностью аналогичен резным терракотовым деталям XII в. из Средней Азии (мечеть Намазгох в Бухаре и др. — см.: Ремпель Л. И. 1978: 169, табл. 83). Из более поздних примеров можно привести розетку главного мимбара в аль-Масджид аль-Харрам (Великой мечети) в Мекке (Аравия) (см.: Tackholm V. 1971: 29).

Мотивы гипсовой розетки из кн. Ф.Х.Валеева и Г.Ф.Сулеймановой-Валеевой также имеют много вполне близких аналогий в архитектурно-декоративном искусстве Средней Азии (например, портал мавзолея Ибрагим ибн-Хасана в Самарканде, XII в.; терракотовое резное панно дворца в Термезе, XII в. — см.: Ремпель Л.И. 1978:138, табл. 75, с.182, табл. 92; капитель мавзолея Ходжа-Ахмеда в комплексе Шахи-Зинда в Самарканде, XIV в. (см.: Засыпкин Б.Н. 1948: 79—80, рис. 54), Азербайджане, Дагестане (резьба надгробий XVI—XVII вв. — см.: Дебилов П.М. 1966: Рис. 207), Турции, Магрибе.

³⁸ Опираясь на эти факты, искусствовед Ф.Х.Валеев уверенно говорил о широком распространении в монументальном зодчестве казанских татар XV—XVI вв. искусства резьбы по камню (Валеев Ф.Х. 1969: 11; Валеев Ф.Х., Сулейманова-Валеева Г.Ф. 1987 : 135), называя всё это «восточной барочностью», характерной для малоазийской и среднеазиатской архитектуры и искусства (Валеев Ф.Х. 1969 : 139; Валеев Ф.Х., Сулейманова-Валеева Г.Ф. 1987: 161, примеч. 69).

³⁹ В литературе неоднократно высказывалась мысль о полихромности архитектуры Казанского ханства. Однако, к сожалению, приходится констатировать весьма слабые позиции авторов, говорящих о широком распространении полихромии в XVI в. (Воробьев Н.И. 1953:175; Валеев Ф.Х. 1969:123, 124; Фехнер М.В. 1978: 54, 55 и др.). Они опираются, судя по неизменно приводимой цитате, лишь на свидетельство князя Курбского о том, что «дворы княжат их и вельможей зело прекрасны и воистину удивления достойны», и ничем дополнительно не аргументированы. Вероятно, эти исследователи представляли себе полихромии в архитектуре Казанского ханства как логическое продолжение и развитие полихромных традиций Булгарии. Однако одной убежденности, даже из самых лучших побуждений, для решения этого непростого вопроса явно недостаточно. Никаких же иных сведений о внешнем облике казанских зданий того времени, и тем более об их окраске, ими не приводится. Правда, Ф.Х.Валеев, ссылаясь на рисунок французского художника А. Бара, изображающий развалины средневековой татарской мечети, выдвигал гипотезу о том, что «система полосатой окраски в два цвета имеет в творчестве народа глубокие традиции и связывается, видимо, с архитектурным декором каменных сооружений Казанского ханства», имитируя чересполосную кирпично-каменную кладку, которая, как считал автор, была распространена тогда (Валеев Ф.Х. 1969:124; Валеев Ф.Х., Сулейманова-Валеева Г.Ф. 1987: 135).

⁴⁰ Иного мнения придерживается С.С. Айдаров (Айдаров С.С. 1990: 22). Анализируя содержание картины «Церковь Воинствующая», он пришёл к выводу о широком применении цвета в архитектуре монументальных сооружений средневековой Казани. Согласно его заключению, белока-

менные монументальные сооружения ханской цитадели отделялись поливными изразцами или кирпичом с преобладанием сине-зелёных и красно-коричневых тонов, применявшихся в основном в области покрытий и фризов.

⁴¹ Хотя автор в этой публикации приводит довольно развёрнутую аргументацию своей точки зрения, при отсутствии у нас достаточного сопоставительного материала для подробного анализа этой любопытной гипотезы пока её нельзя считать ни доказанной, ни опровергнутой.

⁴² Чуть раньше (XV—XVI вв.) подобные же формы появились на фасадах готических домов Литвы и Мазовии, союзников Крыма и Турции, но отнюдь не в Эстонии, Поморье, Восточной Пруссии и Северной Германии, имевших иные политические и этнокультурные ориентации (см.: Янквичене А. С. 1984: 96).

⁴³ Г. С. Евдокимов, Е. И. Рузаева, Д. Е. Яковлев и др.

⁴⁴ Например, церковь св. Троицы под Овчаром и церкви Чиношены, где отчётливо видны турецкие влияния в орнаментике амвонных решёток, резьбе наличников и абрисе оконных проёмов (1358.—рис. 31, 32, 33); монастырь св. Троицы Плевальской — во внешних архитектурных формах (галереи, навесные консольные элементы, декорировка барабанов) (1358.—табл. 22); церковь св. Борьбы у Младом Нагоричину — стрельчатые и подковообразные арки (1358.—табл. 63, 64) и др.

⁴⁵ См.: Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани.

⁴⁶ По мнению Г. Айдаровой-Волковой, это здание является мечетью времён Казанского ханства, использованным под церковь (см.: Айдарова-Волкова Г. Н. 1999: 180—186).

⁴⁷ Например, колошны медресе Ходжа Ахрар в Ташкенте (XVI—XVII вв.), ханаки Ходжа Зайнутдина в Бухаре (1-я пол. XVI в.) и др. (см.: Воронина В. А. 1977: рис. 19).

⁴⁸ Начало таким сравнениям было положено в 1830 г. высказыванием П. П. Свинына, затем архитектора А. П. Брюллова (см.: Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века. М., 1986.—С. 314). Позже эту гипотезу поддержали многие исследователи (см.: Виолле ле-Дюк Э. Э. 1879; Успенский А. 1927: 49 и др.).

⁴⁹ «Различные... переводы» М. А. Ильин расшифровывал не как «различные образцы», как считали И. Э. Грабарь (Грабарь И. Э. 1969: 170) и Н. И. Воронин (Воронин Н. И. 1939: 59), а как «множество арок» (Ильин М. А. 1978: 283). По мнению Н. И. Брунова (Брунов Н. И. 1988: 49), «переводы — это схематические условные рисунки, где обозначались, но не изображались здания и их части, а изображались «образцы» — существовавшие здания и их модели».

⁵⁰ См. об этом подробнее: Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани.

⁵¹ Более ранним примером подобного же мемориального сооружения является церковь Вознесения в Коломенском (1532 г.).

⁵² По мнению А. Х. Халикова — мечеть (Халиков А. Х. 1989: 96).

⁵³ По мнению С. С. Айдарова — многобашенная (см.: Айдаров С. С. Докторская диссертация. — Табл. 16, 17).

⁵⁴ Подробнее см.: Халит Н. Главная мечеть Золотой Орды? — С. 79—92.

⁵⁵ Например, в Кашире, Кадоме, Сурожике, Романове, Звенигороде, Серпухове, Воронеже и др. (Карамзин Н. М. 1892: 113).

⁵⁶ В их числе мечети Селимие-джами в Эдирне (1521 г.), Сулеймание (1556 г.) и Шах-Заде (1543—1548 г.), Соколу Мехмед (1569—1570 г.) (см.: Kuran A. 1984: — fig. 212—217), Зал-Махмуд-паша (1580 г.) (Kuran A. — Ibid. — fig. 212—217) и Мурадие-джами в Манисе (1582—1583 г.) (Kuran A. — Ibid. — fig. 236—238).

⁵⁷ Эта же идея, но в несколько иной форме высказана Н. Ф. Гуляницким (Гуляницкий Н. Ф., 1984: 33).

⁵⁸ По другим сведениям, церковь была построена в 1547 г. (Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. 1984: 215 и др.).

⁵⁹ Может быть, это и не случайно. Когда возводилось это огромное сооружение, в Москве жил казанский хан Мухаммед-Эмин, вернувшийся затем на казанский престол. Возможно, именно через него, в период наибольшего политического сближения Казани и Москвы, эти формы западноевропейской архитектуры проникли в Казань, а затем уже, после её падения, вернулись обратно на Красную площадь, преломившись через формы казанской мечети.

⁶⁰ Кече Манара в г. Булгар, мечеть с рисунка А. Дюрана (верхний ярус), угловые башни аль-Джами аль-Кабир г. Булгар и др.

⁶¹ Ворота Ортакапу султанского дворца Топ Капы в Истанбуле (1524—1525 г.), минарет Улу-джами в Адане и др.

⁶² Например, минареты мечети Махмуда (1568 г.) и гробницы Каит-бея в Каире (1472—1474 г.) и другие мамлюкские башни.

⁶³ Идею о традиционности этой формы у нас я подробно аргументировал в своей докторской диссертации.

⁶⁴ Некоторые авторы относят появление этих маковок к концу XVI — началу XVII в., а их окраску — к XVIII в. (см.: Ефимов А. В. 1990: 56).

⁶⁵ См. таблицу рисунков путешественника XVIII в. Бауренфейнда в кн.: Путинцева Т. А. 1984: Таблицы № 21—26.

⁶⁶ Аналог: мавзолей близ Асуана (XI в., Египет). — (см.: Воронина В. А. Мавзолей Саманидов и его зарубежные аналоги. 1985: рис. 1 в).

⁶⁷ На это обстоятельство обратил внимание и М. А. Ильин, объяснив это, впрочем, как обычно, мощью русского гения (указ. соч. — С. 238).

К моменту появления Покровского собора крещатые своды уже не были новинкой для русских. В частности, можно

назвать следующие бесстолпные храмы с такими конструкциями близ Москвы: церкви Трифона в с. Напрудном (XV — нач. XVI вв.), Николы в Мясниках (конец XV — нач. XVI в.), Рождества Христова в Юрине (нач. XVI в.) и др. (см.: Баталов А. А. 1984: 48).

⁶⁸ Подробнее см.: Н. И. Брунов. 1988, М. А. Ильин. 1978.

⁶⁹ Например, купола мавзольев Гур-Эмир и Ишрат-хана в Самарканде, мечети Биби-ханум и др.

⁷⁰ Подробнее об обосновании этого термина см.: Н. Халит. 1999: 49, 50.

⁷¹ Ф. Валеев и Г. Валеева-Сулейманова относят это описание к «Муралеевой мечети» (Валеев Ф. Х. 1975:132).

⁷² Подробнее об этом источнике см.: Н. Халит. 1999: 18.

⁷³ Подробнее об этом источнике см.: Н. Халит. 1999: 111.

⁷⁴ По поводу атрибуции этого источника см.: Н. Халит. 1999: 111.

⁷⁵ Подробнее об этом источнике см.: Н. Халит. 1999: 28—33.

⁷⁶ Подробнее об этом источнике см.: Н. Халит. 1999: 22, 23.

⁷⁷ Как сообщал Н. Калинин, в результате раскопок 1928—1929 гг. у северо-западного угла того же здания под руководством И. Бороздина, «под русским фундаментом Дворцовой церкви на глубине 110 см обнаружен второй фундамент, резко отличающийся от русского и близкий к болгарским известняковым кладкам» (Калинин Н. Ф. 1955: 117), а также приводится археологический чертёж этого фундамента. Судя по нему, конструкция этой части фундамента Дворцовой церкви весьма напоминает фундаменты кремлёвских стен, что ставит вопрос о более тщательном исследовании этого здания. На месте церкви Н. Калинин в своей реконструкции обозначает мечеть (Калинин Н. Ф. 1955: 117).

По мнению А. Халикова, под юго-западным углом Дворцовой церкви, которая появилась на этом месте лишь в XVIII в., находятся руинированные остатки мечети.

По мнению Г. Айдаровой-Волковой, стоявшая здесь «дворцовая мечеть Нур-Али» изображена на иконе «Кондак взбранной воеводе победительная» слева от «башни Сююмбике» и имела иной вид (Айдарова-Волкова Г. Н. 1997: 133). (Подробный анализ её гипотезы см. в кн.: Н. Халит. 1999: Приложение 7.)

⁷⁸ С. Айдаров, рассматривая это здание, определил его как мечеть Нур-Али (1990: 28). (Подробный анализ его гипотезы см. в кн.: Н. Халит. 1999: Приложение 8.)

⁷⁹ См. об этом подробнее: Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани. — С. 111—117.

⁸⁰ С. Айдаров, анализируя результаты археологических исследований у башни Сююмбике, выявившие лишь не-

большой фрагмент предполагаемой Хан-джами, воспроизвёл план грандиозной мечети, некогда стоявшей здесь, включая её планировку и массивные гранёные угловые башни, подобные башням аль-Кабир города Булгар. А также планировку и композицию рядом стоявшего, как он считает, мавзолея (Айдаров С. С. 1997: 50—53). На мой взгляд, выявленный участок кладки не даёт оснований для столь широковещательных реконструкций. (Подробнее об этом см.: Н. Халит. 1999: Прилож. 9.)

⁸¹ По мнению А. Халикова, «сооружения № 2 и № 3, вскрытые в золотоордынском слое, предположительно могут быть связаны с остатками дозорно-сторожевой башни с двумя пилонами, после разрушения которой примерно на этом же месте была возведена сохранившаяся башня Сююмбике» (Халиков А. 1997: 31).

Надо сказать, что на реконструкции Н. Калинина (Калинин Н. Ф. 1955: 117) примерно на этом же месте изображён не аннотированный кружок, под которым он, вероятно (глядя на рисунок Олеария), подразумевал эту же башню, но не решился в ту пору утверждать что-либо относительно неё.

С. Айдаров, принимавший участие в раскопках 1978 г., также идентифицирует Ханскую мечеть с остатками у Дворцовой церкви. (Подробный анализ его гипотезы см. в кн.: Н. Халит. 1999: Приложение 9.)

⁸² А. Халиков, анализируя результаты этих исследований, пришёл к выводу о том, что «удалось проследить остатки 4-х мавзолеев, имевших в плане подквадратную форму, ориентированную (? — Н. Х.) углами по странам света...» Один из этих мавзолеев (7x7 м) принадлежал, по его мнению, хану Махмутеку, умершему в 1467 г., другой (8,5 x 9 м) — хану Сафа-Гирею, умершему в 1549 г. Никаких доказательств этим предположениям, кроме выявленной стратиграфии, не приводится (История Казани 1988: 28).

С. Айдаров, анализируя результаты археологических исследований у башни Сююмбике, выявившие лишь небольшой фрагмент предполагаемой Хан-джами, воспроизвёл планировку и композицию рядом стоявшего, как он считает, «Первого мавзолея» (см.: Н. Халит. 1999: Приложение 10).

⁸³ Г. Валеева-Сулейманова утверждала: «внутренние стены были некогда оштукатурены и покрыты тиснёным (штамп) по гипсу растительным узором с эпиграфикой» (Валеев Ф. Х., Сулейманова-Валеева Г. Ф. 1987: 132), что не совсем соответствует названным фактам.

⁸⁴ Кроме мечети Соколу Мехмеда, у которой минарета нет, у Ханской мечети в Бахчисарае два минарета.

⁸⁵ Кроме мечети Ширваншахов в Баку.

⁸⁶ Обоснование этого названия см. в кн.: Халит Н. 1999: 49, 50.

⁸⁷ Подробные комментарии к его гипотезе были опубликованы мною в книге: Халит Н. 1999. — Примеч.

⁸⁸ См. об этом подробнее: Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани. — С. 18—19.

⁸⁹ Считая 7 футов = 2,13 м, получаем 14,91 x 17,04 м.

Маховая сажень равнялась 1,76 м, косая — 2,48 м (см.: Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1981. — С. 1170).

⁹⁰ Мечеть в Баршане, 1134 г.

⁹¹ Мечети Махмут-бея в Кастамону, 1366 г.; Алла эд-Дина в Бурсе, 1236 г.; Давдангос и Акчасар в Карамане, Фируз Ага в Истанбуле, 1491 г. и др.

⁹² Дворцовая мечеть в Баку, 1421 г. и др.

⁹³ Мечеть Куршун-джами в Крыму. В середине XVIII в. это была огромная квартальная мечеть, крытая черепицей, с каменным куполом. Её портал украшала надпись о том, что построено здание как текия Бай Буглы Хатунью, вничью Кутлуг-Тимура — наместника хана Узбека в г. Крым. Из другой надписи следовало, что оно же было обращено в квартальную мечеть в 1398 г.

⁹⁴ Действительно, при обследовании фундаментов во время реставрации здания в 1995—1996 гг. никаких следов татарских сооружений найдено не было.

⁹⁵ Сама эта церковь, как известно, не была значительным сооружением и просуществовала до XVIII в. Она была разобрана «за ветхостью». Над её остатками сегодня стоит здание бывшего Юнкерского училища («Хэзинэ»).

⁹⁶ Попытка первичного анализа его как возможной мечети Кул Шарифа была проделана мною в докторской диссертации.

⁹⁷ По мнению автора, эта мечеть стояла на месте, занятом впоследствии Спасским монастырём (Худяков М. Г. 1921: 265).

⁹⁸ Сопоставления каменных минаретов Казани с минаретами главных мечетей Стамбула, сделанные в книге Ф. Х. Валеева и Г. Ф. Сулеймановой-Валеевой (1987: 132, примеч. 11), нельзя считать обоснованными. Масштабы и абсолютные размеры арабских и турецких столичных джамии XV—XVI вв. несопоставимы с размерами зданий Казани ни по площади, ни по уровню строительной культуры, ни по обеспеченности экономической мощью государства. К примеру, минарет мечети Шах-Заде имел высоту более 80 м при длине мечети около 140 м; Сулеймание в Истанбуле имела минареты около 70 м высотой и около 95 м длиной; мечеть Селимие в Эдирне обладала минаретами около 70 м высотой и длиной здания в 80 м. Ничего подобного в архитектуре Казани не было создано и в более поздние времена; однако именно эти памятники сопоставляются с мечетями Арка. Это была совершенно иная архитектура, с другими масштабными соотношениями, композиционными законами и непригодная для воспроизведения в условиях Казани.

⁹⁹ Следует упомянуть и о каменной кладке, остатки которой покрывают пространство внутреннего дворика собора

с севера от главного фасада, приписываемой северной церкви комплекса собора. Она не была изучена тогда и осталась не изученной впоследствии, когда она была обнаружена во время реставрации собора в конце XX в., и поэтому её датировка не была произведена. Не исключено, что часть фундаментов этой церкви могла быть вторичного использования и принадлежала более раннему, татарскому сооружению.

¹⁰⁰ К 350-летию покорения Казани (1552—1902). Подлинная о Казанском походе запись царственной книги 1552 г. И сказание князя Курбского о покорении Казани. — М.: 1902. — С. 97.

¹⁰¹ Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. — Казань: Таттосиздат, 1953. — Рис. 8.

¹⁰² Айдарова-Волкова Г. Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI—XIX веков. Модель развития. Структура типов. Влияния. Казань, 1997. — С. 25.

¹⁰³ Халит Н. Очерки по архитектуре ханской Казани. Гипотезы. Факты. Размышления. — Казань: Мастер-Лайн, 1999. — С. 188.

¹⁰⁴ Ранее эта идея была высказана на одном из заседаний учёного совета Музея-заповедника «Казанский Кремль» архитектором С. П. Саначиным.

¹⁰⁵ Хузин Ф. Ш., Ситдииков А. Г. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Эхо веков. Научно-документальный журнал. № 2 (41). — Казань, 2005.

¹⁰⁶ РГИА, ф. 1488, оп. 1, д. 1237. Эти материалы были любезно предоставлены мне для анализа Р. Р. Хайрутдиновым.

¹⁰⁷ Именно так расположена широко известная аль-Кабир города Булгар.

¹⁰⁸ Об этой мечети упоминал Ш. Марджани (1885: 199).

¹⁰⁹ По мнению архитектора А. С. Башкирова, такая техника каменной кладки в Булгарию могла быть занесена армянами, следы деятельности которых здесь прослеживаются с начала XII в. (Башкиров А. С. 1926).

Эта мысль была подхвачена затем археологом А. П. Смирновым (Смирнов А. П. 1951: 143, 1976: 6) и впоследствии поддержана и развита архитектором С. С. Айдаровым (Айдаров С. С. 1968: 8), хотя, разумеется, в условиях теократического государства прямое участие армян-христиан, крупная колония которых существовала в домонгольском Булгаре, в строительстве мечетей едва ли могло иметь место. Другие видят в каменных сооружениях XIV в. влияние азербайджанской, малоазиатской, египетской культур (Егеров В. В. 1958; Березин И. 1852; Мамедов Ф. Г. 1988: 23, рис. 13.).

По мнению ряда авторов, распространение азербайджанского зодчества (так же, как и грузинского и армянского) можно отнести ко времени хорезмийских и монгольских нашествий на Кавказ, способствовавших переселению мастеров и распространению так называемого «сельджуцкого»

направления средневекового передневосточного зодчества (Гордлевский В. А. 1941: 131; Мамедов Ф. Г. 1988: 21).

¹¹⁰ Обосновывая свою точку зрения, автор ссылался на следующие источники: Суслов В. В. 1899; Мефодий (Львовский). 1895: 36; Житецкий И. А.: 57.

¹¹¹ Фасады таких зданий чересполосно раскрашивались в два контрастных цвета, обычно белый и голубой. Корни такого решения пока проследить не удаётся, однако предположить консервацию местных традиций монументального стиля мы вправе. Анализируя архитектуру таких зданий, М. Худяков обратил внимание на сходство её с архитектурой калмыцких дацанов (крестообразный план, завершение в виде остеклённой башни, яркая полихромия) (Худяков М. Г. 1921: 58).

¹¹² Согласно гипотезе С. С. Айдарова, к таким зданиям можно отнести мечеть-медресе Кул Шарифа (Айдаров С. С. 1990: 27, 28).

¹¹³ См. об этом: Халит Н. Мечеть Кул Шарифа в Казанской крепости. 1996: 46; Халитов Н. Х. Храм Василия Блаженного... 1989: 59-64; Халит Н. 1999; а также соответствующий раздел настоящей книги.

¹¹⁴ Что же касается культовых зданий, то прямое участие «неверных» в их строительстве (не как рабочей силы, разумеется), как это утверждает С. С. Айдаров, едва ли представляется возможным, тем более в условиях военно-политической конфронтации Казани и Москвы в это время.

¹¹⁵ Подтверждением могут послужить «большие, многими Готскими фигурами и Арапскими надписями украшенные ворота» дворца Касим-хана в Хан-Кермане с «кровельными резными подзорами и теремочками», описанные П. С. Палласом (см.: Паллас П. С. 1809: 43-44. Цит. по: Вельяминов-Зернов В. В. 1863: 70, 71).

Содержание

Введение	3
МЕЧЕТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ (XI—середина XVI вв.)	9
Булгарский период (XII — середина XV вв.)	9
Казанское ханство (1438—1552 гг.)	26
Типология казанских мечетей	28
Архитектурные особенности некоторых типов мечетей	45
Образно-художественные средства	52
АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ	82
Аль-Джами аль-Кабир (Главная мечеть) города Казани	82
Хан-Джами	109
Другие мемориальные постройки	119
Мечеть Нур-Али в Югары Кермане	124
От Тазика до Улуга	135
ДРУГИЕ МЕЧЕТИ БЛИЗ АРКА	139
Майдан-Джами	139
Мечеть-медресе Кул Шарифа	141
Мечети Шахристана	148
Заключение	151
Список использованной литературы и источников	161
Ссылки	172

Научно-популярное издание

Халитов Нияз Хаджиевич

МЕЧЕТИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КАЗАНИ

Казань. Татарское книжное издательство. 2011

Редактор *Ч. И. Ялалова*

Художественный редактор *М. А. Вазиева*

Техническое редактирование
и компьютерная вёрстка *Н. А. Казаковой*

Корректор *А. Р. Шайдуллина*

На обложке использована картина *Н. Хазиахметова*

«Купола мечети Кул Шарифа»

Оригинал-макет подписан в печать 16.11.2011. Формат 70×100^{1/16}.
Усл. печ. л. 14,95 + 0,33 форз. Тираж 2000 экз. Заказ Р-1782.

ГУП «Татарское книжное издательство». 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Тел./факс: (843) 519-45-22.

<http://tatkniga.ru>

e-mail: tki@tatkniga.ru

Наши книги можно приобрести по следующим адресам:

Казань, ул. Декабристов, 2.

Отдел маркетинга Татарского книжного издательства. Тел.: (843) 519-45-35.

Казань, ул. Баумана, 29/11.

Фирменный магазин Татарского книжного издательства. Тел.: (843) 292-03-18.

Филиал ОАО «Татмедиа» полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.